РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ СКАЗКА

РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ СКАЗКА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ СКАЗКА

В ЗАПИСЯХ СЕРЕДИНЫ XIX–НАЧАЛА XX ВЕКА

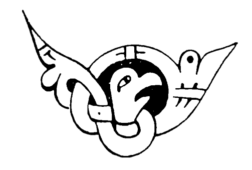

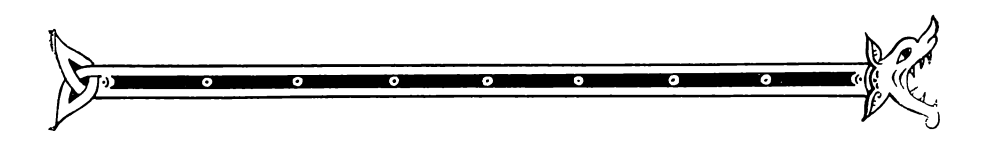
ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ,
СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ
Д. М. МОЛДАВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА–ЛЕНИНГРАД
1955

ТЕКСТ

ГОРШЕНЯ

Горшеня едет-дремлет с горшками. Догнал его государь Иван Васильевич.

— Мир по дороге!

Горшеня оглянулся.

— Благодарим, просим со смиреньем.

— Знать вздремал?

— Вздремал, великий осударь! Не бойся того, кто песни поет, а бойся того, кто дремлет.

— Экой ты смелый, горшеня! Люблю эдаких. Ямщик! Поезжай тише. А что, горшенюшка, давно ты этим ремеслом кормишься?

— С измолоду, да вот и середовой стал.

— Кормишь детей?

— Кормлю, ваше царское величество! И не пашу, и не кошу, и не жну, и морозом не бьет.

— Хорошо, горшеня, но все-таки на свете не без худа.

— Да, ваше царское величество! На свете есть три худа.

— А какие три худа, горшенюшка?

— Первое худо — худой шабер, а второе худо — худая жена, а третье худо — худой разум.

— А скажи мне, которое худо всех хуже?

— От худого шабра уйду, от худой жены тоже можно, как будет с детьми жить; а от худого разума не уйдешь — все с тобой.

— Так, верно, горшеня! Ты мозголов. Слушай! Ты для меня, а я для тебя. Прилетят гуси с Руси, перышки ощиплешь, а по правильному покинешь!

— Годится, так покину, как придет! А то и наголо.

— Ну, горшеня, постой на час! Я погляжу твою посуду.

Горшеня остановился; начал раскладывать товар. Осударь стал глядеть, и показались ему три тарелочки глиняны.

— Ты наделаешь мне эдаких?

— Сколько угодно вашему царскому величеству?

— Возов десяток надо.

— На много ли дашь время?

— Месяц.

— Можно и в две недели представить, и в город. Я для тебя ты для меня.

— Спасибо, горшенюшка!

— А ты, осударь, где будешь в то время, как я представлю товар в город?

— Буду в дому у купца в гостях.

Осударь приехал в город и приказал, чтобы на всех угощениях не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни медной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня кончил заказ царской и привез товар в город. Один боярин выехал на торжище к горшене и говорит ему:

— Бог за товаром, горшеня!

— Просим покорно.

— Продай мне весь товар.

— Нельзя, по заказу.

— А что тебе, ты бери деньги — не повинят из этого, коли не дал задатку под работу. Ну, что возьмешь?

— А вот что: каждую посудину насыпать полну денег.

— Полно, горшенюшка, много!

— Ну, хорошо: одну насыпать, а две отдать — хочешь?

И сладили.

— Ты для меня, а я для тебя.

Насыпают да высыпают. Сыпали, сыпали — денег не стало, а товару еще много. Боярин, видя худо, съездил домой, привез еще денег. Опять сыплют да сыплют, — товару все много.

— Как быть, горшенюшка?

— Ну, что ни жадала? Нечего делать, я тебя уважу, только знаешь что? Свези меня на себе до этого двора — отдам и товар, и все деньги.

Боярин мялся, мялся: жаль и денег, жаль и себя; но делать нечего — сладили. Выпрягли лошадь, сел мужик, повез боярин: в споре́ дело. Горшеня запел песню, боярин везет да везет.

— До коих же мест везти тебя?

— Вот до этого двора и до этого дому.

Весело поет горшеня, против дому он высоко поднял. Осударь услыхал, выбег на крыльцо — признал горшеню.

— Ба! Здравствуй, горшенюшка, с приездом!

— Благодарю, ваше царское величество.

— Да на чем ты едешь?

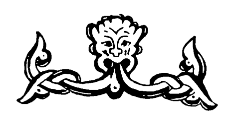
— На худом-то разуме, осударь.

— Ну, мозголов, горшеня, умел товар продать. Боярин, скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтан и разувай лапти; ты их обувай, боярин, а ты, горшеня, надевай его строевую одежду. Умел товар продать! Немного послужил, да много услужил. А ты не умел владеть боярством. Ну, горшеня, прилетали гуси с Руси?

— Прилетали.

— Перышки ощипал, а по правильному покинул?

— Нет, наголо, великий осударь, — всего ощипал.

ЦАРЬ И ЧЕРЕПАН

Бывало: поп да царь, да боярин собрались в один лик (похожи друг на дружка) и надели одинакое платье на себя, и пошли прохаживаться. И тогда разговор промежу себя ведут.

Царь спрашивает:

— Что на земле всего дороже?

Отвечает поп:

— На земле то всего дороже, у кого жена хороша!

Говорит царь:

— А, барин, ты что скажешь?

— То всего дороже, у кого денег много!

— А я считаю то всего дороже, — говорит царь, — у кого ума много!

Тогда идут вперед опять. Навстречу едет им черепан с горшками. Царь и говорит:

— Черепан, провези нас, изъян покроется!

Стал черепан горшки складывать, сложил, оборотил лошадь:

— Садитесь!

Сели на сани.

Ехал, ехал, зашла кобыла в лужочку, . . стала. Черепан ухватил плеть и стегает.

— Ах ты, кобыла! Дика, как государь!

Кобыла . . . и опять пошла. Поехали, спрашивает государь:

— Что, черепан, разве государь-от у нас дик?

— А как государь не дик: у бояр полны погреба денег лежат, да все их жалует, а у нужного, у бедного с зубов кожу дерет, да все подать берет!

— Черепан, есть люди, которые говорят: то дороже всего, у кого жена хороша?

— А это, надо быть, поп либо старец: те до хороших жен добираются.

Царь опять спрашивает:

— Есть люди, говорят: то всего дороже, у кого денег много?

— А то, — говорит, — боярин или боярской сын, они, толстобрюхие, до денег лакомы.

Опять царь спрашивает:

— Есть люди, которые говорят: то всего дороже, у кого ума много?

— А то царь либо царской сын, это они до большого ума добираются!

Доехали в город и заставили лошадь одержать. Тогда вставали все трое с саней и благодарили черепана за провоз. И говорит царь:

— Поезжай, черепан, по горшки и вези в город, завтра горшки будут дороги, да не ошибайся, проси дороже!

Черепан привез горшки в город, а царь сделал пир на весь мир и приказал всем гостям по горшку в подарок нести. Народ бежит к царю на пир, а к черепану приворачивает за горшком.

Продавал сначала по пять, потом по десять рублей, дошло по пятьдесят, а потом по сту рублей, — и все купят. Дотоль допокупали, один горшок остался. Ладит сам идти, подарками нести.

Главной боярин бежит [к] царю на пир и приворачивает [к] черепану за горшком:

— Продай горшка!

— Не осуди, нет боле, один есть да себе надо!

— Сделай милость, уступи, я — первой боярин!

— Я, пожалуй, уступлю, только сделай по-моему. [Черепан предлагает унизительнейшее условие, которое боярин выполняет].

Все собрались [во дворце], а черепана нет. Приходит и черепан на пир.

— Как же ты, черепан, сколько в тебе скупости, пожалел горшка принести, а привез воз целой!

— Помилуйте, ваше царское величество! Был самый лучшой, боярин отбил, — меч ваш, а голова моя!

— Да ты за этот горшок множество денег взял?

— Помилуйте, ваше царское величество, не взял.

— Да как-ино ты, за что отдал?

— Да не даром же отдал, а сказать нельзя!

— Скажи!

[Черепан рассказывает о позоре боярина. Царь говорит]:

— Узнаешь ли?

— Посмотрю, дак найду!

Посмотрел и увидел его в переднем углу — самой главнейшой боярин:

— Ну, уколи, скажи которой!

Он и уколол.

Призывает царь боярина к себе:

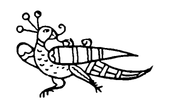
— Ты ли у черепана горшок за. . . купил?

— Я, царское величество! [Боярин признается, что выполнил унизительное условие].

— Потому, что я без горшка не смел явиться к вам!

— Да мне разве горшка надобно было? Мне надобно было черепана деньгами наделить. Не было горшка, дак и так бы пришел. . .

Взял царь посадил боярина на ворота и расстрелял.

ЕЛЕВЫ ШАШКИ

Жили-были два брата, один богатый, другой бедный. Богатый брат свиней покупал, свининой торговал, возил в Москву и большие барыши получал. Пришлось раз, повез свинину, и нипочем не берут. Привез ее всю назад.

У богатого брата было три сына. Приехал он из Москвы, дети спрашивают:

— Что, как, батюшка, дела ти?

— Свинина, — говорит, — нынче, робята, нипочем.

(А этого торговца-мясника сам царь знал). Вот наутро бедный брат приходит к богатому и спрашивает его:

— Что слышно в Москве?

— Ничего не слыхать, — сердито таково ему брат отвечает.

— А почем, брат, свинина?

— Свинина нипочем.

— А что же в Москве дорого?

И сказал брат ему на смех:

— Елевы шашки в Москве больно дороги.

Беднеющий брат приходит домой и говорит хозяйке своей:

— Хозяйка, свинина, брат сказывает, в Москве нипочем, а елевы шашки больно дороги. Айда, возок наберем!

А они от Москвы жили в двадцати верстах. Поехали в лес и набрали воз.

Он был бедный: поехал в Москву совсем раздевши, что я же. Приехал в нее утром, и так холодно. Стоит, весь посинел, с шашками на базаре. Никто не подходит и не торгует, потому брат на смех сказал.

Вот идет базаром сам царь, посмотреть, что на базаре есть, и говорит:

— Мужичок, что это ты привез?

— Елевы шашки.

— А почем их продаешь?

— Никто не торгует.

— На что же ты их привез?

— Да меня брат смутил.

— Кто тебе брат?

— Вот такой-то, — говорит. — Был здесь с свининой, свинину не продал, всю домой привез. Я спросил: «Почем свинина в Москве?». Он сказал: «Нипочем, а шашки елевы дороги».

Царь и говорит:

— Я твоего брата хорошо знаю. Ну, погоди, шашки ты все распродашь. Смотри, продавай по рублю за шашку! В час все у тебя разберут.

Приезжает царь домой и послал по всем господам, купцам и богатым мужикам, чтобы все шли к царю в гости и каждый бы нес елеву шашку.

Приказ получили и думают, где шашки взять. Один другому рассказывает:

— А вот тебе: на базаре их воз стоит.

Побежали на базар, весь воз расхватали. Полны сани мужик денег наклал.

Приходят все к царю и приносят шашки. Шашки он принимает и в чехаус их валит (не надо никуды). Вот мужичок шашечки про-

дал, пошел, полушубочек купил, зашел, стаканчик водочки выпил, сел да и домой поехал. Приехал домой, встречает его жена и спрашивает:

— Что, старик, как дела?

— Слава богу, хозяйка, рубль за шашку взял. Теперь казны привез, детям не прожить.

А богатый брат в дырочку слушает, да и кричит его:

— Подь-ка сюда! Что, как твои шашки?

— Рубль за шашку, — говорит, — взял.

Тот побежал к своим детям, запрягли трех лошадей, поехали, набрали три воза; поехали в Москву с шашками. Стали на базаре, стоят. Прежде вся Москва знала, что он свининой торговал, и говорят ему:

— Что ты дерьма-то вывез? Что свинины не привез?

— Свинина, — говорит, — нипочем, очень шашки здесь дороги: брат рубль за шашку продавал.

Идет сам царь и подходит к нему.

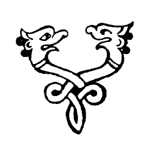
— Что ты дерьма привез?

— Нету, нынче, ваше царское величество, шашки здесь дороги.

Царь только головкой помотал и пошел домой. Послал царь на базар двоих казаков с плетями и велел им всыпать приезжим трем мужикам по сотне каждому за то, чтобы дерьма в город не возили. Казаки приехали на базар и начали богатого брата лупить плетьми. Так его отдули, чуть живого пустили; и шашки все раскидали. Приехал домой весь избитый, как пес, и так брата ругает; а брат и говорит:

— А чорт ли тебе велел? Ты бы . . . не торговал, а свинину бы продавал.

С тем и кончилось.

ЦАРЬ И ВОР

Вор с дядей шли к царю воровать, пришли к царским воротам. Вор велит дяде вперед идти, а дядя вору. Пошел, однако, дядя. Пошел дядя, подворотница пала, вору [оговорка сказочника; следует: дяде] голову отсекла. Вор тулово оставил, а голову с собой унес.

А царь хочет узнать, кто у него воровал. Стал клик кликать, всех баб собрать: которая женщина прослезится, та и жена убитого. Вор дядину жену научил:

— Ты неси крынку молока, урони, пролей и плачь: «Не жаль крынка, жаль молоко».

Выкопали могилу, собрались бабы. Погонили баб мимо эту могилу ширинкой. Жена дяди сронила крынку и плачет: «Не жаль крынки, жаль молоко!». Так царь и не мог узнать вора.

В кабаке стали сыпать злато-серебро: «Кто ли воровать будет». Злато-серебро теряется, а к полу никто не сгибается. Стали людей поить, пили люди, заспали. Утрях спят. Зашел поп и видит у вора на подошве серебренник. Поп взял да у вора полбороды и обрил. Проснулся вор, узнал, что у ся полбороды нет, взял да у многих полбороды обрил. И опять не могли вора признать.

А вор думать стал, как попу на смену заемно овратить. Сделал себе ящик, подделал бумажны крылья, одел хорошо платье и подлетел к попу перед окна на перила. Говорит:

— Я ангел господень, ты достоин, тебя на небо нести. Только будут мытарства, надо их перетерпеть.

Посадил попа в куль, принес и повесил на церковны ворота, на ограду, и надписал надпись: «Кто пойдет в церковь, каждой чтобы по кулю по разу ударили». Попа тут каждой колотил и до смерти заколотили.

А царь вора все не может признать. Оделся царь в шутовское платье и в рынке стал ходить, посоиваться меж людей. Ходит царь — посоивается, и вор посоивается. Друг дружку заметили ворами. Вор у царя спрашивает:

— Воровать не пошли?

— Можно воровать.

— А к кому пойдем?

Царь отвечает:

— К царю.

Вор царя по косице и хлесть:

— Ах ты. . . давно ли воруешь, а уж к царю идти хочешь! Я веки ворую, да на царя-то никогда не думал воровать!

— А к кому ино пойдем воровать? — спрашивает царь.

— А к боярам, у них деньги-те даровые.

Пошли воровать к боярам. Пришли к чердаку, а в чердаке, в верхних этажах, огонь, собранье. Вор железны храпы вынял, на руки, на ноги наложил, полез по стене. А народ советуют, как царя кончить. Придумали так: позвать его к себе в непоказанные часы, а когда придет, поднести ему чару. Чару выпьет, так сам помрет.

Слез вор со стены, дал царю когти, велел кверху лезть, самому прослушать. Одел царь когти, залез, послушал один совет. Отозвал оттуль царь вора на особицу. Отошли они подале, царь снял с себя шутовское платье и оказался во крестах и в [э]полетах. Вор на коленки пал, извиняется, что царя по косице ударил. Царь его простил. Повел царь вора во дворец.

— Когда бояре меня позовут во дворец, то я тебя назову иностранным купцом и возьму с собой. И будут мне подавать чару, я и спрошу: «У вас как — которой наливает, тот вперед выпивает, али которому подают?». Вы и ответьте: «Которой наливает, тот вперед выпивает».

Позвали бояре царя. Пошел царь с вором, вор наряжен иностранным купцом. Стали царю подавать чарку. Царь спрашивает:

— Как в ваших местах — тот выпивает, кто наливает, али как?

Купец отвечает:

— Которой наливает, тот первой и выпивает.

Царь приказал подносчику вперед выпить. Выпил подносчик чару, да тут и помер. Схватили всех, сколько тут было бояр, новы́х расстреляли, новы́х на воротах повесили. А вора царь себе думным доспел.

ЦАРЬ, СТАРИК И БОЯРА

Ехал государь с боярами, увидел старичка белобородого — борода большая, седой.

— Здравствуй, дедушка!

— Здравствуй, свет великия надежа государь.

— Как же ты, дедушка, поздно встал?

— А я рано встал, да подопнулся.

— А ты бы и в другиж.

— А я и в другиж встал, да подопнулся.

— А ты бы и в третьиж!

— А я и в третьиж встал, да опять подопнулся.

— Дедушка, давно ли на горах снеги забелели?

— Двадцать лет.

— Давно ли с гор ручьи побежали?

— Пятнадцать лет.

— Дедушка, прилетят сюды гуси, можешь ли их теребить?

— А сколько могу, потереблю!

— Дедушка, тереби гораздне, не жалей!

Распростился царь с дедом, поехали. Приехал царь домой, стал у бояр спрашивать:

— Чего мы с дедушкой говорили?

Бояре стали сроку просить. Выпросили сроку, с царем распростились, разошлись, сели на коней и поехали к дедушке. Приехали, поздоровались.

— Дедушка, чего вы с государем говорили?

— Нет, нельзя сказать!

— Дедушка, дадим по сту рублей!

— Нет, нельзя.

— Дедушка, дадим по двести рублей!

— Нет, нельзя.

— Дедушка, дадим по триста.

— Ну, когда по триста, скажу. Спросил у меня царь: «Пошто поздно женился?». Я сказал: «Рано женился, да женка померла». — «А ты бы, говорит, и в другиж женился». — «Я и другиж женился,

и другая померла». — «А ты бы и третьиж женился». — «Я и третьиж, и третья померла». Спросил царь: «Давно ли, говорит, волосы на голове заседели?». — «Двадцать лет». — «Давно ли, говорит, ручьи с гор побежали?». — «Пятнадцать лет». То слезы из глаз побежали.

— А гусей каких говорил? — спрашивают бояре.

— А вот вас самих теребить и велел.

Поехали бояре к государю и передали все, что узнали.

Другой раз поехал государь, увидел дедушку, спрашивает:

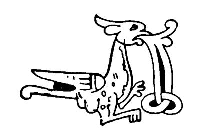
— Были ли у тебя гуси?

— Были!

— Ну каково же ты потеребил?

— А сколько мог теребил, свет великия надежа государь.

— А плохо теребил, ты бы так теребил, чтобы перышки все у их ощипал!

[ЗАГАДКИ]

Близ большой дороги засевал мужик полянку. На то время ехал царь, остановился против мужика и сказал:

— Бог-помощь, мужичок!

— Спасибо, доброй человек! (Он не знал, что это царь).

— Много ли получаешь с той полянки пользы? — спросил царь.

— Да при хорошем урожае рублей с восемьдесят будет.

— Куда ж эти деньги деваешь?

— Двадцать рублей в подать взношу, двадцать — долгу плачу, двадцать — взаймы даю, да двадцать — за окно кидаю.

— Растолкуй же, братец, какой ты долг платишь, кому взаймы даешь и зачем за окно кидаешь?

— Долг плачу — отца содержу, взаймы даю — сына кормлю, за окно кидаю — дочь питаю.

— Правда твоя! — сказал государь, дал ему горсть серебра, объявил себя, что он царь, и заповедал — без его лица никому тех речей не сказывать:

— Кто бы ни спрашивал — никому не говори!

Приехал царь в свою столицу и созвал бояр да генералов.

— Разгадайте, — говорит, — мне загадку. Видел я по дороге мужика — засевал полянку. Спросил у него: сколько он пользы получает и куда деньги девает? Мужичок мне отвечал: при урожае восемьдесят рублей получаю — двадцать в подать взношу, двадцать долгу плачу, двадцать взаймы даю, да двадцать за окно кидаю. Кто из вас разгадает эту загадку, того больших наград, больших почестей удостою.

Бояре и генералы думали, думали, не могли разгадать. Вот один боярин вздумал и отправился к тому мужику, с которым царь разговаривал. Насыпал ему целую груду серебряных рублевиков и просит:

— Объясни-де, растолкуй царскую загадку!

Мужик позарился на деньги, взял, да и объявил про все боярину. А боярин воротился к царю и сейчас растолковал его загадку.

Царь видит, что мужик не сдержал заповеди, приказал его перед себя достать. Мужик явился к царю и с самого перва́ сознался, что это он рассказал боярину.

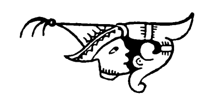
— Ну, брат, пеняй на себя, я за такую провинность велю казнить тебя смертию!

— Ваше величество! Я ничем не виновен, потому боярину рассказал я при вашем царском лице.

Тут вынул мужик из кармана серебряный рублевик с царской персоной и показал государю.

— Правда твоя! — сказал государь, — это моя персона.

Наградил щедро мужика и отпустил домой.

ВОЕВОДА И МУЖИК

С самого утра мужичок трудится на своей борозде; устал бедный. Едет воевода. Известно, воеводы рано не встают, ездить не ездят. Вот подъезжает он; увидел мужичка, подозвал, начал спрашивать, как его зовут, прибыльно ли работать, сколько получает в год.

— Ничего, слава богу; сыт, не гол — и того будет. За большим не гоняюсь. Уродится — хорошо, не уродится — божья воля. А в год сбираю рублей на восемьдесят.

Воевода опять спрашивает:

— Куда же ты, мужичок, их деваешь?

— Как куда? Известно, по хозяйству разве мало надыть? Да вот, с первого раза двадцатью рублями, значит, долг плачу, двадцать рублей в долг даю, двадцать рублей за окно кидаю, да двадцать рублей податей плачу!

Воевода стоит, раздумывает, что бы это значило: двадцать рублей в долг давать, двадцать в окно кидать да двадцать в долг отдавать. «Загадка трудная», — смекает; просит мужичка растолковать. Тот отказался. Воевода говорит:

— Ну ладно! Ты не говори никому, кто бы тебя ни спрашивал. Вот тебе мой воеводский приказ! — Пригрозил так воевода мужичку. — А то, — говорит, — тебе не сдобровать! И уехал.

Приезжает домой, потребовал всех самых именитых бояр.

— Так и так, говорит, попался мне мужичок на дороге; говорит, получает всего в год восемьдесят рублей: двадцать рублей долгу платит, двадцать рублей в долг дает и двадцать рублей в окно кидает. Отгадайте, бояре, эту загадку. Кто отгадает, награжу золотом и милостью!

Бояре весь день думали, ничего не придумали, выпросили у воеводы месяц сроку. Вот и месяц приходит к концу. Что делать? А каждому выслужиться хочется. Вот один поехал к мужику.

— Расскажи, — говорит, — братец, пожалуйста. Растолкуешь, пожалую тебя по-царски, дам тысячу червонцев.

Мужичок говорит:

— Двадцать рублей долгу плачу, то отца кормлю: он допрежь

меня кормил. Двадцать рублей в долг даю, то сына кормлю: он меня будет кормить, этим заплатит, стало быть. Двадцать рублей за окно кидаю, то дочь питаю: это уж ни жилец, ни помощник, ни кормилец.

Боярин подумал, подумал:

— И это, ведь, правда.

И дал мужичку тысячу золотых.

Приехал другой боярин и дал мужичку две тысячи золотых. Тот рассказал опять задачу. Приехал третий, дал три тысячи. Мужик опять растолковал боярину.

Месяц кончился. Пора отдавать отчет воеводе. Все пришли. Воевода начал спрашивать, кто как надумал. Один боярин сказал:

— На двадцать рублей отца кормит мужик, на двадцать сына, на двадцать дочь!

Воевода обратился к другому. Тот ответил то же. Конечно, и третий ответил не иначе.

Воевода себе на уме; это, дескать, что-то недаром. Послал гонца за мужиком, приказал немедленно явиться. Приехал мужичок, сейчас его к воеводе.

— Ах ты, такой-сякой, — осерчал воевода, — кому ты сказал про загадку? Говори правду-истину, а не то твоей голове не уцелеть! Я хотел разузнать, как отгадают мои бояре эту загадку, могут ли они моим воеводством управлять. А ты мне все дело изгадил! Знаешь, бояре должны быть всех умнее, всех догадливее?

Мужик не будь плох и говорит:

— Были у меня трое. Первый дал перышко, другой — два, а третий — целых три.

Воевода и язык прикусил; начал спрашивать, что это значит. А мужик усмехается, знает:

— Вот ты, воевода, здешний царь, значит. Тебе, значит, надо быть всех смышленнее. А ты вот у простого мужика спрашиваешь!

МУЖИК РАЗГАДЫВАЕТ ЗАГАДКИ

Один мужичок в деревне нуждался хлебом. А у них барин был, любил мужиков, которые догадливые были. Приезжает он к барину. Барин его спрашивает:

— Что тебе нужно, мужичок?

— К вашей милости, барин! Хлеба нету — нечего есть! Не будет ли ваша милость сколько-нибудь хлеба мне дадите?

Барин ему в ответ:

— А вот что, мужичок! Разгадай ты мне загадку, тогда я тебе отпущу и хлеба! Вот: что быстрее на свете нет?

Мужик сказал:

— Быстрее мысли ничего на свете нет!

— Ну, это, — говорит, — верно! Ну, а разгадай: чего сильнее на свете нет?

— Сильнее погоды нет!

— Ну, да и это, — говорит, — верно! Разгадай мне: что милее на свете нет?

— Милее сна ничего на свете нет!

Барин насыпал ему воз хлеба. Мужичок приезжает домой. У них в деревне был богатый мужик, и такой был завидливый. Приходит к мужичку, спрашивает:

— Где взял хлеба?

— Спасибо, мне насыпал целый воз барин!

— За что же он тебе насыпал?

— Он мне заганул загадку, а я ему рассказал. Он мне за то и насыпал целый воз.

Богач подумал: «Поеду и я: и я, может, разгадаю!».

У этого богача была тройка лошадей хороших.

Приезжает к барину. Барин его спрашивает:

— Что надо, мужичок?

— Да вот, к вашей милости приехал! Не отпустите ли мне хлебца?

— Отпущу тебе хлебца, только разгадай мне загадку! Когда не разгадаешь, тогда тройка твоя остается за мной!

— Быть может, — говорит, — разгадаю!

— Ну, скажи мне: что быстрее на свете нет?

Он показывает на своего жеребенка:

— Вот, моего жеребенка, я чай, ничего быстрее нет!

Барин говорит:

— Нет, это неправда! Вот, разгадай мне еще: чего сильнее на свете нет?

— Я чай, барин, сильнее медведя нет! — говорит.

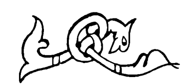
— И это, — говорит, — неправда! А что милее на свете нет?

— А что, барин? Мне милее своей жены ничего на свете нет!

Барин ему и сказал:

— У тебя хлеба много своего, ты и отгадывать не умеешь!

Так делать нечего, пошел мужик домой. А тройка лошадей осталась у барина.

БЕСПЕЧАЛЬНЫЙ МОНАСТЫРЬ

Много лет тому назад мимо одного небольшого городка проезжал государь. Ему очень понравился находящийся здесь монастырь, — видно было, что он не терпел нужды. Царь захотел посмотреть монастырь внутри, но и тут нашел все в порядке. Его встретил игумен, и царь спросил его:

— Как называется ваш монастырь?

Игумен отвечал:

— Нашему монастырю не совсем подходящее название: его называют беспечальным.

Государь рассмеялся и говорит:

— Если он называется беспечальным, то я на него наложу печаль.

— Какую?

— Я поеду дальше, а вам дам, до моего прибытия сюда к вам, разгадать три загадки: так как вы к богу близки своими молитвами, то сосчитайте мне все звезды на небе; вторая — оцените меня, что я стою; третья — что я сейчас думаю.

Игумен повиновался. И после отъезда царя иноки каждую ночь собирались в одну комнату и старались разгадать загадки, но это им не удавалось. Однажды они сидят по обыкновению в комнате, и приходит к ним повар спросить у игумена, что готовить завтра. Получив ответ, он сказал:

— Я осмелюсь спросить вас, братия, что вы так изнуряете себя каждую ночь?

Игумен рассказал ему все. Повар говорит:

— Я отгадаю эти загадки, если вы мне позволите встретить государя и надеть вашу одежду.

Игумен согласился. Через несколько времени приезжает царь, и мнимый игумен вышел навстречу:

— Что, отгадали загадки?

— Да, отгадал.

— Что же, сколько звезд на небе?

— Триллион триллионов, биллион биллионов и миллион миллионов.

— А верно ли это?

— Если вы не верите, то потрудитесь пересчитать!

— Вторая загадка: что я стою?

— Вы наш земной царь, а у нас есть еще небесный, и его продали за тридцать серебренников, то вас можно продать за половину.

— Теперь, что я сейчас думаю?

— Вы думаете, что говорите с игуменом, а между тем — с поваром.

При этих словах он снял с себя одежду. Царь наградил его и сделал игуменом.

БАРИН-КУЗНЕЦ

Барин один кузнецу позавидовал.

— Живешь ты, — говорит, — живешь, еще когда-то урожай будет и денег дождешься, а кузнец молотком постучит и — с деньгами. Дай кузницу заведу!

Завел кузницу; лакею велел мехи раздувать. Стоит, ждет заказчиков. Едет мужик мимо, шины заказать хочет на все четыре колеса (весь стан).

— Эй, мужик, стой! Заезжай сюда!

Тот подъехал.

— Тебе что?

— Да вот, барин, шины надо на весь стан.

— Ладно, сейчас, подожди!

— А сколько будет стоить?

— Да полтораста рублей надо бы взять, ну да чтобы народ привадить, сто всего возьму.

— Ладно.

Стал барин огонь разводить, лакей — в мехи дуть; взял железо, давай его ковать, а ковать-то не умеет. Все сжег.

— Ну, — говорит, — мужичок, не выйдет тебе не то что весь станок, а разве один шинок.

— Ну ладно, — говорит, — шинок так шинок.

Ковал, ковал барин и говорит:

— Ну, мужичок, не выйдет и один шинок, а выйдет ли нет ли сошничек.

— Ну ладно, — говорит мужичок, — хоть сошничек.

Постучал барин молотком, еще железа испортил много и говорит:

— Ну, мужичок, не выйдет и сошничек, а дай бог, чтобы вышел кочедычок.

— Ну хоть кочедычок, — говорит мужик.

Только у барина и на кочедычок железа нехватило: все сжег. Поработал, поработал и говорит:

— Ну, мужичок, не выйдет и кочедычок, а выйдет один шичок. (Когда железо раскаленное в воду опустить, так оно шикнет).

— Ладно, — говорит мужик, — сколько же вам?

— Да ведь я тебе, дурак, говорил, что сто.

— Со мной сейчас нет, я за деньгами пойду.

И ушел. А барин и говорит лакею:

— Ты, когда он придет с деньгами-то, стой да приговаривай: прибавь, мол, прибавь!

— Хорошо, — говорит.

Вот мужик захватил дома плеть, пришел в кузницу и давай барина жарить, а лакей стоит да приговаривает:

— Прибавь еще! Прибавь еще!

Отжарил и ушел. Барин накинулся на лакея:

— Что ты, подлец? Я тебе приказывал, если он денег принесет, говорить это, а ты видишь, меня бьют, а орешь: «Прибавь еще!».

Приколотил барин лакея, кузницу разломал и не стал больше браться за кузнечное ремесло, да завидовать кузнецу.

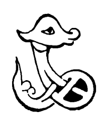
СКАЗКА О ФОМЕ И ЕРЕМЕ

Жили-были два брата, Фома да Ерема. Вздумали ребята, присоветовали пашенку пахать. Пашню распахали, ржи накидали; уродилась рожь хороша, ядрена, колосиста, волокниста. Колос от колосу — не слыхать голосу; сноп от снопа — палками кидали; суслон от суслона — перегонами гоняли. Еще тут нас, ребята, не повынесло, не повыдздунуло.

Вздумали ребята, присоветовали с торгу торговать. Ерема-то сел с лаптями да с граблями, Фома-то с пшеницей да с торицей. У Еремы-то не торгуют, у Фомы-то не берут. Еще тут нас, ребята, не повынесло, не повыдздунуло.

Вздумали ребята, присоветовали в божью церковь поехать. Ерема-то стал на клирос, Фома-то — в алтарь. Ерема-то запел, а Фома-то заревел. Взглянутся, приулыбнутся: «Не бежит ли за нами лихой пономарь с вязовым батогом?». Еще тут-то нас, ребята, не повынесло, не повыздунуло.

Вздумали ребята, присоветовали рыбаковничати. Ерема-то сел в лодку, Фома-то в ботник. Ерема-то утонул, а Фому-то чорт утянул.

БАРИН И ПЛОТНИК

Шел плотник между двумя деревнями — Райковой и Адковой. Встретился ему барин приезжий из другой губернии и спрашивает:

— Ты, мужик, из какой деревни идешь?

— Из Райковой.

— А я куда еду?

— В Адкову.

— Ах ты, дурак! Ты мужик да из Райкова, а я барин да в Адкову. . . Слуги, взять его и всыпать ему хорошенько!

Лакей соскочил, схватил плотника и давай его бить; били сильно, а потом уехали.

— Ладно, — думает плотник, — не пройдет это тебе даром! Узнал мужик, где барин живет, и идет к нему; приходит. А барин любил строиться и строил мызу. Барин не узнал плотника и подрядил его мызу строить.

Зовет его плотник в лес, бревна выбирать. Барин пошел. Пришли. Плотник ходит по лесу, да обухом по деревьям постукивает, да ухо прикладывает.

— Ты что же это, как узнаешь?

— А ты обойми дерево, приложь ухо, и ты услышишь!

— Да у меня руки не хватают!

— Ну, я тебя привяжу!

Привязал плотник барина к дереву, взял вожжи и давай дуть. Дул, дул, барин еле жив остался. А мужик бил да приговаривал:

— Еще тебя, сукина сына, два раза взбучу. Не обижай мастерового человека!

Взял барскую коляску и уехал. Барина еле нашли в лесу через три дня, уж при смерти был.

Хворает барин от мужицкого угощенья, а плотник переоделся, так что не узнать, и приходит лечить барина. Докладывают барину, что пришел лекарь. Барин обрадовался, а лекарь велел истопить байну. Пошли в байну. Помыл, потер лекарь барина и говорит:

— Ну, теперь надо, барин, тебя попарить; только тебе не вытерпеть, надо тебя привязать к скамье!

Барин согласился, и опять плотник вздул барина, да еще по голому телу хуже пришлось.

— Ну, еще раз от меня тебе битому быть: не обижай напрасно мастерового человека!

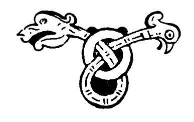
Сговорился плотник с братом: велел брату прогнать мимо барского дома, на барских лошадях, которых плотник угнал из лесу. Барин увидел в окно и послал всех своих слуг в погоню. Гнали, гнали слуги, вора не догнали, а пока ездили, барин был один дома, плотник пришел к барину и еще раз поколотил его:

— Ну, барин, помни, смотри, что нельзя напрасно обижать мастерового человека!

На утро барин поехал в город, увидел плотника, спрашивает:

— Мужичок, ты ведь вчерашний?

— Никак нет, мне сорок пять лет, какой же я вчерашний!

СЕРДИТАЯ БАРЫНЯ

В усадьбе была барыня, и до того была сердитая — никому житья не было. Это староста утром как придет спросить что, наряд дать какой, — она его не отпустит, так что не отхвостнёт!

А мужикам-то житья не было никакого: драла, как собак.

Солдатик приходил на побывку домой. Пришлось ему ночевать в этой усадьбе.

Ему все это рассказали, а он и сказал:

— У меня есть сонные капли!

Дали ей сонных капель. Она уснула.

Солдат велел лошадей запрячь.

В деревне был сапожник, и до того сердит — так страсть.

Вот он к этому сапожнику и отправил ее. Сапожник не знал, шил сапоги, а он положил на постель, а его жену взял туда, положил на барынину кровать.

Вот сапожника жена пробудилась, видит — дом преотличный. Сейчас служанки подбегают, подают на руки.

— Я до чего дослужила!.. Откуда берется? Это что такое?

Помылась. Подали полотенце. Вытерлась. Подают самовар. Села она чай пить. Староста приходит на цыпочках. Она взглянула, что за мужчина.

— Вам, — говорит, — что надо?

— Я, — говорит, — барыня, к вам пришел спросить, какой наряд дадите, что работать?

А она догадалась:

— Нешто вы не знаете? Что вчера делали, то и сегодня делайте!

Староста вышел в кухню и говорит:

— Сегодня какая барыня добренная, просто отроду такая не бывала!

Ну, она живет тут месяц, и другой, и так ее расхвалили крестьяне, что (впору) честь отдать.

Вот барыня утром пробудилась и кричит:

— Слуги!

А он сидит, шьет.

— Ты что, растакая...

А она:

— Что такое, сволочь?

— Ах ты, стерва, несчастная!

Вскочил со стула, сдернул с ноги ремень и давай ее нахаживать:

— Ты нешто не знаешь своей должности? Ты должна вставать и печь затоплять!

И до того катал ее, сколько ему хотелось!

Потом она взмолилася. Побрела за дровами, принесла дров, затопила печь, кой-чего сварила. Ну, это время так продолжалося месяца два. А он ее раза три да четыре изрядно поколотил.

И потом этот солдат дал сонных капель и переменил их.

Утром встает барыня тихонько, выходит из своей комнаты.

— Что это? Я в старом доме. Откуда я взялась?

Спросила служанок:

— Служанки, как же я сюда попала?

— Ты, барыня, нигде и не бывала!

И с тех пор барыня мягкая-размягкая разделалась, а швецова жена стала жить по-старому.

НАБИТОЙ ДУРАК

Жил-был старик со старухою, имели при себе одного сына, и то дурака. Говорит ему мать:

— Ты бы, сынок, пошел около людей потерся да ума набрался.

— Постой, мама, сейчас пойду.

Пошел по деревне, видит — два мужика горох молотят, сейчас подбежал к ним: то около одного потрется, то около другого.

— Не дури, — говорят ему мужики, — ступай, откуда пришел!

А он знай себе потирается.

Вот мужики озлобились и принялись его цепами подчивать: так ошарашили, что едва домой приполз...

— Что ты, дитятко, плачешь? — спрашивает его старуха.

Дурак рассказал ей свое горе.

— Ах, сынок, куда ты глупешенек! Ты бы сказал им: бог помочь, добрые люди! Носить бы вам — не переносить; возить бы — не перевозить! Они б тебе дали гороху, вот бы мы сварили да и скушали.

На другой день идет дурак по деревне; навстречу несут упокойника.

Увидел и давай кричать:

— Бог помочь! Носить бы вам — не переносить, возить бы — не перевозить!

Опять его прибили; воротился он домой и стал жаловаться.

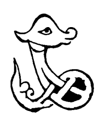
— Вот, мама, ты научила, а меня прибили!

— Ах ты, дитятко! Ты бы сказал: канун да свеча! Да снял бы шапку, начал бы слезно плакать да поклоны бить; они б тебя накормили-напоили досыта.

Пошел дурак по деревне, слышит — в одной избе шум, веселье, свадьбу празднуют; он снял шапку, а сам так и разливается, горько-горько плачет.

— Что это за невежа пришел, — говорят пьяные гости, — мы все гуляем да веселимся, а он словно по мертвому плачет!

Выскочили и порядком ему бока помяли. . .

ДУРЕНЬ НЕНИЛО И ЖЕНА ЕГО НЕНИЛУШКА

Был муж да жена. Жена-то умная, а муж-то не совсем. Ходил он на работу или куда там. Видит, в поле мужик рожь сеет. Вот он и говорит:

— Сеять бы тебе не пересеять, ничего бы у тебя не выросло!

Вот этот мужик трепал, трепал, до полусмерти его истрепал. Приходит он домой и плачет:

— Ненила, Ненилушка, все мое несчастьюшко!

Она говорит:

— Что же?

— Я в поле иду и увидал мужика, и говорю: сеять бы тебе да сеять, ввек тебе не пересеять!

Она и говорит:

— Дурак ты, дурак! Ты бы говорил: возить бы тебе не перевозить, носить бы тебе не переносить.

— Пойду, хозяйка, скажу, — говорит.

Идет, а покойника везут.

Он и кричит:

— Возить вам не перевозить, носить вам не переносить!

Опять его истрепали. Он опять домой идет, заплакал:

— Ненила, Ненилушка, все мое несчастьице! Иду, — говорит, — покойника несут, а я говорю: «Возить вам не перевозить, носить вам не переносить!».

Она и говорит:

— Дурак ты, дурак! Ты бы говорил: «Вечная память!».

— Пойду, — говорит, — хозяйка, скажу!

Идет, а свадьба идет, а он и кричит:

— Вечная память!

Ну, вот его опять истрепали всего. Он опять пришел к жене и плачет. Она говорит:

— Ты бы плясал и веселился, тебе бы пирог выкинули.

Он говорит:

— Пойду, попляшу!

Идет, а у мужика овин горит, а он давай плясать и веселиться.

Его опять мужик истрепал: мужику горе, а он пляшет. Он приходит домой и плачет и жалится жене.

— Иду, жена, вижу, у мужика овин горит, а я и заплясал.

Она и говорит:

— Дурак ты, дурак! Ты бы ведро схватил и заливал!

— Ну, пойду, хозяйка, залью.

Идет, а мужик свинью палит. Он схватил ведро и залил всю. Опять мужик схватил его, истрепал. А он опять заплакал, пошел домой и стал жене жалиться:

— Ненила, Ненилушка, все мое несчастьице! Иду я, иду, вижу, мужик борова палит, я взял у него и залил!

Она и говорит:

— Дурак ты, дурак! Ты бы говорил, что репа — мясо!

— Пойду, хозяйка, скажу!

Ну вот пошел, идет по задворкам, а мужик в нужном месте сидит, а он и говорит, что:

— Репа — мясо, мужичок!

Тот его опять схватил, трепал, трепал, всего истрепал. Идет к жене и жалится.

— О чем ты плачешь?

— Иду я, вижу, мужик в нужном месте сидит, а я и говорю: «Репа — мясо!».

— Дурак ты, дурак, ты бы говорил: черная гадина, с дороги долой!

— Ну пойду, хозяйка, скажу!

Идет, а священник на поле скотину обходит. Он и говорит:

— Черная гадина, с дороги прочь!

Они его схватили, трепали, трепали, чуть живого оставили. Он идет опять домой, плачет, хозяйке жалится:

— Иду, — говорит, — священник скотину обходит, а я говорю: «Черная гадина, с дороги долой!».

— Ты бы, дурак, сказал: «Батюшка, благословите меня!».

— Ну пойду, хозяйка, скажу!

Вот идет, а медведь навстречу попадается. Вот он подходит к медведю, руки сложил и говорит:

— Батюшка, благословите меня!

Он лапами затипал его, а чашу его с плеч и своротил долой. Тут и жизнь кончилась и сказка кончилась.

ЛУТОНЮШКА

Жил-был старик со старухой; был у них сынок Лутоня. Вот однажды старик с Лутонею занялись чем-то на дворе, а старуха была в избе. Стала она снимать с гряд полено, уронила его на загнетку и тут превеликим голосом закричала и завопила. Вот старик услыхал крик, прибежал поспешно в избу и спрашивает старуху: о чем она кричит? Старуха сквозь слёзу стала говорить ему:

— Да вот если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него был сыночек, да если бы он тут сидел на загнетке, — я бы его ведь ушибла поленом-то!

Ну и старик начал вместе с нею кричать о том, говоря:

— И то ведь, старуха! Ты ушибла бы его!. .

Кричат оба что ни есть мочи! Вот бежит со двора Лутоня и спрашивает:

— О чем вы кричите?

Они сказали, о чем:

— Если бы мы тебя женили, да был бы у тебя сынок, и если б он давеча сидел вот здесь, старуха убила бы его поленом: оно упало прямо сюда, да таково резко!

— Ну, — сказал Лутоня, — исполать вам!

Потом взял свою шапку в охапку и говорит:

— Прощайте! Если я найду глупее вас, то приду к вам опять, а не найду — и не ждите меня!

И ушел. Шел, шел, и видит: мужики на избу тащат корову.

— Зачем вы тащите корову? — спросил Лутоня.

Они сказали ему:

— Да вот видишь, сколько выросло там травы-то!

— Ах, дураки набитые! — сказал Лутоня. Взял залез на избу, сорвал траву и бросил корове. Мужики ужасно тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы он у них пожил да поучил их.

— Нет, — сказал Лутоня, — у меня таких дураков еще много по белу свету!

И пошел дальше. Вот в одном селе увидал он толпу мужиков у избы: привязали они в воротах хомут и палками вгоняют в этот хомут лошадь, умаяли ее до полусмерти.

— Что вы делаете? — спросил Лутоня.

— Да вот, батюшка, хотим запречь лошадку.

— Ах вы, дураки набитые! Пустите-ка, я вам сделаю.

Взял и надел хомут на лошадь. И эти мужики с дива дались ему, стали останавливать его и усердно просить, чтоб остался он у них хоть на недельку. Нет, Лутоня пошел дальше.

Шел, шел, устал и зашел на постоялый двор. Тут увидал он: хозяйка-старушка сварила саламату, постановила на стол своим ребятам, а сама то и дело ходит с ложкою в погреб за сметаной.

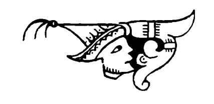
— Зачем ты, старушка, понапрасну топчешь лапти? — сказал Лутоня.

— Как зачем? — возразила старуха охриплым голосом. — Ты видишь, батюшка, саламата-то на столе, а сметана-то в погребе.

— Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда сметану-то; у тебя дело пошло бы по масличку!

— И то, родимой!

Принесла в избу сметану, посадила с собою Лутоню. Лутоня наелся, залез на полатки и уснул. Когда он проснется, тогда и сказка моя дале начнется, а теперь пока вся.

СКАЗКА О ГЛУПЫХ ЛЮДЯХ

Жили-были старик да старуха, у них было двое детей, сын Иванушка да дочь Аннушка. Старуха пришла раз на реку с бельем и плачет. Подошел к ней старик и спрашивает: «О чем, старуха, плачешь?».

— Да как мне не плакать? — отвечает старуха. — Вырастет наша милая дочь Аннушка, отдадим мы ее за реку замуж; она родит сына Иванушку, а тот пойдет к нам за реку в гости да и утонет.

И старик тоже давай плакать. Подошел к ним сын Иванушка и спрашивает:

— О чем, батюшка и матушка, плачете?

— Как нам не плакать? — отвечают старики. — Вырастет наша милая дочь Аннушка, отдадим мы ее за реку замуж, она родит сына Иванушку, а тот пойдет к нам за реку в гости, да и утонет!

Не вытерпел Иван и говорит:

— Пойду я от вас, батюшка и матушка, если найду вас глупее на свете, то назад ворочусь, а не найду — не ворочусь!

Вот идет Иван и видит: два мужика над бревном трудятся, что есть силы, за концы тянут.

— Что вы это, братцы, делаете?

— Да вот, — говорят, — бревно коротко — вытянуть хотим.

Посмеялся Иван над глупыми людьми и пошел дальше.

Идет и видит: баба что-то решетом в избу носит.

— Что это ты, тетушка, решетом носишь?

— Свет, родимый, ношу, свет! — отвечает баба, — чтобы по ночам лучины не жечь.

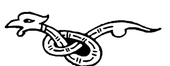
Посмеялся Иван над глупой бабой и пошел дальше.

Идет и видит: баба над курицей что-то хлопочет.

— Что это ты, тетушка, с курицей делаешь? — спрашивает Иван.

— Да вот, родимый, у курицы соски ищу, молочка подоить, цыплят покормить!

«Ну, — думает Иван, — много есть на свете дураков». И воротился к отцу с матерью.

КАК ОДИН БОГАЧ ХОТЕЛ СВОЕГО СЫНА ЖЕНИТЬ

У одного богача сын был с порядочной дурью, но «богач и быка женит», говорят наши старики, и верно так! Вздумал богач сына женить своего.

Говорит своей старухе:

— Ну как, баба, думаешь, надо при своих глазах женить!

Та очень рада была, что старик желает сына женить. И давай его мать научать, как бы покруглей слово говорить, получше.

— Смотри же, — говорит, — когда с отцом поедешь в сваты, попроворнее будь, словно как духовские мужики.

И он только это одно и знал, что не бояться и как бы быть посмелей. Ну, что ж? Они приезжают к одному тоже богачу.

— Ну что, — говорит, — брат, долго нам нечего калякать; надо говорить, об чем приехали.

— Ну, говори!

Тот начал говорить:

— Вот, как я собственно знаю, что у вас есть барышня, а у меня есть жених, не будете ль согласны быть со мной сватом?

— Ну отчего ж, — говорит, — мы вами не брезговаем!

— Живем мы еще как, по-старинному, слава богу, и сейчас, — говорит. — Иногда трапляется деньги мерками мерить. Слава богу, имею шестерку рабочих лошадей.

А товарищ его, кум, который был крестный тому жениху:

— Ну что ты, говорит, врешь! А жеребец-то на стойле четвертый год стоит! Что ж ты не считаешь? Тот разве не лошадь?

Тот прибавлять начинает:

— Семь штук коров имеем!

А кум опять:

— Ну что ты врешь? А две-то еще телки по третьему году, ты нешто за коров не считаешь?

— Ну вот что, — говорит, — садитесь, чего-либо закусим.

Вот они сели за стол; раньше самоваров, конечно, не было у мужиков в то время. Подают кусок мяса. Ну, как жених, конечно, проворный.

— Вы, — говорит, — старики, погомоните! Дай-ка я займусь крошить мясо!

Столько не крошит, сколько в рот кладет, а другим хоть ничего не будь! Потом говорит невестин отец:

— Нет, брат, так мне обсудилось, обождем до налетья отдавать.

Поехали они домой. И говорит жених матери:

— Ну, матушка, и наклался же я мясом в два ряда, хотя невесту и не засватал. Ужинать не хочу!

— Как же это так?

— А так, говорит, я как попроворней, взялся я мясо крошить, большая часть сам поел!

— Чем же ты крошил?

— Вот еще чем! Да ножиком!

— Эх ты, как я тебя научаю быть попроворнее! Ты ж бы спросил вилки и ножик, а пальцы в рот не позволял бы лизать при компании!

— Ну ладно! Буду знать впредь!

Поехали к другому. Приезжают тоже к богатому. Богач, понятно, по-богатому! Жених хорошо материно слово помнит. То их потчуют опять.

— Сядьте-ка, — говорят, — за стол! Не желаете ли чего закусить?

— Нет, мы только сейчас закусывали!

— Ну, чем же вас угощать? Баба, принеси-ка орешков. От неча дела займемся покусать!

Приносит та в тарелке орехов. То проворный жених и говорит:

— Дайте-ка мне ножик и вилку!

Ножом как намерится резать, да «стой! — говорит, — не так вздумал: надо вилкой поддержать!». Держит вилкой орех во всей тарелке, какой он намерился задержать. Как с размаху резанет ножом, орехи все засыпались не только с тарелки, а ни одного и на столе не осталось! Чуть и тарелку не разрубил за один замах. То видит хозяин, что он вовсе дурак.

— Нет, брат, — говорит, — мы не отдадим нынче, не думаем отдавать!

— Ну что, — говорит кум, — ничего больше! Поедем домой.

Приезжают домой.

— Ну, матушка, орехов насыпали полную тарелку, кусать не пришлось!

— Как так?

— А так! Вы мне сказывали дома, что надо брать вилку и ножик. Мне это все было подано; я вилкой поддержал, ножом как резанул, так не только что в тарелке, на столе ничего не осталось, и тарелка чуть пополам не развалилась!

— Эх ты, — говорит, — дурак! Ты ж бы взял горсточку, да в другую руку, одну бы ты себе в карман положил, а другую бы невесте подал и сказал бы ей: «На-ка вот тебе горсточку, и эта мне горсточка! Бог знает, может, господь даст, не пришлось бы вместе жить!».

Он так и думает:

— Ладно ж, матушка, теперь буду ж умней!

— Ну, — говорит дед, — съездим еще в село к одному такому-то; если уж неудача, то уж нынче ездить не будем!

Тот поехал с кумом. Приезжают. Аккурат попали, ужинать сели. Оно, значит, удача.

— Поехали от хлеба-соли, — думают, — приехали аккурат к делу, все собрание за столом.

— Ну, — говорит, — садитесь за стол, Иван Пахомов, и ты, Василий Мартынов, садись! Садись, брат, молодой человек!

Но тот хотя не хотел садиться, столбом стоять неприлично. Делать нечего, наверно, по задаче пойдет. Много кушанья переменяли, в конце — только хотели они вылазивать из-за стола, хозяйка кричит:

— Подождите, братцы, молочка волью на закусочку.

Так приносит на стол молоко с киселем. Думает жених:

— Ну, все не очень ел, ну, уж киселя прохвачу, силён на молоко с киселем!

Да и вздумал маткины слова. Как бы ж это попроворнее сделать? Все едят ложками, он ложку положил перед собой на стол и думает:

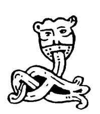
— Нет, — говорит, — не так!

Потом вдруг, цап! Горсть в одну руку, потом еще в другую. Аккурат напротив сидела на скамье невеста.

— На-ка, — говорит, — барышня! Может, — говорит, — господь даст нам вместе жить — тебе горсточку и мне горсточку!

Думает, как орешки. Сам весь обрызгался молоком и товарища своего кстати обмазал. Да и этот понял, что он совсем дурак. С тем и поехали домой.

Ну что ж? И сейчас холостой ходит. В Белом у Зарецкого, мы видали, жил; сам он это рассказывал.

БАРИН И МУЖИК

Жил-был мужик; имел у себя много овец. Зимним временем большущая овца объягнилась, и взял он ее с двора в избу, с ягненочком. Приходит вечер; едет барин, попросился к нему ночевать. Подошел под окошко и спрашивает:

— Мужичок, пусти ночевать!

— А не будете ночью озоровать?

— Помилуй! Нам бы только где темну ночку проспать.

— Заезжай, барин!

Взъехал барин с кучером на двор. Кучер убирает лошадей, а барин в дом пошел. На барине был огромный волчий тулуп. Взошел в хату, богу помолился, хозяевам поклонился:

— Здорово живете, хозяин с хозяюшкой!

— Добро жаловать, господин!

Сел барин на лавочку. Овца волчий тулуп увидала и глядит на барина; сама глядит, а ногой-то топ, и раз, да и два, да и до трех.

Барин говорит:

— А что, мужичок, овца ногой топает?

— Она думает, ты волк; слышит волчий дух. Она у меня волков ловит; вот нынешнюю зиму с десяток поймала.

— Ах, дорого бы я за нее дал! Не продажна ли она? Для дороги мне она хороша.

— Продажна, да дорога.

— Эх, мужичок, да не дороже денег; у барина хватит.

— Пожалуй, уважить можно.

— А сколько она стоит?

— Пять сот рублей.

— Помилуй, много! Возьми три сотенки.

Ну мужик согласился, продал. Барин ночь переночевал, на зорьке встал и в путь собрался; хозяину три сотенки отдал и овечку взял, посадил в санки и поехал. Едет. Идут встречу три волка. Вот овца увидала волков, так и прыгает на санях. . . Барин говорит кучеру:

— Надо пускать: вишь как она раззадорилась! . . Сейчас поймает. (А она боится).

Кучер и говорит:

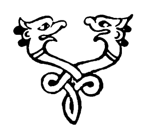
— Постой немножечко, сударь, она раззадорится.

Сверстались волки с ними ровно. Барин выпустил овцу; овца испугалась волков, в лес полетела, коротким хвостом завертела. Как волки за ней залились, только снег раздувается, а кучер за ней собирается. Поколе лошадушку выпрягал, в погонь за овцей скакал, волки овцу поймали и шкуру с нее содрали, сами в лес убежали. Кучер подскакал: овца на боку лежит, а ее шкура содрана лежит. Подъезжает к барину. Барин его спрашивает:

— Не видал ли чего?

— Ах, сударь, хороша овца! Вся изорвалась, а волкам не поддалась!

Мужичок три сотенки получил, сидит теперь барину сказочки рассказывает, а три сотенки в кармане лежат.

СОЛДАТ И БАРИН

Вышел солдат в отпуск, нанялся служить к скупому барину: в год за сто рублей. Помещик велел ему и лошадей чистить, и навоз возить, и воду таскать, и дрова рубить, и сад мести, словом, не дает ему отдыху ни на минуту, совсем измучил работой. Отслужил солдат год и просит расчета. Помещику жалко отдавать деньги, стал доставать, а сам ревмя ревет.

— О чем вы, сударь, плачете?

— Да денег жалко!

— Экой ты, барин! Ведь я тебе целой год прослужил. Если б ты мне прослужил три дня, так я б тебе отдал сто рублей и слова не сказал.

«Три дня немного, — думает барин». Пошел советоваться с барыней. Она говорит:

— Что же, отслужи три дня!

А сама думает: «Ведь не мне служить, а мужу, ему — не мне плохо будет». Барин согласился.

Солдат поужинал, лег спать в сарае, разулся, один сапог забросил в один угол в сено, другой — в другой угол. Поутру проснулся, кричит: «Эй!». Помещик входит.

— Подавай сапоги, я хочу одеваться!

Помещик хвать — сапогов нету, и запорол горячку, спрашивает солдата:

— Где твои сапоги?

— Ах ты, . . . каналья, ты у барина спрашиваешь о сапогах? Верно и не чистил их! — да хвать его по уху, да по другому.

Барин туда-сюда, насилу один сапог отыскал, а другого нет.

— Подайте палок! — закричал солдат и давай дуть помещика. До того промял, что он не рад и деньгам.

— Не хочу, — говорит, — тебе служить, возьми свои деньги, чорт с тобой!

СОЛДАТ И БАРИН

Говорил барин с солдатом; солдат стал хвалить свою шинель:

— Когда мне нужно спать, постелю я шинель, и в голова положу шинель, и покроюсь шинелью!

Барин стал просить солдата продать ему шинель; вот они сторговались за двадцать пять рублей. Пришел барин домой и говорит жене:

— Какую я вещь-то купил! Теперь не нужно мне ни перины, ни подушек, ни одеяла; мою шинель постелить, в голова положить и одеться шинелью.

Жена стала его бранить:

— Ну, как же ты будешь спать?

И точно, барин постелил шинель, а в голова положить и одеться нечем, да и лежать-то на ней жестко.

Пошел барин к полковому командиру жаловаться на солдата. Командир велел фельдфебелю позвать его.

Привели солдата.

— Что же ты, брат, — говорит командир, — обманул барина?

— Никак нет, ваше высокоблагородие, — сказал солдат, — взял расстелил шинель, голову положил на рукав и накрылся полою.

Полковой командир еще наградил солдата, дал ему на выпивку.

Вот как поработаешь да долго не спишь, так и на камне заснешь; а кто ничего не делает, тот и на перине не уснет!

ВЕСТОВОЙ У ГЕНЕРАЛА НА ВЕСТЯХ ИЛИ СОЛДАТСКОЕ «ОТЧЕ НАШ»

В одно прекрасное время солдат находился у генерала на вестях в передней комнате. Закурил трубку и говорит:

— Эх-ма, плохая моя доля! Разуму хотя и много, да денег нет ни гроша.

А в это время генерал находился в кабинете, занимался письменными делами и услыхал, как солдат обижается на свою долю. Любопытство подстрекнуло его спросить, и он вскричал:

— Вестовой, пойди сюда!

Вестовой подходит и говорит:

— Что изволите, ваше превосходительство?

— Что ты за умница такая, что у тебя разуму много?

— Конечно, много, ваше превосходительство! Я на каждый вопрос могу отвечать и ни в чем не запнусь.

— Хорошо, посмотрим, как отвечать-то будешь.

Генерал начал спрашивать вестового:

— Послушай, вестовой, почему это так: бог сотворил небо и землю и всем управляет, ему должны все повиноваться и исполнять его заповеди, а мы говорим ему «ты», а не «вы», а начальнику — «вы»?

Вестовой отвечал:

— Вас, чертей, много, а бог один, поэтому и говорим ему «ты», а не «вы», ваше превосходительство.

Генерал отвечал:

— Хоть ты и правду говоришь, но лично оскорбил меня, за это тебе грех будет.

— Эх, ваше превосходительство, горе теперь грехи искать: грех скончался, правда сгорела, правосудие убежало, добродетель ходит по миру, роскошь под арестом, закон на пуговицах, верность на аптекарских весах, надежда с якорем на дне моря, да и терпение скоро лопнет.

Генерал подумал, да и говорит:

— Вижу, на словах-то ты ловкий, как на деле-то будешь. . .

Вестовой отвечал:

— Я и на деле такой же, ваше превосходительство. Извольте спрашивать о полковнике или генерале, я на все буду отвечать словесно; молитвы, заповеди в особенности, как дважды два, много лучше соборного пономаря отвечу, без запинки.

— Хорошо, посмотрим, как-то отвечать ты будешь. Читай-ка мне хоть. . . «Отче наш».

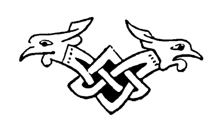
— Извольте слушать, ваше превосходительство.

Вестовой начал читать:

Когда солдат в строй вступает,
Тяжко вздыхает и говорит:
«Отче наш».
Румяная заря играет,
Рота командира ожидает, —
Иже еси.
Шумит, гремит,
Рвется, как
На небеси.
Подайте палок и плетей
Для солдатских плечей!
От солнечных лучей
Да святится.
Тогда солдат солдата,
По приказанью начальства,
Бьет и в уме своем клянет
Имя твое.
Потом входит к ним фельдфебель,
Кричит: «Стройся, равняйся,
Смотри на начальника бравей!».
Да приидет.
Теперь вся рота наша в отряде,
Командир наш помрет,
Будет во аде,
Тамо же будет
Царствие твое.
Вот здесь командуешь нами,
А там будешь командовать чертями, —
Над ними
Да будет воля твоя.

Там будешь более в почете,
Нежели у нас в батальоне или роте,
    Яко на небесех,
Хоть ты не более червя,
Который пресмыкается
    И на земли.
Провиант наш ты на что меняешь?
У нас последнее отнимаешь,
Ведь это —
    Хлеб наш насущный
Царь нам от казны отпускает, —
    Даждь нам днесь.
А если мы перед тобой в чем провинились
Или на службу не явились,
В кабаке просидели, —
    Остави нам.
А что вы муку нашу продаете,
А денежку в карман кладете,
Это за вами —
    Долги наши.
Хотя вы мукой не торгуете,
Ничем не барышуете,
    Яко же и мы оставляем,
Если с нами честно разочтетесь
И во всем нас удовлетворите.
А если попрежнему, то будете
    Должниками нашими.
А командир наш до самой смерти
Смотрел на нас сурово, —
Не дай нам бог другого
    И не введи нас во искушение,
    Но избави нас,
А равно и мы от тебя избавиться
Очень рады, как
    От лукавого.

Генерал его за это поблагодарил и три рубля на водку подарил.

СКРЯГА

Жил-был богатый купец Марка — скупей его не было! Раз как-то пошел он гулять; идучи дорогою, увидал нищего: сидит старец и просит милостыни:

— Подайте, православные, христа ради!

Марка-Богатой прошел мимо. Следом за ним шел на ту пору бедной мужик, возжалел нищего и подал ему копеечку.

Стыдно показалось богатому, остановился он и говорит мужику:

— Послушай, земляк, дай мне взаймы копеечку; хочется убогому подать, да мелких нету!

Мужик дал ему и спрашивает:

— А когда за долгом приходить?

— Завтра приходи!

На другой день бедной идет к богатому за своей копейкою. Пришел на его широкой двор:

— Что Марка-Богатой дома?

— Дома! Тебе что надо? — спрашивает Марка.

— За копеечкой пришел.

— Ах, брат! Приди после; ну, право, мелких нет.

Бедной поклонился и назад:

— Я, — говорит, — приду завтра.

Наутро приходит — опять то же:

— Мелких денег вовсе нет, коли хошь, давай с сотенной сдачи. . . а не то приходи через две недели.

Через две недели снова идет бедной к богатому, а Марка-Богатой увидал его в окно и говорит жене:

— Слушай, жена! Я разденусь догола и лягу под святые; а ты покрой меня полотном, сиди и плачь, словно над мертвым. Когда придет мужик за долгом, скажи ему, что я сегодня помер.

Вот ладно, как муж приказал, так жена и сделала: сидит да горючими слезами заливается. Приходит мужик в горницу, она его и спрашивает:

— Тебе что?

— За должком к Марке-Богатому, — отвечает бедной.

— Ну, мужичок, Марка-Богатой приказал долго жить; сейчас только помер.

— Царство ему небесное! Позволь, хозяйка, за мою копеечку послужу ему — хоть грешное тело обмою.

С этим словом ухватил чугун с горячей водою и давай Марку-Богатого кипятком ошпаривать. Марка еще терпит, морщится да ногами дрыгает.

— Дрыгай, не дрыгай, а копейку отдай! — говорит бедной. Обмыл, снарядил, как надо.

— Ну, хозяйка! Покупай гроб да вели в церковь выносить; я стану над ним псалтырь читать.

Положили Марку-Богатого в гроб и вынесли в церковь; а мужик стал над ним псалтырь читать.

Наступила темная ночь.

Вдруг открывается окно и лезут в церковь воры-разбойники; мужик за алтарь спрятался. Воры влезли и начали меж собой добычу делить; все поделили, остается золотая сабля — всякой к себе тащит, никто не уступает.

Бедной как выскочит, как закричит:

— Что вы спорите? Кто мертвецу голову отрубит, того и сабля будет!

Марка-Богатой вскочил сам не свой.

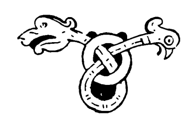
Воры испугались, побросали свою казну и кинулись бежать.

— Ну, мужичок, — говорит Марка, — давай деньги делить. Разделили поровну; много досталось и тому и другому.

— Что же копеечку? — спрашивает бедной.

— Эх, брат! Сам видишь — мелких нет!

Так-таки и не отдал Марка-Богатой копеечки.

КАК ПОП РАБОТНИКОВ МОРИЛ

Вот в некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в каком живем мы, жил один мужик. У него было три сына — два умных, а третий дурак. Жили очень бедно. Отец посылает сыновей:

— Идите хоть один в работники: дома делать нечего!

Сыновья собрались; ни тому, ни другому неохота идти в работники. Перетолковали, здумали жребий кинуть, — кому идти в работники. Кинули жребий, досталось большаку брату идти в работники. Большак брат справился и отправился в путь-дорожку. Поступил в работники к попу. Тот его ничем почти не кормил, проморил зиму. Ушел большак. На другой год отправился к попу средний брат и тоже чуть с голоду не помер. Настала очередь меньшому брату идти — Ивану-дураку. Вот он снарядился и отправился в дорогу. Вышел — попадает поп стречу ему.

— Далеко ли, добрый человек, идешь? — спрашивает поп.

— Иду себе места искать! — говорит.

— Ну, наймись ко мне в работники!

— Найми! — говорит. — Сколько дашь?

— Сто рублей дам, — говорит, — за зиму!

— Ну, а сто рублей дашь, я и жить стану! — говорит.

— Ну станешь, дак садись в сани и поедем ко мне!

Сели в сани и поехали к попу. Приехали к попу. Поп чаем напоил; ужином накормил.

— Ложись спать! — говорит. — Утром ехать за сеном.

Утром поп будит [с] полночи работника:

— Вставай, надо ехать!

Сам чаю напился, отзавтракал, а работника не кормит на дорогу. Работник запряг пару лошадей.

— Ну, садись, батька! Поедем, — говорит.

Сели и поехали. Выехали за поле.

— Батька, — говорит, — я веревки забыл! Нечем сено завязать.

— Экой ты чудак! Еще хорошо скоро вспомнили! Беги, я подожду!

Иван-дурак прибежал к попадье.

— Матка, давай скорей белорыбник и бутылку вина! Поп велел дать!

Попадья сейчас подала. Работник побежал.

— Нá веревки, батька! Теперь есть чем сено вязать!

Верст сорок проехали. Наклали они возы, завязали. Поехали домой — сумерилось, а еще верст сорок ехать домой. Иван-дурак на возу выпивает из бутылки и белорыбником закусывает. Поп и говорит Ивану-дураку:

— Ваня, гляди. Есть дорога направо, как бы туда лошадь не сбрела. А я дремлю.

— Ладно, батька, поезжай. Я усмотрю эту дорогу.

Ваня идет и смотрит эту дорогу. Увидал эту дорогу, скочил с воза и отвел лошадь в сторону по той дороге, по коей не надо было ехать.

Проехали они по этой дороге верст пятнадцать. Потом поп проснулся. Осмотрел место и видит, что в сторону едут, не ладно.

— Ваня, ведь мы не ладно едем!

— А я, — говорит, — почем знаю — ладно или не ладно! Ведь ты впереди едешь, а я за тобой.

— Экой Ваня! Как я наказывал, что посмотри, дорога направо будет, а ты и заехал!

— Ишь, сам впереди, а я и заехал!

— Ну, стало быть, Ваня, делать нечего! Надо ехать по этой дороге. Должна тут быть деревня недалеко, нужно нам в ней ночевать.

Так поехали дальше продолжать. Приезжают они в одну деревню. Поп посылает работника:

— Пойди, просись ночевать вот у такого-то мужика!

Работник побежал к дверям. Видит двери заперты. Сейчас большуха вышла, двери отворила. Работник вошел и прóсит хозяина.

— Пусти нас, пожалуйста, с попом ночевать!

— Милости просим, — говорит, — ночуйте!

— Да, пожалуйста, я вас прошу, попа ужином не кормите: накормите, он еще горазже сшалеет. Примолвите так, а садить не садите более, а если посадите, так не взыщивайте, если сшалевать будет!

— Ну ладно!

Работник лошадей выпряг, поставил к возам. Вошли в избу, разделись поп и работник.

— Поужинать ли не хотите ли, батюшка?

Поп на ответ ничего не подает, а работник свернулся, да и за стол. Работник отужинал, как ему надо, а попу сесть неловко, только примолвили, а больше не садят; а есть очень хочется. Так работник отужинал, полез на полати, и поп за ним. Работник захрапел, а попу не спится. Работника тычет под бока:

— Работник, ведь я есть хочу!

— Ох, . . . косматый леший! Садили тебя есть, не садился. Ведь не дома, где попадья за руки садит. Поди, я видел у большухи горшок каши стоит, пойди ешь!

Поп сошел со полатей, разыскал горшок в сошке.

— Работник! — говорит, — чем я буду кашу есть? Ложки мне не найти, — говорит.

— А ты, чорт косматой, навязался! Есть ему дал и то спокою не дает! Засучи руки и ешь так!

Поп загнёл туда руки и ожог, а там не каша была, а вар. Вот он и забегал с горшком опять:

— Работник, ведь мне рук не вынуть!

Работник и говорит:

— Ишь, лешего косматого навязало на меня! Всю ночь спокоя не даешь со своей кашей.

[А ночь] была месячная, значит.

— Вон, — говорит, — у порога точило лежит, брякни горшком об него и вынешь руки-то!

Этот поп разбежался — да как хрястнет об это точило. А это лежало не точило, а хозяин лысой спал. Поп об его лысину и ударил. Хозяин завопил, а поп скочил, да из избы вон: испугался. Тогда все хозяева скочили за огнем. Хозяин кричит чего-то, работник кричит:

— Куда поп девался?

Не знаю, что и делалось здесь. Хозяева за работника:

— Зачем старика убили?

А работник за хозяев:

— Куда попа дели? Давайте попа! А нет, сейчас схожу к десятскому: «Деревню собери!». Где хотите, попа давайте!

Потом хозяева одумались:

— Куда поп девался?

— Давайте, — говорит работник, — триста рублей, все дело замну, а нет — к десятскому пойду!

Хозяева мялись, мялись, дали триста рублей.

— Только не сказывай, что случилось!

Так работник запряг лошадей и поехал с сеном домой. Попа нет значит. Проезжает деревню, стоит поп у пелевнюшки, стоит, из угла выглядывает, видит, что работник едет с сеном. Поп и спрашивает:

— Аль ты, Ваня, едешь-то?

— Я, — говорит, — косматой плут! Ужо в остроге будешь сидеть! Убил хозяина!

— Неужели его до смерти я, Ваня, убил?

— Да быть до смерти! Сейчас ладят за урядником ехать, протокол составлять.

— Не можешь ли, Ваня, как-нибудь этого дела замять?

— Триста рублей давай, так замну, а нет — так в остроге сидеть будешь!

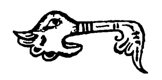
Так поп согласился триста рублей работнику заплатить, только бы замял это дело. Работник вернулся в деревню, постоял за углом, постоял немножко и идет назад.

— Поезжай, батька! Теперь ничего не будет! Поедем назад!

Приехали домой. Поп сделался такой добрый; стал работников жалеть. Как сам садится чай пить, так и работника садит. Ваня прожил зиму, семьсот рублей денег получил заместо сотни. Приходит домой, отцу и говорит:

— Вот, тятька, нá деньги! Гляди, сколько заработал! Не как твои два умные сына!

После этого стали жить-поживать и добра наживать. И теперь живут хорошо.

ПОП И РАБОТНИК

Раз поп с работником поехали купить сено. А поп скупой был.

— Ну, работник, ты хлеба себе бери, а мне не надо. Я поп, меня в каждом месте принимут!

Вот и поехали.

Приходит ночь. Поп и говорит работнику:

— Поди, просись ночевать и скажи там хозяину: когда я приду в избу и скашляю первый раз, чтобы был самовар готов; когда скашляю второй раз — ужин, и третий раз — постель чтобы готовили!

Работник сделал наоборот. Он так сказал, когда просился ночевать:

— У меня, — говорит, — батюшка совестливой. Когда он придет в избу и скашляет первый раз, чтобы баня готова, а второй раз — чашку холодной воды, а третий раз — постеля готова.

Так все, понятно, и сделали хозяева, как говорил работник.

И работник проделывал это три ночи.

Но стали ночевать они последнюю ночь, поп очень захотел есть.

Разбудил своего работника и говорит:

— Я видел: вчера баба поставила квашню; хотя бы мне теста похлебать!

Работник принес ему теста, и поп рукой хлебает.

Когда он кончил свою похлебку, и говорит:

— Где бы мне руки помыть?

— А вон стоит кружка с квасом, поди мой! — говорит работник.

Поп так и сделал. Затолкал обе руки в кружку, и когда вымыл, потянул свои руки, а они затянулись в узком горлышке.

— Работник, руки-то я не могу добыть, — говорит поп.

А работник был продувной.

— Поди, вон на лавке лежит точило, разбей ее [кружку].

А на лавке спал плешатой старик; ночь была месячна, плешь у старика-то и сияет, как точило. Вот, поп подходит и хлоп старика по плеши. Старик как закричит:

— Сыновья, вор здесь! Бьют меня!

Поп в испуге убежал на улицу.

Работник ушел за ним. И у него руки еще в кружке.

— Ну как, работник? О что я разобью свою кружку?

И в то время старуха вышла на волю (до ветру). Работник и говорит:

— Вон у столба стоит корга!

Как поп подходит и хлоп старуху по голове. И опять крик. Поп чуть не плачет со своей кружкой.

Но наконец работник освободил у попа руки.

Но вот, они поехали домой. А ночевать уже не стали в деревнях, а ночевали на поле.

Раз они ночевали. Работник и говорит попу:

— Смотри-ка, сколько волков! Нас съедят!

Он [поп] испугался и говорит:

— Что будем делать?

А работник и говорит:

— Привяжу я тебя на бичевку. Ты стань на четыре лапы и лай; а я возьму дубину и буду ходить. Волки увидят, что ходит лесник, и убегут.

Так и сделали.

Но когда рассветало — и что же? — это были обгорелые пни!

Так вот как учат скупых попов! Наверно, он вперед уже — поедет за сеном — возьмет своего хлеба.

Я, НИКОГО, КАРАУЛ

Жил-был поп, только двое с попадьей, а скота было много, управляться некому. Пошел поп казаков нанимать, встречу мужик:

— Куда пошел?

— А куда глаза глядят.

— А ко мне нейдешь?

— Отчего, можно.

— А сколько жалованья в год?

— Пятьдесят рублей.

— А как зовут тебя?

— Меня зовут Я.

Дал ему [поп] задатку десять рублей, работник отправился домой, сам пошел дальше. Мужик оббежал кругом, опять валит навстречу.

— Куда пошел?

— А куда глаза глядят.

— А ко мне нейдешь?

— Отчего, можно.

— А сколько жалованья в год?

— Пятьдесят рублей.

Дал тридцать рублей задатку.

— А как тебя зовут?

— А Никого.

— Ну, иди, карауль дома моего!

Опять мужик оббежал и идет навстречу.

Поп думает:

— Что это все мне мужики-то рыжи попадаются?

— Здравствуй, батюшка.

— Куда пошел?

— А куда глаза глядят.

— Ко мне нейдешь?

— Отчего, можно.

— А сколько жалованья?

— Пятьдесят рублей.

Дал задаток.

— Как тебя зовут?

— Караул.

Казака отправил домой, сам пошел вперед. Мужик шел с деньгами и ушел совсем.

Мало поп домой вернулся, подошел и кричит:

— Ей! Я, Никого, Караул, встречайте!

Матушка вышла, встречает:

— Что ты, батюшка, ведь никого нету!

— Где же казаки мои?

— Нет, не бывали!

Поп разгорячился, побежал настигать. Бежал, бежал, услыхал, мужик дрова в лесе рубит.

Поп кричит:

— Ей! Бог на помощь!

— Спасибо!

— Что делаешь?

— Дрова рублю!

— А кто тут?

— А я.

Поп обрадовался:

— А, это ты и есть! А еще кто есть?

— А никого!

— Никого? Вас двое тут!

Взял рябиновый батог и побежал за мужиком.

Мужик бежит и кричит!

— Караул, караул!

Поп настиг мужика и давай дубцом бить.

— Вас и все трое тут!

Мужики ехали, их розняли, а то бы поп мужика до смерти забил!

СУД О КОРОВАХ

В одной деревне жил-был поп да мужик; у попа было семь коров, у мужика была только одна, да хорошая! Только поповы глаза завистливы; задумал поп, как бы ухитриться да отжилить у мужика и последнюю корову: «Тогда было бы у меня восемь!».

Случился как-то праздник, пришли люди к обедне, пришел и тот мужик. Поп вышел из алтаря, вынес книгу, развернул и стал читать середь церкви:

— Послушайте, миряне! Аще кто подарит своему духовному пастырю одну корову — тому бог воздаст по своей великой милости: та одна корова приведет за собой семеро!

Мужик услыхал эти слова и думает: «Что уж нам в одной корове? На всю семью и молока нехватает. Сделаю-ка я по писанию, отведу корову к попу. Может и впрямь бог смилуется».

Как только отошла обедня, мужик пришел домой, зацепил корову за рога веревкою и повел со двора к попу. Привел к попу:

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет, что хорошего скажешь?

— Был я сегодня в церкви, слышал, что сказано в писании: кто отдаст своему духовному отцу одну корову, тому она приведет семеро. Вот я, батюшка, и привел к вашей милости в подарок корову.

— Это, хорошо, свет, что ты помнишь слово божее! Бог тебе воздаст за то седьмерицею. Отведи-ка, свет, свою корову в сарай и пусти к моим коровам.

Мужик свел свою корову в сарай и воротился домой. Жена ну его ругать:

— Зачем, подлец, отдал попу буренку? С голоду что ли нам пропадать, как собакам?

— Эка ты дура, — говорит мужик, — разве ты не слыхала, что поп в церкви читал? Дождемся, наша корова приведет за собой еще семь: тады похлебаем молочка досыта!

Целую зиму прожил мужик без коровы. Дождались весны. Стали люди выгонять в поле коров, выгнал и поп своих. Вечером погнал пастух стадо в деревню; пошли все коровы по своим дворам, а ко-

рова, что мужик попу подарил, по старой памяти побежала на двор к своему прежнему хозяину: семеро поповых коров так к ней привыкли, что и они следом за буренкою очутились на мужицком дворе. Мужик увидал в свое окошко и говорит своей бабе:

— Смотри-кась, ведь наша корова привела за собой целых семь. Правду читал поп: божее слово завсегда сбывается. А ты еще ругалась. Будет у нас теперича и молоко, и говядинка.

Тотчас побежал, загнал всех коров в хлев и накрепко запер.

Вот поп видит: уж темно стало, а коров нету, и пошел искать по деревне. Пришел к этому мужику и говорит:

— Зачем ты, свет, загнал к себе чужих коров?

— Поди ты с богом! У меня чужих нет, а есть свои, что мне бог дал: это моя коровушка привела за собой ко мне семеро, как помнишь, батька, сам ты читал на празднике в церкви.

— Врешь ты, сукин сын! Это мои коровы.

— Нет, мои!

Спорили-спорили. Поп и говорит мужику:

— Ну, чорт с тобой. Возьми свою корову назад; отдай хоть моих-то!

— Не хошь ли. . .?

Делать нечего, давай поп с мужиком судиться. Дошло дело до архирея. Поп подарил его деньгами, а мужик холстом, архирей и не знает, как их рассудить.

— Вас, — говорит им, — так не рассудишь. А вот что я придумал: теперь ступайте домой, а завтра из вас кто придет раньше утром ко мне, тому и коровы достанутся.

Поп пришел домой и говорит своей матке-попадье:

— Ты, смотри, пораньше меня разбуди завтра утром.

А мужик не будь дурак, как-то ухитрился, домой-то не пошел, а забрался к архирею под кровать. «Здесь, — думает себе, — пролежу целую ночь и спать не стану, а завтра рано подымусь — так попу коров-то и не видать».

Лежит мужик под кроватью и слышит: кто-то в дверь стучится. Архирей сейчас вскочил, отпер дверь и спрашивает:

— Кто такой?

— Я — игуменья, отче!

[Мужик слышит, как разнежившийся архиерей спрашивает мать-игуменью: «Что это у тебя?» — «Это, святой отец сионские горы, а ниже — и долы», и т. д.]

Пошел [архиерей] проводить мать-игумению. Тем временем мужик потихоньку выбрался и ушел домой.

На другой день поп поднялся до света, не стал и умываться — побежал скорей к архирею. А мужик выспался хорошенько, проснулся, — уже давно солнце взошло, — позавтракал и пошел себе потихоньку. Приходит к архирею, а поп давно его ждет:

— Что, брат, чай, за жену завалился? — посмеевается поп.

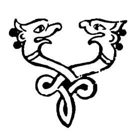
— Ну, — говорит архирей мужику, — ты после пришел...

— Нет, владыко, поп пришел после; нешто ты позабыл, что я пришел еще в то самое время, как ты ходил сионскими горами...

Архирей замахал обеими руками...

— Твои, — говорит, — твои, мужичек, коровы! Точно, твоя правда, ты пришел раньше!

Так поп и остался ни при чем, а мужик зажил себе припеваючи.

ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ

Жил-был мужик, у него был кобель. Рассердился мужик на кобеля, взял — повез его в лес и привязал около дуба. Вот кобель начал лапами копать землю, подкопался под самый дуб, так что его ветром свалило.

На другой день пошел мужик в лес и вздумал посмотреть на своего кобеля, пришел на то место, где привязал его, смотрит: дуб свалился, а под ним большой котел золота. Мужик обрадовался, побе-

жал домой, запряг лошадь да опять в лес. Забрал все деньги и кобеля посадил на воз. Воротился домой и говорит бабам:

— Смотрите, угождайте у меня кобелю всячески! Коли не станете за ним ходить да не будете его кормить, — я с вами по-своему разделаюсь!

Ну, бабы стали кормить кобеля на убой, сделали ему мягкую постель, холят его всячески. А хозяин никому, кроме кобеля, и не верит: куда ни поедет, а ключи завсегда повесит кобелю на шею.

Жил-жил кобель, заболел да околел. Вздумалось мужику похоронить кобеля со всей церемонией; взял он пять тысяч и пошел к попу:

— Батюшка, у меня помер кобель и отказал тебе пять тысяч денег с тем, чтобы ты похоронил его по христианскому обряду.

— Ну, это хорошо, свет, только в церковь носить не надо, а похоронить можно! Приготовляйся, завтра приду к выносу.

Мужик изготовился, сделал гроб, положил в него кобеля, а наутро пришел поп с дьяконом и дьячками, в ризах, пропели что надо и понесли кобеля на кладбище, да и закопали в могилу.

Дошло у попа до дележа с причтом; он и обидел дьячков, мало им дал; вот они просьбу на него к архирею: так и так, дескать, похоронили кобеля по-христиански. Архирей позвал к себе попа на суд:

— Как ты смел, — говорит, — хоронить нечистого пса?

И посадил его под арест.

А мужик взял десять тысяч и пошел к архирею попа выручать.

— Ты зачем? — спрашивает архирей. — Так и так, — отвечает мужик, — помер у меня кобель, отказал вашему преосвященству десять тысяч денег да попу пять.

— Да, братец, я слышал про то и посадил попа под арест, зачем он, безбожник, как нес кобеля мимо церкви — не отслужил по нем панихиды!

Взял архирей отказанные кобелем десять тысяч, выпустил попа и пожаловал его благочинным, а дьячков сдал в солдаты.

ЖАДНОЙ ПОП

Жил-был поп, имел большой приход, а был такой жадной, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не принесет гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет страмить:

— Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог набрать гривенника, чтоб духовному отцу за исповедь дать, ведь он за вас, окаянных, богу молится!

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак. Поп просто взбесился.

— Послушай, проклятый, — говорит ему, — откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?

— Помилуй, батюшка, где я больше возьму? Что есть, то и даю!

— По . . . , да по кабакам носить, небось, есть деньги, а духовному отцу одни грехи тащишь! Ты про эдакий случай хоть украдь что да продай, а священнику принеси, что подобает: заодно уж перед ним покаешься и в том, что своровал; так он все тебе грехи отпустит.

И прогнал от себя поп этого солдата без исповеди:

— И не приходи ко мне без гривенника!

Солдат пошел прочь и думает: «Что мне с попом делать?». Глядит, а около крылоса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка.

— Дай-ка,— говорит сам себе, — попробую эту шапку утащить!

Унес шапку и потихоньку вышел из церкви да прямо в кабак; тут солдат продал ее за двадцать пять рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу:

— Ну что, принес гривенник? — спросил поп.

— Принес, батюшка.

— А где взял, свет?

— Грешен, батюшка, украл шапку да продал за гривенник.

Поп взял этот гривенник и говорит:

— Ну бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю!

Солдат ушел, а поп, покончивши исповедывать своих прихожан, стал служить вечерню; отслужил и стал домой собираться. Бросился к крылосу взять свою шапку, а шапки-то нету: так простоволосой и домой пришел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает:

— Что угодно, батюшка?

— Ну, скажи, свет, по правде, ты мою шапку украл?

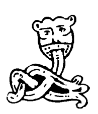
— Не знаю, батюшка, вашу ли украл я шапку, а только такие шапки одни попы носят, больше никто не носит.

— А из которого места ты ее стащил?

— Да в нашей церкви висела она на поповской палке у самого крылоса.

— Ах ты, сукин сын, такой-сякой! Как смел ты уворовать шапку у своего духовного отца? Ведь это смертный грех!

— Да вы, батюшка, сами меня от этого греха разрешили и простили.

[ПОП И] РАБОТНИК

Жил-был поп в селе; нанял он себе работника, сделал с ним условие: чтобы жить работнику всегда у попа, потому что у него работники не уживались. Если работник не уживется, то у него из спины ремень, а в голову молотком; если уживется, то у попа из спины ремень, а в голову молотком.

Вот поп видит, что работник у него уживается. Поп что ни заставляет работника делать, он все делает. Поп видит, что дело плохо. А у них в лесу водилось множество медведей. Поп и послал его за медведем; сказал ему:

— Поди, приведи мне бурка из лесу!

Работник пошел, привел медведя, спрашивает:

— Поп! Куда ж мне бурку девать?

Поп видит: дело плохо.

— Запряги, — говорит, — его в телегу. Поди, собирай мои долги: мне должен в одном омуте водяной дедушка!

Работник поехал на медведе к этому омуту. Приехал, распрег медведя, пустил подле себя гулять. А у работника были вершки; он начал из них вить веревочки. Выскочил из воды чертенок и спрашивает:

— Что ты, дядюшка, вьешь?

— Веревочки вью! Берега сжимать, а вас, старых чертей, из воды выживать!

Чертенок бросился прямо в омут и сказывает своему водяному дедушке:

— Дедушка, дедушка! Я был на берегу; там сидит мужичок, веревки вьет. Я его спрашивал: «Что ты делаешь?». Он сказал: «Хочу берега сжимать, вас, старых чертей, выживать!».

— Поди, спроси: что ему надо?

А работник вырыл яму; на яму поставил шляпу, а в шляпе на дне вырезал дыру.

Чертенок вышел и спрашивает:

— Что же тебе надо?

— Наноси мне вот в эту шляпу золота.

Чертенок пошел, сказал дедушке.

— Погоди, — говорит дедушка, — скажи ему: кто кого опередит бежать?

Пришел чертенок к работнику; а у работника был заяц. Работник и говорит:

— У меня есть мальчик с пальчик, и он тебя опередит!

Пустил чертенка с зайцем. Заяц туда, сюда, стал вертеться и убежал из глаз. Чертенок и не видал, куда тот убежал. Приходит назад в омут к дедушке и говорит:

— У него есть мальчик с пальчик: тот меня опередил и из глаз у меня ушел.

— Поди, скажи ему: кто кого переборет?

Приходит чертенок к работнику и говорит:

— Дядюшка, дядюшка! Давай бороться!

— Где тебе, — говорит, — бороться? У меня есть старичок, и тот тебя поборет!

И послал его к медведю. Стали они бороться. Медведь ударил так, что чертенок сразу улетел под небеса. Воротился назад чертенок и говорит дедушке:

— Дедушка, дедушка! У него есть старичок: он меня как ударил, так я под небеса улетел!

Дедушка дал ему палку:

— Поди, скажи ему: кто выше эту палку кинет?

Чертенок пошел, сказал. Работник и говорит чертенку:

— Кидай же ты наперед.

Чертенок кинул палку высоко до облака. Приходится работнику кидать палку. Он и говорит чертенку:

— Зажмурься! Я брошу так высоко, что ты уж не увидишь — так высоко!

Тот зажмурился, а он бросил палку в кусты. Когда тот разжмурился, работник говорит:

— Видишь — моя палка из виду вон улетела!

Чертенок возвратился в омут.

— Дедушка, дедушка! Я высоко кинул палку, а он еще выше!

Нечего делать, стали носить золото, сыпать в шляпу. А шляпа была на яме: сколько они ни носят, все шляпа не наполняется. А у них уж почти вышло все золото, и стали они скучать, когда шляпа наполнится. Лишь яма была полна золотом, он сам сказал, что больше не надо; взял переложил золото в телегу, запрег медведя, повез к попу.

Поп удивился, что работник его везет целый воз золота. Работник и говорит:

— Поп! Вот я золото привез; куда мне девать золото и куда бурку?

Поп не знал, что сказать, говорит:

— Пусти к нашей лошади!

Работник пустил; медведь и съел лошадь.

Вот поп видит — дело плохо; начинает с женой сушить сухари — бежать от работника. Насыпали мешки сухарей. Работник, не будь дурень, сухари из одного мешка высыпал, а сам туда и сел. Ночью поп с попадьей собрались, взяли мешок, побежали куда глаза глядят. Бежали, бежали и устали. Попадья и говорит:

— Сядем на корточках; отдохнем да съедим пирожок.

А работник из мешка и говорит:

— Поп, попадья, я здесь!

— А! Он нас догоняет, побежим дальше.

Вот они бежали, бежали и устали.

— Давай, отдохнем.

Сели отдыхать, а работник из мешка:

— Поп, попадья, я здесь!

Соскочили поп с попадьей, побежали опять; бежали, бежали, устали и говорят:

— Ну хоть сейчас догоняй: силы больше нет!

Сели; стали доставать пирожок. Развязали мешок, а оттуда и вылез работник.

— Ну что, поп, вырезать ремень из спины, а в голову молотком?

Поп стал просить его помириться; они помирились; стали жить, как родня.

ПОП ТЕЛЕНКА РОДИЛ

Был-жил прежде поп с попадьей, держали прислугу. У попа стал живот расти. И несколько месяцев у него растет и вырос большой. Сказали попу, что есть лекарка недалеко, та́к она отга́дывает, какая боль в ком, а только надо вымочиться, она узнает в моче.

Он вымочился в горшок, это работница понесла к лекарке в горшке. Шла дорогой несколько времени и пролила эту мочь и стала плакать:

— Как будет мне к попу явиться!

На это время [она] увидала, что корова мочится, она взяла этот горшок, тут и подставила, с этой мочью к лекарке явилась.

Лекарка и спрашивает ее:

— Что это, неужели мочь попова?

Она говорит:

— Право, право, это попова! — говорит.

— Так вашему попу надоть скоро родить быка! (Корова была грузная).

Она и воротилась назад к попу с этими словами и говорит попу, что «вам, батюшка, надо родить теленка, быка».

Попу это было очень стыдно, и говорит:

— Попадья, ты приготовь мне с утра, — говорит, — хлеб, а я уйду от своего места, мне будет здесь родить стыдно!

Ну, она приготовила хлеб, он и ушел. Но и шел путем, увидел — мертвое тело лежит. У мужика сапоги были хорошие, а у него топор с собой случился, он ноги и отрубил, в котомку их и завалил.

Ну, и приходит на ночлег в большое семейство; выпросился поп тут к ночи и положили его спать на прилавок, и он спал очень крепко, ничего ночью не слышал.

А у этих у хозяев в то время телилась корова, принесла быка. У них в хлеве было холодно; они этого быка вынесли на печку, положили греться; а поп не слышит ничего, и сами хозяева заспали очень крепко, а этот теленок с печки упал, да к попу на прилавок, и давай попа . . . носом верать. Поп пробудился на это, спичку чиркнул, посветил и поглядел.

— Слава богу, — говорит, — я хоть не в своем месте, слава богу, хоть родил!

Поп встал тихонько, глаза перекрестил, из котомки сапоги вынул, на печку и клал, а сам котомку за плечо да тихонько ушел: хозяева не слушали бы. Поп и ушел.

Поутру встали хозяева, поутру и попа нет, увидели на печке одни ноги поповы! Те и думают: одни ноги поповы остались на печке, — думают, что теленок съел попа. Хозяйка крикнула мужиков, что убейте теленка, — теленок попа съел!

Мужики зараз и убили и всему семейству говорят, что никому не разносите, что теленок этакой был — попа съел.

А поп домой прибыл с радостью к попадье своей, что вот, говорит, лекарка правду отгадала; рассказывает свое путешествие.

ХИТРАЯ БАБА

Жил-был мещанин, у него была пригожая жена. Жили они и прожилися.

И говорит жена мужу:

— Надо нам с тобой поправиться, чтоб было чем свои головы прокормить.

— А как поправиться?

— Уж я придумала, только не ругай меня.

— Ну, делай, коли придумала.

— Спрячься-ка, — говорит жена, — да выжидай, а я пойду приведу к себе гостя, ты и застучи: тут мы дело и обделаем.

— Ну хорошо.

Вот взяли они короб, насыпали сажею и поставили на полатях. Муж спрятался, а жена набелилась, нарумянилась, убралася и вышла на улицу, да и села подле окошечка — такая нарядная.

Немного погодя едет мимо верхом на лошади поп, подъехал близко и говорит:

— Что, молодушка, нарядилася, али у тебя праздник какой?

— Какой праздник, с горя нарядилася: теперь я одна дома.

— А муж где?

— На работу уехал.

— Что ж, голубушка, твоему горю пособить можно: пусти-ка меня к тебе в гости, так и не будешь одна ночь коротать.

— Милости просим, батюшка!

— Куда ж лошадь девать-то?

— Веди на двор; я велю батраку прибрать ее.

Вот вошли они вдвоем в избу.

— Как же, голубушка! Надо наперед выпить; вот целковой — посылай за вином.

Принес батрак им целой штоф водки: они выпили и закусили.

— Ну, теперь пора и спать ложиться, — говорит поп, — поваляемся немножко. . .

Поп разделся до нага и только улегся на кровать, как муж застучал шибко-на-шибко.

— Ох, беда моя! Муж воротился! Полезай, батюшка, на полати и спрячься в короб!

Поп вскочил в короб и улегся в саже. А муж идет в избу да ругается.

— Что ты . . . ! Дверь долго не отворяешь!

Подошел к столу, выпил водки стакан и закусил; вышел потом из избы и опять спрятался, а жена поскорей на улицу и села под окошечком.

Едет мимо дьякон. С ним тож случилось. Как застучал муж, дьякон, раздетый до гола, чебурах в короб с сажей и прямо попал на попа:

— Кто тут?

— Это я, — говорит поп шопотом. — А ты, свет, кто?

— Я, батюшка, дьякон.

— Да как ты сюда попал?

— А ты, батюшка, как?

— Уж молчи, чтоб хозяин не услыхал, а то беда будет.

Потом таким же образом заманила к себе хозяйка дьячка.

Очутился и он в коробе с сажей; ощупал руками попа и дьякона.

— Кто здесь?

— Это мы, я и отец дьякон, — говорит поп, — а ты, кажись, дьячок?

— Точно так, батюшка.

Наконец, пошла хозяйка на улицу и звонаря заманила. Звонарь только разделся, как раздался шум и стук; он бултых в короб.

— Кто тут?

— Это я, свет, с отцом дьяконом и дьячком; а ты, кажись, звонарь?

— Так точно, батюшка.

— Ну, свет, теперь весь причт церковной собрался.

Муж вошел и говорит жене:

— Нет ли у нас сажи продажной? Спрашивают, купить хотят.

— Пожалуй, продавай, — говорит жена, — на полатях целый короб стоит.

Взял он с батраком, взвалили этот короб на телегу и повезли по большой дороге.

Едет барин.

— Сворачивай! — кричит во всю глотку.

— Нельзя, у меня черти на возу.

— А покажи! — говорит барин.

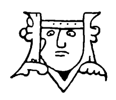
— Дай пятьсот рублей.

— Что так дорого?

— Да, коли открою короб, только и видел их: сейчас уйдут.

Дал ему барин пятьсот рублей.

Как открыл он короб, как выскочил оттуда весь причт церковной да во всю прыть бежать — настоящие черти, измазанные да черные!

[ОДНА БАБА...]

Одна баба, ставя по праздникам свечу перед образом Георгия-Победоносца, завсегда показывала змию кукиш:

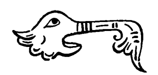
— Вот тебе, Егорий, свечка; а тебе шиш, окаянному!

Этим она так рассердила нечистого, что он не вытерпел; явился к ней во сне и стал стращать:

— Ну уж попадись ты только ко мне в ад, натерпишься муки!

После того баба ставила по свечке и Егорию и змию. Люди и спрашивают, зачем она это делает?

— Да как же, родимые! Ведь незнамо еще куда попадешь, либо в рай, либо в ад!

СТАРУХИНА МОЛИТВА

Одна старуха скупа была, а у них была икона больша, и старуха каждой день этой иконе молилась.

А казак был парень молодой, он возьмет да и станет за эту икону.

Старуха встала в утрях и молится:

— Пресвята ты богородица, сохрани и помилуй!

А парень говорит:

— Не помилую, зачем худо казака кормишь.

Старуха опять молится:

— Очисти мою душу грешну!

Казак и говорит:

— Очищу, очищу.

— И мужа очисти!

— Очищу, очищу.

— И зятя моего очисти!

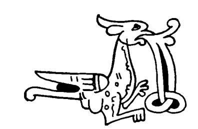
— Успею, так и того очищу.

Старуха ушла, казак старухины деньги, сколько было, обрал и у мужа обрал, а зять в другом доме был, к тому и не сходил. Старуха схватилась — денег нет:

— Ах, это верно меня господь очистил, ему, доброхоту, занадобилось!

А казака из пищи стала кормить хорошо, а не подумала, что это казак.

Казак и хорошей пищи добился, и деньги взял.

ЦЕРКОВНАЯ СЛУЖБА

Выходит дьякон, становится на амвон, а поп и говорит:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, нейдет ли кто, не несет ли чего?

Дьякон отвечает:

— Старуха идет, пёлтус масла несет!

А дьячок поет:

— Подай, господи!

Поп опять:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, нейдет ли кто, не несет ли чего?

Дьякон отвечает:

— Старуха идет, четверть ржи несет!

Дьячок опять поет:

— Подай, господи!

Поп опять говорит:

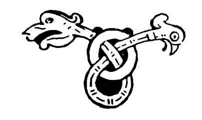
— Дьякон, дьякон, посмотри в окошко, нейдет ли кто, не несет ли чего?

Дьякон отвечает:

— Идет мужик, несет дубину на поповскую спину!

Поп и дьячок поют:

— Тебе, господи!

ПОП ПАХОМ

Приходит мужичок в одно селенье и видит — толпа, и спрашивает:

— Что это у вас за толпа?

— А нет, — говорят, — у нас в приходе попа! Был отец Пахом, да унесло прахом.

— Так я, — говорит, — братцы, Пахом!

— Коли ты Пахом, так будь же у нас попом!

Приняли в священники. Служил пятнадцать лет у них. Он был неграмотный; за молебны, за обедни брал дорого. Из мирян один подал прошение преосвященному за то, что дорого берет: за молебны двадцать пять рублей. Архиерей в объезд приезжает в приход, заставляет его обедню служить. Начинает:

— Благословен бог наш. . .

Доходит дело до евангелия, он нараспев и станет:

— Шел мимо этого места, и увидел я народу толпа, и спросил: «Что же, братцы, у вас за толпа?» — «А вот у нас — толпа, нет у нас в приходе попа. Был отец Пахом, да унесло прахом». — «Так я, братцы, Пахом». — «Если ты Пахом, так будь же у нас попом!».

Служил у них пятнадцать лет, ну и накопил денег три тысячи рублей. Первая тысяча архиерею, вторая тысяча мне, а третья тысяча певчим.

А певчие:

— Слава тебе, господи, слава тебе!

Евангелие кончено. Преосвященный и говорит:

— Я, миряне, не нахожу в священнике дурного ничего, может он служить до скончания, покуда в силах!

БЕЗГРАМОТНАЯ ДЕРЕВНЯ

Деревня была безграмотна: поп безграмотной, дьякон безграмотной, да и дьячок безграмотной. А церковь была, приход служили. Прознал архиерей, поехал любопытствовать. Приехал к попу на фатеру, поп и побежал к дьякону.

— Вот беда! Архиерей приехал, как мы служить станем?

А дьякон сказал:

— А как-нибудь, сваракосим как-нибудь.

Поп скажет:

— Ты тое пой, что я буду.

Дьячок скажет:

— Мне уж надо свое петь на крылосе, не с вами!

Поп скажет:

— Что знаешь, то и валяй!

Затем обедню зазвонили, поп и запоходил к обедне, архиерею и говорит:

— Владыка, благослови!

— Бог тебя благословит, поди, служи.

Поп пришел в церковь, одел ризу, затем архиерей идет. Архиерей пришел, в алтарь стал.

— Ну, починай, служи!

Поп запел — голос громкой:

О-о-о! Из-за острова Кельястрова
Выбегала лодочка осиновая,
Нос-корма раскрашенная,
На середке гребцы-молодцы.
Тура-мара и пара.

Дьякон тоже запел:

О-о-о! Из-за острова Кельястрова,
Выбегала лодочка осиновая. . .

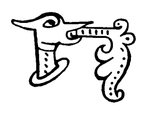
А дьячок на крылосе:

Вдоль по травке, да вдоль по муравке
По лазоревым цветочкам.

Архиерей вышел да рукой махнул:

— Служите, как служили!

Да и уехал прочь.

СТАРУХА ОТГАДЧИЦА

Вот жил старик да старуха, и у них не было хлеба куска поесть. Она говорит старику:

— Возьми, —говорит, — у соседа, сосед богатый. Возьми, — говорит, — коров стадо у богатого мужика, запри, — говорит, — в свою пожню и затыкни колоколы, — говорит.

Там и стали коров тех искать и найти не могут. И она приходит к этому соседу.

— А что, — говорит, — батюшка, не могу ли я в сей вечер твоих коров отворотить?

Ну и он и говорит:

— Ежели, — говорит, — твоя сила будет, чем могу, тем и поплачу, — говорит, — тебе, только коров вороти назад.

И она сейчас приходит домой вечером к ряду и велела старику:

— Гони, — говорит, — старик, коров домой.

И пригнал старик коров. Ну, и сосед ей приносит на другой день пуд муки.

И там опять, как они в бедности жили, и опять нужда пришла, и они опять у другого соседа так сделали. И так они прокормились лето на этих хватанциях.

И потом дошло дело это до государя, — пропал самоцветный камень, — что есть этакая волшебница, что может отгонуть, кто этот камень унес.

И потом они и приезжают оттуль за ней два лакея: одного звали Брюхом, а другого Хребтом. И они, эти лакеи, камень украли и говорят промежду собой:

— Ежели она может отгадать, что это мы взяли, то кладем, — говорят, — куриные яйца в сани, так ежели она может отгонуть, что мы взяли, то может отгонуть, что у нас яйца положены в сани, как ее повезем.

Положили в сани яйца куриные.

Она без старика не поезжает, надо старика взять с собой. . .

— Без старика не поеду; он тоже знает!

Ну, они приходят на сарай, собрались, котомку склали. Ну, она приходит да и садится:

— Сесть мне было, — ска, — как курице на яйца.

Один одного так и толкнул:

— Вот злодейка, зараз узнала!

И они сели, их и повезли туды.

Они их и привезли туды, и она просит комнату особу со стариком.

И они приехали тудыкова, в особу комнату положили их, он [старик] и говорит старухе:

— Ой, — ска, — ворона залетела в высоки хоромы, что-то нам будет?

— Она и говорит старику:

— Старик, что будет брюху, то и хребту!

А лакей слышит, и он приходит к другому!

— Отдать надоть нам, отгонула зараз злодейка, отдать надо.

Ну, они взяли и принесли ей этот камень да сто рублей деньги и ей говорят:

— Не говори на нас, что он у нас хранился.

И она, как камень в руки попал, старику ска:

— И поживем мы теперь, — ска, — на этом месте.

Ну и в утре спрашивает государь:

— Что, ужоль ты гадала? — говорит.

— Гадала, — говорит, — батюшка, — и отгонула, где твой камень есть, в Москву унесенный; а я, — говорит, — достану его через неделю оттуль.

Через неделю камень она и оказала ему.

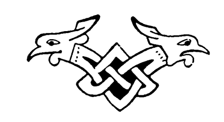
Он ей:

— Ну, что же, — говорит, — бабушка, здесь ли ты желаешь аль в свою сторону едешь назад?

Она ска:

— Батюшка, где меня взял, назад отвези меня, — говорит, — уже.

Их государь до смерти хлебом наградил обоих.

ПОП И ДЬЯКОН

Жил-был поп да дьякон. Приход бедный был: не во что ни обуться ни одеться и в голова положить нечего. Вот и придумали они, где бы на сапожнишки добиться. Дьякон говорит:

— Давай-ка, поп, я буду воровать, а ты будешь ворожить.

Поп и говорит:

— Чего будешь воровать?

— Лошадей! В лес буду их прятать; ты будешь деньги брать, про лошадей рассказывать!

Вот дьякон пошел ночным бытом, троечку спёр и в овраг их отпёр.

— Ну, поп, я троечку спёр и в овраг отвел. Пришлю к тебе мужиков, ты будешь гадать, по черной книге читать, по сотне рублей денег брать. Чур, деньги пополам!

Вот дьякон увидал мужиков, у которых лошадь украл, и рассказал им все.

— Идите к попу: он вам про лошадей погадает.

Мужики обрадовались, скорехонько к попу собирались.

— Ох ты, батюшка, отец духовный, ты видишь свет; не знаешь ли, где лошадей наших след?

— Ничего, друзья, не знаю, разве в черну книгу погадаю — все узнаю. Придите наутро.

Пришли они наутро, сказал поп:

— Ну, мужички, ваши лошади в лесу; дорогу только я вам не скажу: дайте сотенку рублей!

— Сотенку дадим, только путь-дорогу расскажи, до коней нас доведи.

Мужики сотенку вынимали, алчному попу в руки давали.

Сотенку поп взял, про лошадей им рассказал.

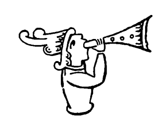
— Идите в поле; лошади в рове стоят, аржану соломушку едят!

Мужики в поле пошли и лошадушек нашли. Завтра праздник воскресенье, к обеденке дон-дон. Вот пришли добрые люди к обеденке, стали богу молиться, Христу-спасу поклониться. Обеденка отошла; дьякон лист бумаги берет, нову проповедь читает.

— А послушайте, миряне, что я вам буду читать! У нас приход-от бе-е-дный, корми-и-ться нам не-че-м; дьякон собирался лошадей во-ро-вать, а попу-то велел во-ро-жить. Слышите ли, миряне? Не все ли вы с дырами? Испер дьякон трой-ку ло-ша-де-ей, отвел в о-враг, по-пу то ска-за-а-л; он в черной книге у-зна-а-л, а с мужиков сотню рублей взя-л и про лошадей рас-с-казал!

А поп-то и говорит:

— Сказал, ду-р-а-ак, ду-р-а-ак дьякон, не во все лю-ди бя-кай, знай ты да я! И обедня, братие, вся-я!

[КАША ИЗ ТОПОРА]

Пришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке:

— Здравствуй, божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть.

А старуха в ответ:

— Вот там на гвоздике повесь!

— Аль ты совсем глуха, что не чуешь?

— Где хошь, там и заночуешь!

— Ах ты, старая ведьма! Я те глухоту-то вылечу!

И полез было с кулаками:

— Подавай на стол!

— Да нечего, родимой!

— Вари кашицу!

— Да не из чего, родимой!

— Давай топор; я из топора сварю!

— Что за диво! — думает баба, — дай посмотрю, как из топора солдат кашицу сварит!

Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил-варил, попробовал и говорит:

— Всем бы кашица взяла, только б малую толику круп подсыпать!

Баба принесла ему круп. Опять варил-варил, попробовал и говорит:

— Совсем-бы готово, только б маслом сдобрить!

Баба принесла ему масла. Солдат сварил кашицу:

— Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли, да принимайся за ложку; станем кашицу есть!

Похлебали вдвоем кашицу.

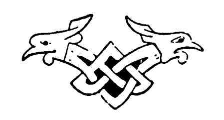
Старуха спрашивает:

— Служивой! Когда ж топор будем есть?

— Да вишь, он не уварился, — отвечал солдат, — где-нибудь на дороге доварю до позавтракаю!

Тотчас припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкою и пошел в иную деревню.

Вот так-то солдат и кашицы поел и топор унес!

КУЗЬКА-ВОР

Жил-был Кузька-вор. Барин и говорит:

— Кузька, укради у меня собаку! Дам, если украдешь, сто рублей.

Кузька говорит:

— Украду.

— Как ты украдешь? Ведь она злая.

— Это, — говорит, — мое дело, а не ваше!

Приходит Кузька домой и говорит:

— Мать, сшей мне мешок такой-то вот длины, такой-то ширины.

Мать сшила ему. Он пошел. Приходит к воротам; взял да и приколотил мешок под подворотню, широко растопырил, а сам отошел. Собака молчит, не чует. Лукнул через ворота камень, она и учуяла, бежит. Разбежалась да прямо в мешок и попала. Кузька оторвал мешок и убежал с ним домой. Барин поутру встает, собаки нет.

— Ступайте, — говорит, — слуги, призовите Кузьку!

Те пошли:

— Кузька дома?

— Дома!

— Собака у тебя?

— У меня.

— Иди к барину!

Приходит, собаку приносит. Барин ему сто рублей отдал и говорит:

— Украдешь у меня еще жеребца?

— Украду!

— Да как ты украдешь? Ведь у меня его четверо людей караулят: один верхом, другой за повод будет держать, третий — за хвост, четвертый — в дверях!

— Это дело мое, — говорит Кузька-вор, — украду.

Вот барин уснул. Кузька приходит в его хоромы, оделся в баринову одежду, взял четверть водки, выходит вечером на крыльцо и кричит:

— Ребята! Кузька не был?

— Не был-с.

— Идите, по рюмушечке выпейте!

Они выпили. Напоил их пьяных Кузька, они и повалились. Пришел он, взял жеребца и увел; заместо его мялицу поставил; одного-то верхом на нее посадил, другому-то веревку дал, за ручку привязал, третий так валяется, а четвертый пьяный у дверей лежит.

Барин поутру приходит, кричит:

— Ребята, ребята!

Они спят себе; добудились насилу.

— Где жеребец?

Нет жеребца: проспали!

— Зачем вы нас, барин, вином поили?

— Когда?

— А вчера?

— Призвать Кузьку.

Призывают. Приезжает Кузька на барском жеребце; получил от барина сто рублей. После барин и говорит:

— А вот что: укради у меня деньги!

— Ладно, — говорит Кузька.

— Как ты украдешь? Ведь они у меня в головах и люди будут их стеречи день и ночь.

— Дело мое, украду!

Пошел Кузька на кладбище, вырыл он там мертвеца, притащил его и мертвыми руками царапает в окошко. Проснулся барин:

— Стой! Это Кузька!

А Кузька открыл окошко да и сунул мертвеца в комнату. Сейчас ему барин голову напрочь и отрубил.

— Ну, — говорит, — это, видно, не жеребца воровать. Попался! Пойдемте его хоронить, — говорит.

Пошли мертвеца зарывать. Кузька вбежал в горницу и говорит:

— Барыня, поймали. Пожалуйте барину деньги — разделаться!

Та испугалась, да все деньги и отдала, всю шкатулку. Он ее и унес.

— Теперь схоронили, больше не будет воровать! — говорит барин.

Утром встают — денег нет.

— Ах, смотри, мы не его зарубили!

Посылают к Кузьке.

— Дома Кузька?

— Дома.

— Иди к барину!

Приходит Кузька и деньги приносит, получает сто рублей.

— Укради, — говорит ему барин, — мою барыню!

— Ладно, украду!

— Да как же ты ее украдешь? Я всегда с ней.

— Дело это не ваше, украду!

Сшил Кузька чучело, вылитого себя, в белую одежду одел и повесил на куст, а сам за другой куст спрятался.

Барин и едет на тройке с барыней; проезжает мимо куста, видит, что Кузька на нем висит:

— Стой! Вот где Кузька-то! Видно его порешили. Пойдем, кучер, хоть над мертвым помудруем.

Стали они чучело бить да дергать, а Кузька выскочил тем временем из-за куста, пал на козлы и ускакал вместе с барыней.

Взял он после эту барыню и промотал: чертям продал. Барин посылает к Кузьке людей.

Те спрашивают:

— Кузька дома?

— Дома.

— Барыня у тебя?

— Нет: я ее чертям продал!

— Ступай, выкупи!

Пошел Кузька выкупать. Приходит к озеру. Выбегает чертенок.

— Ты что, Кузька?

— Давай барыню назад!

Чертенок — к водяному:

— Дединька, — говорит, — барыню назад просят!

Водяной и говорит!

— Кто из вас гирю выше вскинет, тому и барыню!

Чертенок вышел из озера и говорит Кузьке:

— Давай вот эту гирю, кто выше вскинет, тому и барыню!

— Ладно, кидай!

Чертенок кинул высоко, высоко: гиря упала; в землю вся ушла, одни ушки остались.

— Ну, ты теперь кидай, Кузька!

Кузька взял за ушки, силы-то нет выдернуть, вот он глядит на облако и говорит:

— Вон там дядя мой живет, кузнец, во-о-н дверь-то растворена . . . На что-нибудь годится ему!

Чертенку жаль стало гири, схватил ее да марш к дедушке.

— Дединька, дединька! Он хочет ее к дяде кузнецу за облака закинуть!

— А вот спасибо, что унес! — говорит [водяной]. — Подите теперь вперегонки: кто кого перегонит, тому и барыню!

Кузька и заприметил тем временем зайца под кустом.

Чертенок выбежал из озера да и говорит:

— Давай вперегонки! Кто кого перегонит, тому и барыню!

— Ладно. Эх ты, — говорит Кузька, — куда тебе? У меня есть маленький малютка, в пеленках еще лежит, и то ты его не перегонишь!

— Укажи, пойдем!

Идет; только не доходя до куста, кинул Кузька камешком. Заяц как прыснет и пошел. . .

Чертенок ему кричит:

— Постой! Постой! Сверстаемся! Сравняемся!

А тот еще пуще жарит.

Так и не догнал. Воротился в озеро, говорит:

— Дединька, у него есть маленький малютка, так и того не догонишь, а куда его догнать.

— Ну, теперь кто из вас кого поборет?

Выбежал чертенок и говорит:

— Давай бороться! Кто поборет, тому и барыня!

— Эх, — говорит Кузька, — у меня есть дед семидесяти семи лет, и зубов-то нет, и тот тебя изломает!

— Пойдем, укажи!

Вот Кузька и привел его к медведю. Подошел чертенок к медведю и говорит:

— Дедушка, а дедушка! Ну-ка, давай бороться!

А медведь только знай сопит себе. Кузька-то и говорит чертенку:

— Он ведь так-то не борется, а ты его под бока потычь!

Тот и давай тыкать. Медведь давай чертенка ломать; до той степени ломал, что мочи у чертенка не стало: вылез из-под медведя, да в озеро.

— Дединька, — говорит, — я насилу вырвался: у него есть дед семидесяти семи лет и зубов нет, так и тот так меня изломал, что беда, а куда с ним!

— Ну, — говорит водяной, — теперь кто из вас больнее свистнет, тому и барыня достанется!

— Ну, свищи ты! — говорит Кузька.

Чертенок свистнул, инда с дубу лист посыпался.

— Ну, Кузька, теперь ты свистни!

— А вот что, чорт, ты сядь к озеру ногами, а глаза-то завяжи, а то выкатятся.

Чертенок так и сделал. Кузька размахнулся, да как свистнет чертенка по башке, тот прямо — в озеро, и искры из глаз посыпались.

Нечего делать, выводит ему из озера барыню. Вернулся Кузька домой.

— Вот вам, барин, и барыня!

Барин ему опять — сто рублей...

Сошелся после того Кузька с дядей.

— Давай вместе воровать!

— Давай!

— А кто у нас будет большой?

— А вот, кто из-под вороны яйца вынет, так, чтобы та не слыхала, тот и будет большой!

Вот дядя и полез на дерево, а Кузька — за ним, и вырезал у него подошвы. Тот слез.

— Что, дядя, вынул?

— Вынул!

— А где у тебя подошвы?

— Ну, — говорит, — Кузька, будь ты большой, коли так!

Пошли они воровать. Нашел Кузька красненький сапожок, взял в него нагадил, да на дороге и поставил. Едут мясники, купили быка на мясо. Видят мясники: сапог стоит.

— А, — говорят, — постой! Сапог нашел!

Сунулись к нему, а там дерьмо. Бросили.

— Кабы, — говорят, — другой такой был, ну, ничего, а то что, куда его?

Вот Кузька забежал вперед и опять этот сапог на дороге поставил. Доехали мясники до него, видят: другой сапог. Привернули лошадь, пошли назад за первым.

Кузька тем временем быка отвязал, голову отрезал и во ржавицу затискал вместе с веревкой, только конец на берег выпустил. Мясники вернулись, хвать — быка нет.

А Кузька сидит под кустом и мычит.

— Бынеюшка! Бынеюшка!

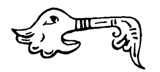
Искали, искали и нашли веревку; потащили — голова! И стали между себя говорить:

— Чего тащить-то? Шея оторвалась, а бык-то видно во ржавице утонул. Поедем домой!

Только они уехали, Кузьке и захотелось кожу от дяди утаить. Вот он выломил два больших прута и давай по шкуре задувать:

— Батюшки, братцы, не один я, с дядей! Батюшки, братцы, не один я, с дядей!

Дядя услыхал да и убежал. Кузька шкуру один и продал!

ДОРОГАЯ КОЖА

В одном селе жили два брата — Данило и Гаврило. Данило был богатой, а Гаврило — бедной; только и живота было у Гаврилы, что одна корова, да и тому Данило завидовал. Поехал Данило в город закупить кое-что и, воротясь из городу, пришел к брату и говорит:

— Что ты, брат, держишь корову? Я был сегодня в городе и видел: там коровы очень дешевы, по пяти и шести рублей, а за кожу двадцать пять дают.

Гаврило поверил ему, заколол корову и приел говядину, после дождался рынку и отправился в город. Приехал в город и поволок продавать кожу, увидел его кожевник и спрашивает:

— Что, любезной, продаешь кожу?

— Продаю.

— Что просишь?

— Двадцать пять рублей.

— Что ты, безумной! Возьми два с полтиной.

Гаврило не отдал и волочил кожу целой день: никто ему не дает больше. Наконец поволок ее мимо гостиного ряду. Увидал его купец и спрашивает:

— Что, продаешь кожу?

— Продаю.

— Дорого ли просишь?

— Двадцать пять рублей.

— Что ты, шальной! Где слыхал про такие дорогие кожи? Возьми два с полтиной.

Гаврило подумал-подумал и сказал:

— Так и быть, господин купец, уступлю тебе! Только поднеси мне хоть водки стакан.

— Хорошо, об водке ни слова!

Отдал ему купец два с полтиной, да вынимает из кармана платок и говорит:

— Ступай вон в тот каменной дом, отдай хозяйке платок и скажи, что я велел тебе поднесть полон стакан вина.

Гаврило взял платок и пошел; приходит в дом, хозяйка его и спрашивает:

— Ты зачем?

Гаврило ей говорит:

— Так и так, сударыня! Продал я твоему хозяину за два с полтиной кожу, да еще вырядил полон стакан вина; дак он меня сюда послал, велел тебе платок отдать да сказать, чтобы ты винца поднесла.

Хозяйка тотчас налила стакан, только немного не полон, и поднесла Гавриле. Он выпил и стоит. Хозяйка спрашивает:

— Что же ты стоишь?

Гаврило говорит:

— У нас была ряда — полон стакан вина.

А в то время сидел у купчихи полюбовник, услыхал он эти слова и говорит:

— Налей ему, душа, еще!

Она налила еще полстакана; Гаврило выпил и все стоит. Хозяйка опять спрашивает:

— Теперь чего дожидаешься?

Отвечает Гаврило:

— Да у нас ряда была — полон стакан, а ты полстакана подала.

Любовник велел поднесть ему в третий раз; тогда купчиха взяла графин с вином, стакан отдала Гавриле в руки и налила его так, что через край побежало. Только Гаврило выпил, а хозяин на ту пору домой грядет. Она не знает, куда полюбовника девать, и спрашивает:

— Куда ж я тебя спрячу?

Любовник забегал по горнице, а Гаврило за ним да кричит:

— Куда я-то денусь?

Хозяйка отворила западню и пихнула обоих туда.

Хозяин пришел и привел еще с собой гостей. Когда они подпили, то начали песни запевать; а Гаврило, сидя в яме, говорит своему товарищу:

— Как хочешь, — это любимая батюшкова песня! Я запою.

— Что ты, что ты! Пожалуйста, не пой. . . На тебе сто рублей, только молчи.

Гаврило взял деньги и замолчал. Немного погодя запели другую; Гаврило опять говорит товарищу:

— Как хочешь, а теперь запою; это любимая песня матушкина!

— Пожалуйста, не пой! На тебе двести рублей!

Гавриле-то на руку — уже триста рублей есть; спрятал деньги и молчит Вскоре запели третью песню; Гаврило говорит:

— Теперь хоть четыреста давай, так запою.

Любовник его всячески уговаривает; а денег больше нет. Хозяйка услыхала, что они там ерошатся, отперла западню и спросила потихоньку:

— Что вы там?

Любовник потребовал пятьсот рублей; она живо вернулась, подала пятьсот рублей, Гаврило опять взял и замолчал.

Как-то попалась тут Гавриле подушка и бочонок смолы; он приказал товарищу раздеться. Когда тот разделся, он окатил его смолой; потом распорол подушку, рассыпал пух и велел ему кататься. Вот как тот выкатался в пуху, Гаврило растворил западню, сел на товарища верхом, едет, а сам кричит:

— Девятая партия из здешнего дому убирается!

Гости увидали и кинулись по домам; думают, что то черти явилися.

Так все и разбежались, а купчиха стала говорить своему мужу:

— Ну вот! Я тебе говорила, что у нас чудится.

Купец сдуру-то возьми и поверь, и продал свой дом за бесценок.

Гаврило пришел домой и послал своего старшего сына за дядей Данилом, чтоб пришел к нему деньги пересчитать. Сын пошел, стал звать своего дядю; а тот ему смеется:

— Да что у него считать-то? Али Гаврило двух с полтиной сосчитать не может!

— Нет, дядя! Он много принес денег.

Тогда жена Данилова стала говорить:

— Подь, сходи! Что тебе не охота? Хоть посмеешься над ним.

Послушался Данило жены и пошел. Вот как Гаврило высыпал перед ним кучу денег, Данило удивился и спрашивает:

— Где ты, брат, взял столько денег?

— Как где? Ведь я корову заколол да кожу в городе продал за двадцать пять рублей; на те деньги сделал оборот: купил пять коров, заколол да кожи опять продал по той же цене; так все и перебивался.

Данило услыхал, что брат его так легко нажил богатство, пошел домой, заколол всю свою скотину и стал дожидаться рынку; а как время было жаркое, то говядина у него вся испортилась. Повез

продавать кожи, и дороже двух с полтиной никто ему не дал. Так-то ему дался барыш с накладом, и стал он жить беднее Гаврилы; а Гаврило пошел на выдумки, да и нажил себе большое богатство.

БАРМА

Жили два брата в одной деревне, каждый жил в своем доме; у бедного было много детей, а у богатого не было ни одного. Долго просил богатый у бедного одного мальчика к себе сыном, но бедный не соглашался: он подозревал, что богатый брат занимается воровством, но, наконец, согласился. Держал дядя племянника, как родного сына, брал его с собой и в город, и в деревни, и частенько они ездили.

Лет до пятнадцати мальчик ничего не делал по хозяйству, только бороться к этому времени так научился, да изловчился, что никто в деревне с ним не мог устоять в боротье; взрослых и сильных мужиков ронял, да свистел так сильно, что уши глушил.

А за то, что он был мастер бороться, его и прозвали «Бармой». Вот подрос еще Барма и однажды пошел на охоту, птиц стрелять. Идет он лесом близ дороги и видит — по дороге мужик барана гонит в город на продажу. Он забежал лесом вперед, снял с ноги сапог и бросил на дорогу, а сам скрылся в лес и ждал.

Подошел мужик, поднял сапог, посмотрел и спрятал близ дороги в мох, и погнал барана дальше. Пропустил Барма мужика и взял сапог. Забежал Барма лесом опять вперед, снял сапог с другой ноги и бросил на дорогу, а сам скрылся и ждет. Подошел мужик с бараном, поднял сапог, посмотрел, посмотрел и спрятал, потом привязал барана к дереву, нарвал травы и воротился назад.

«Удалось, — думает Барма, — пошел за сапогом, чтобы пара была». Подошел к барану, отрубил голову топором, поднял барана на плечи, взял сапог и в лес. Ночью пришел домой и барана принес. Увидал дядя, с чем пришел племянник с охоты, и спрашивает:

— Как это ты достал?

Племянник рассказал про свою ловкость.

— Славно, — говорит дядя, — я хорош, а ты еще лучше, можно теперь тебя и на промысел брать!

Посоветывались дядя с племянником, куда бы им съездить, и племянник настоял на том, чтобы ехать воровать к царю.

— К царю, — говорит племянник, — никто не смеет идти воровать, а потому там и не подумают, что воры пришли; народу во дворце много, думают, что слуги что-нибудь делают; просто во дворце мы как хозяева будем — делай, что хочешь!

— Пожалуй и верно! — говорит дядя.

Запрягли лошадь и поехали. Приехали в город и пошли к дворцу, племянник пособил дяде влезть на балкон, а потом дядя подтащил за руки племянника, и вот они на балконе; с балкона дверь в большую комнату открыта. Вошли туда; видит Барма, что тут только и можно взять царскую шубу и шляпу. Указал племянник дяде на шубу и шляпу, дядя кивнул головой, и племянник взял вещи, и вышли на балкон. Дядя вдруг и говорит:

— Я эту шубу перешью и буду щеголять.

— Нет, — говорит племянник, — я их взял и вынес, мне и носить!

Заспорили, и племянник предложил сходить к царю и спросить про это дело.

— Я, дядя, один схожу, а ты слушай, как я говорить с царем буду. А как свистну, ты и беги на балкон, хватай шубу и задавай лататы в левую руку, а я в правую, а там сойдемся!

Зашли снова в комнату, отворили одну дверь из комнаты в другую — там пусто; подошли к другой двери, слышат — похрапывает кто-то; отворил племянник дверь, видит, в кресле человек спит и похрапывает, а на кровати спит царь. Барма догадался, что это сказывальщик храпит, подкрался к нему, зажал рот рукою, поднял

с кресла и передал дяде, а дядя уже наготове. Платком рот заткнули. Дядя поддерживает сказывальщика, а Барма сел на его место и сидит. Скоро проснулся и царь.

— Сказку, — говорит царь.

— Жили дядя да племянник, — начинает сказывальщик, — пошли они к царю воровать, племянник воровал, а дядя глядел. Украли у царя шубу и шляпу. Кому из них носить, ваше императорское величество, дяде или племяннику?

— Понятно, кто воровал, тому и носить!

— Ну, вот слышишь, дядя, — говорит племянник, да как свистнет!

Царь испугался, не слышит ничего, посмотрел — и сказывальщика не видит, а воров уж и след простыл. Царь приказал поймать вора, а где во дворец можно пройти, на ночь ставить капканы и всякие ловушки.

Дяде досадно стало, что у племянника такая шуба; стал он сбивать племянника опять идти воровать в царю:

— Я знаю, что мне лучше тебя удастся, — не первый раз!

Племянник предостерегал, но не мог уговорить дядю. Вот поехали опять, приходят к дворцу, племянник подсобил дяде влезть на балкон, и дядя ушел. Через несколько времени дядя вышел на балкон и бросил племяннику мундир, но вдруг над балконом под зонтом появилась кругом балкона редкая железная решетка, дядя полез в отверстие, но когда навалился телом на железную полосу, она опустилась ниже, и вмиг все перекладинки сузились, и дядю прижало поперек тела; племянник убежал, а дядя и остался висеть в решетке.

Царь приказал тело вора положить в часовню и без своего приказания не хоронить, а кто придет, да будет плакать, того ловить.

Положили тело в часовню, а на третий день Барма одел царский мундир и шляпу, пришел в часовню и приказал караульным при себе зарыть в землю тело вора и ушел. Царь еще сильнее озлился на вора и приказал поймать во что бы то ни стало, а полагая, что вор уж непременно придет воровать золото, приказал по одной

улице насыпать золота, и кто будет наклоняться над золотом, тех всех ловить.

Узнал Барма, что золото будет рассыпано, и порешил ехать на коне воровать золото. Взял на дровни смолы в боченке, намазал сапоги смолой, едет по золоту, а ногами потаптывает; золото пристает к сапогам, спихнет с ног золото в мешок и опять едет. Много украл золота.

Наутро царю донесли, что никто не наклонялся, а золота много украдено.

Царь приказал казнить караульных, а вору, если он смеет придти к нему, царь обещал, что дарует ему жизнь и не казнит, а если вор не придет, то будет разыскан и предан лютой казни.

Когда это было объявлено, Барма порешил к царю идти.

Приходит Барма и просит доложить царю. Царь приказал привести.

— Как тебя зовут?

— Барма, ваше императорское величество!

— Ты вор?

— Я.

— Ты шубу украл?

— Я.

— Ты и золото воровал?

— Я.

— Такого нужно наказать, пощажу тебе жизнь, не велю казнить, но заключу тебя в крепость!

И приказал Барму отвезти в крепость.

Отвезли Барму в крепость. А крепость — только и было, что один дом небольшой каменный, а кругом дома высокая каменная толстая стена, на дворе бегала коза, да кривой старинный богатырь служил сторожем. На дворе столб стоит. Впустили Барму на двор и ворота затворили крепко накрепко. Проспал Барма ночь, а на утро все осмотрел и видит, что выйти ему из крепости невозможно. Подумал, подумал Барма и стал к сторожу ласкаться и его силу хвалить. А живут так: утром сторож затопит печку и уходит на двор с козой играть; как только побежит, а коза ему навстречу,

подбежит, хочет бодать рогами, а сторож ее захватит за рога и повернет ее обратно; коза пробежит немного и опять ему навстречу. А Барма у печки работает, из свинца пули льет. Вот однажды затопили печку, а Барма и говорит:

— Мне бы хотелось твою силу попробовать, можешь ли ты эту веревку перервать?

— А вот привяжи меня к столбу и увидишь.

Барма взял веревку и опутал богатыря веревками к столбу; рвал, рвал богатырь, и вырвать не может, и говорит:

— Нет верно прежней силы, устарел, развязывай веревки!

Да где тут развязать, когда узлы в турий рог затянул, нужно рубить!

Пошел Барма в дом, растопил полную поварешку свинцу, прибежал, да в зборовый глаз и плехнул свинец.

Заревел богатырь, рванулся изо всей силы, сорвал веревки и начинает по двору бегать: бегает и кричит:

— Барма, ты где?

— Я здесь, — отвечает Барма.

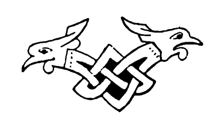
А коза забегает навстречу богатырю, богатырь через козу падает, а Барма за козой бегает, за шерсть козы рукой держится. Наскучила богатырю коза, хочет Барму поймать, а коза всякий раз в руки попадает.

Озлился богатырь и вот, когда коза еще в руки сунулась, он схватил ее за рога и бросил на стену, а Барма ухватился руками за козу и тоже с козой на стену был выброшен. Бросив козу, богатырь спрашивает:

— Барма, ты где?

— Спасибо, товарищ, лихом не помни, я уж на большой дорожке, прощай!

Так и ушел Барма, но только воровать перестал и живет да поживает.

ШУТ БАЛАКИРЕВ

Жил мужичок со своей женой и все пришучивал. Вышел на дорогу и поставил горшочек и варит кашу. Вокруг ходит да палочкой приговаривает:

— Кипи, кипи, горшочек, не плесни!

Подошло двенадцать человек мастеров народу к нему туда.

— Что вы варите?

— А варю кашу.

— А что бы нас накормил!

— Можно, — говорит, — садитесь.

Посадил их, зачал варить кашу и накормил их досыта двенадцать человек. Каши еще осталось.

Этот [шут] тут прославился. Дошло дело до Петра Первого. Петр-от Первой его приказал [во дворец позвать]. Когда Петр потужит, он его развеселит. Когда весел, он его притуманит. Сказал Петру Первому:

— Вы берите меня начальником хоть над мухами!

А Петр Первой сказал:

— Будь ты начальник над мухами!

Был у него бал большой, собраны были генералы и князья. Пришел и Петр Первой. Он [шут] на одного генерала сердит был, больно сердит был. Сделана была у его шалапуга, фунта три, такая. Вот ходит, значит, по горнице, выглядывает. Выглядывал, выглядывал, подвернулся под генерала, да по лысине хлоп шалапугой! И он со стулом ковырнулся. Вот тут все закричали:

— Что ты, что ты делаешь?

А шут ответил:

— Ах ты, стерва проклятая! На такое лицо не моги садиться!

Петр улыбнулся Первой, только его отставил на время. И за это ему напротив начальника было совестно и приказал дать три лозана, и за это подарил ему шубу енотовую. Шут через несколько время с шубой идет от государя. Попадается ему генерал навстречу. Шуба понравилась.

— Шут, — говорит, — отдай мне шубу!

— Купи! За что и я купил, за то и продам!

— Все равно, — говорит, — я отдам те же деньги, что и ты дал!

— Когда возьмешь за то, что и я дал, дай мне расписку, а я тебе шубу отдам! — говорит.

А у шута была трость. Он [генерал] дал расписку шуту, а шут снял шубу с плеч. Ну, и спрашивает:

— За сколько же он мне отдал, за столько и я тебе отдам!

Снял шубу, развернулся на одну рубашку, и этой тростью и как съездит по спине генерала! Он заревел дурным матом.

— Ой, подожди, еще два раза дам!

Он [генерал] не поспел стать, он его еще раз ожуравил. Так и в третий раз. Государю это было неприлично: генерал пожаловался. Он прогнал его [шута] с земли со своей:

— Чтобы тебя не было на земле здесь на моей!

А шут взял лошадь и телегу, запряг и отправился во Швецию. Съехал ко шведскому королю, называет его.

— Отдайте мне земли, — говорит, — пудов десять!

Король ему сказал:

— Бери сколько угодно и так!

А шут ответил:

— Мне так не надо! — говорит.

Свесили десять пудов и сделал купчую крепость. Шут оклал земли в телегу и поехал домой. Идет мимо царского дворца. Петр Первой увидел его.

— Ты что, проказник, опять приехал на мою землю? Чтобы тебя не было!

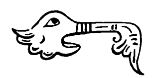
А шут ответил ему:

— Врешь, Петр Алексеевич! У меня своя земля привезена из Швеции! Вот погляди, где у меня купчая крепость есть на нее!

Вынул, подал Петру Алексеевичу. Тот прочитал и сказал:

— Поезжай домой, полно, проказник!

Он и живет дома.

ЧОРТ-ЗАИМОДАВЕЦ

У мужика случилась беда, а на беду надо денег. Между тем денег нет; где их взять? Надумался мужик идти к чорту просить денег взаймы. Приходит он к нему и говорит:

— Дай, чорт, взаймы денег.

— На что тебе?

— На беду.

— Много ли?

— Тысячу.

— Когда отдашь?

— Завтра.

— Изволь, — сказал чорт и отсчитал ему тысячу.

На другой день пошел он к мужику за долгом. Мужик говорит ему:

— Приходи завтра.

На третий день он [чорт] пришел. Мужик опять велел придти завтра. Так ходил он сряду несколько дней. Мужик одинова говорит ему:

— Чем тебе часто ходить ко мне, то я вывешу на воротах моих доску и напишу на ней, когда тебе приходить за долгом.

— Ладно, — ответил чорт и ушел.

Мужик написал на доске: «Приходи завтра» и повесил ее к воротам. Чорт раз пришел, два пришел, на воротах все одна надпись.

— Дай, — говорит он сам с собой, — не пойду завтра к мужику!

И не пошел.

На третий день идет к нему и видит на воротах другую надпись: «Вчера приди».

— Эк, меня угибало, — сказал чорт, — не мог вчера я придти, видно пропали мои денежки!

И с тех пор попустился он своему долгу.

СОЛДАТ И ЧОРТ

Стоял солдат на часах, и захотелось ему на родине побывать.

— Хоть бы, — говорит, — чорт меня туды снес!

А он и тут как тут.

— Ты, — говорит, — меня звал?

— Звал.

— Изволь, — говорит, — давай в обмен душу!

— А как же я службу брошу, как с часов сойду?

— Да я за тебя постою.

Решили так, что солдат год на родине проживет, а чорт все время прослужит на службе.

— Ну, скидавай!

Солдат все с себя скинул и не успел опомниться, как дома очутился.

А чорт на часах стоит. Подходит генерал и видит, что все у него по форме, одно нет: не крест-накрест ремни на груди, и все на одном плече.

— Это что?

Чорт — и так и сяк, не может надеть. Тот его в зубы, а после — порку. И пороли чорта каждый день. Так — хороший солдат всем, а ремни все на одном плече.

— Что с этим солдатом, — говорит начальство, — сделалось? Никуда теперь не годится, а прежде все бывало в исправности.

Пороли чорта весь год.

Изошел год, приходит солдат сменять чорта. Тот и про душу забыл: как завидел, все с себя долой.

— Ну вас, — говорит, — с вашей и службой-то солдатской! Как это вы терпите?

И убежал.

ИВАНУШКО-ДУРАЧОК

Был-жил старик со старухою; у них было три сына: двое умные, третий — Иванушко-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил.

В одно время наварила старуха аржаных клёцок и говорит дураку:

— На-ка, снеси эти клёцки братьям; пусть поедят.

Налила полный горшок и дала ему в руки; побрел он к братьям. День был солнечный; только вышел Иванушко за околицу, увидел свою тень сбоку и думает:

— Что это за человек? Со мной рядом идет, ни на шаг не отстает; верно клёцок захотел?

И начал он бросать на свою тень клёцки, так все до единой и повыкидал; смотрит, а тень все сбоку идет.

— Эка ненасытная утроба! — сказал дурачок с сердцем и пустил в нее горшком — разлетелись черепки в разные стороны.

Вот приходит с пустыми руками к братьям; те его спрашивают:

— Ты, дурак, зачем?

— Вам обед принес.

— Где же обед? Давай живее.

— Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогою незнамо какой человек, да все и поел!

— Какой-такой человек?

— Вот он! И теперь рядом стоит!

Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать.

Принялся дурачок пасти: видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдирать; всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сиди себе радехонек, словно дело сделал. Братья пообедали, воротились в поле.

— Что ты, дурак, натворил? Отчего стадо слепое?

— Да почто им глаза-то? Как ушли вы, братцы, овцы-то врозь рассыпались, я и придумал: стал их ловить, в кучу сбирать, глаза выдирать; во как умаялся!

— Постой, еще не так умаешься! — говорят братья, и давай угощать его кулаками; порядком-таки досталось дураку на орехи!

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Иванушка-дурачка в город к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушка: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли; целый воз навалил всякой всячины. Едет домой, а лошаденка была такая, знать, неудалая, везет — не везет!

— А что, — думает себе Иванушко, — ведь у лошади четыре ноги и у стола тож четыре, так стол-от и сам добежит.

Взял стол и выставил на дорогу. Едет-едет, близко ли, далеко ли, а вороны так и вьются над ним да всё каркают.

— Знать, сестрицам поесть-покушать охота, что так раскричались! — подумал дурачок. Выставил блюда с ествами наземь и начал подчивать: — Сестрицы-голубушки! Кушайте на здоровье. А сам все вперед да вперед подвигается.

Едет Иванушко перелеском; по дороге все пни обгорелые.

— Эх, — думает, — ребята-то без шапок; ведь озябнут сердечные!

Взял понадевал на них горшки да корчаги. Вот доехал Иванушко до реки, давай лошадь поить, а она не пьет.

— Знать, без соли не хочет! — и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет.

— Что ж ты не пьешь, волчье мясо? Разве задаром я мешок соли высыпал?

Хватил ее поленом да прямо в голову, и убил наповал. Остался у Иванушки один кошель с ложками, да и тот на себе понес. Идет; ложки назади так и брякают: бряк, бряк, бряк! А он думает, что ложки-то говорят: «Иванушко дурак!» — бросил их, и ну топтать да приговаривать:

— Вот вам Иванушко дурак! Вот вам Иванушко дурак! Еще вздумали дразнить, негодные!

Воротился домой и говорит братьям:

— Все искупил, братики!

— Спасибо, дурак, да где ж у тебя закупки-то?

— А стол-от бежит, да знать отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то пойво лошади посолил, а ложки дразнятся — так я их на дороге покинул.

— Ступай, дурак, поскорее! Собери все, что разбросал по дороге.

Иванушко пошел в лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел на батог корчаг с дюжину всяких: и больших и малых. Несет домой. Отколотили его братья; поехали сами в город за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушает дурак, а пиво в кадке так и бродит, так и бродит.

— Пиво, не броди! Дурака не дразни! — говорит Иванушко.

Нет, пиво не слушается; взял да и выпустил все из кадки, сам сел в корыто, по избе разъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли Иванушка, зашили в куль и потащили к реке. Положили куль на берегу, а сами пошли пролубь осматривать.

На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых; Иванушко и ну кричать:

— Садят меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею!

— Постой, дурак, — сказал барин, — я умею и судить и рядить; вылезай из куля!

Иванушко вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал из виду. Пришли братья, спустили куль под лед и слушают, а в воде так и буркает:

— Знать, бурка ловит! — проговорили братья и побрели домой.

Навстречу им, откуда ни возьмись, едет на тройке Иванушко, едет да прихвастывает:

— Вот-ста каких поймал я лошадушек! А еще остался там сивко — такой славный!

Завидно стало братьям; говорят дураку:

— Зашивай теперь нас в куль да спускай поскорей в пролубь! Не уйдет от нас сивко. . .

Опустил их Иванушко-дурачок в пролубь и погнал домой пиво допивать да братьев поминать.

Был у Иванушка колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец.

О ЦАРЕ И ПОРТНОМ

Досюль жил-был царь на царстве, на ровном месте, как сыр на скатерти. Этот царь был охотник сказок слушать и сделал он по царству указ, чтоб сказали сказку, которой никто не слыхивал:

— За то, кто скажет, отдам полцарства и царевну!

Этой сказки сказать никто не находится!

Приходит из кабака швец, говорит царю:

— Ваше царское величество! Извольте меня напоить-накормить: я вам буду сказки сказывать!

И напоили, и накормили, и на стул посадили.

И стал сказки сказывать: «Как досюль был у меня батюшка — богатого живота человек! И он состроил себе дом: что голуби по шелому ходили — с неба звезды клевали! У этого дома был двор — от ворот до ворот летом, меженным днем, голубь не мог перелетывать! . .».

— Слыхали ль этакую сказку, вы, господа бояре, и ты, надежа — великий царь?

Те говорят, что не слыхали.

— Ну, так это не сказка, а присказка: сказка будет завтра, повечеру. Теперь меня прощайте! . .

Ушел.

И приходит опять на другой день, и говорит:

— Ваше царское величество! Извольте меня напоить-накормить: я вам буду сказки сказывать!

И напоили, и накормили, и на стул посадили.

И стал сказки сказывать: «Как досюль был у меня батюшка — богатейшего живота человек! И он состроил себе дом: что голуби по шелому ходили — с неба звезды клевали! У этого дома был двор — от ворот до ворот летом, меженным днем, голубь не мог перелетывать! И на этом дворе был выращен бык: на том рогу сидел пастух, на другом — другой; в трубы трубят и в роги играют, а друг другу лица не видно и голоса не слышно! . .».

— Слыхали ль этакую сказку вы, господа бояре, и ты, надежа — великий царь?

— Нет, не слыхали!

Шапку взял, да и сшел.

Царь видит, что это человек непутный, — жаль стало царевну отдать.

Говорит господам:

— Что, господа бояре? Скажемте, что слыхали эту сказку, и подпишемте!

Господа согласились, что слыхали эту сказку, и подписались.

На третий день приходит этот портной и говорит:

— Ваше царское величество! Извольте меня напоить-накормить: я вам буду сказки сказывать!

И напоили, и накормили, и на стул посадили.

И стал он сказки сказывать:

— Как досюль был у меня батюшка — пребогатого-богатого живота человек! И состроил он себе дом: что голуби по шелому ходили — с неба звезды клевали! У этого дома был двор: от ворот до ворот летом, меженным днем, голубь не мог перелетывать. И на этом на дворе был вырощен бык: на том рогу сидел пастух, на другом — другой; в трубы трубят и в роги играют, а друг друга лица не видно и голоса не слышно! И на дворе была вырощена кобыла: по трое жеребят в сутки носила, все третьяков, т. е. сразу трех лет возраста! И он в ту пору жил весьма богато! И ты, надежа — великий царь, занял у него сорок тысяч денег!

— Слыхали ль вы, господа бояре, этакую сказку? И ты, надежа — великий царь?

Господа видят, что нечего делать, — говорят все, что слыхали.

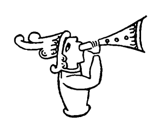
— Ты, великий царь? Занял у моего батюшки сорок тысяч денег — вишь, господа все слыхали! А ты мне денег до сих пор не отдаешь!

И видит царь, что дело нехорошее: надо отдать царевну и полцарства, — либо сорок тысяч денег!

Отдал ему сорок тысяч денег.

И пошел этот портной опять в кабак, с песнями! . .

Вот те, и сказка вся!

ХОРОШО, ДА ХУДО

— Афонька! Где был-побывал, как от меня бежал?

— В вашей, сударь, деревне — у мужика под овином лежал.

— Ну а кабы овин-то вспыхнул?

— Я б его прочь отпихнул.

— А кабы овин-то загорелся?

— Я бы, сударь, погрелся.

— Стало ты мою деревню знаешь?

— Знаю, сударь.

— Что, богаты мои мужички?

— Богаты, сударь! У семи дворов один топор, да и тот без топорища.

— Что ж они с ним делают?

— Да в лес ездят, дрова рубят; один-то дрова рубит, а шестеро в кулак трубят.

— Хорош ли хлеб у нас?

— Хорошо, сударь! Сноп от снопа — будет целая верста, копна от копны — день езды.

— Где ж его склали?

— На вашем дворе, на печном столбе.

— Хорошее это дело!

— Хорошо, да не очень: ваши борзые разыгрались, столб упал — хлеб в лохань попал.

— Неужто весь пропал?

— Нет, сударь! Солоду наростили да пива наварили.

— А много вышло?

— Много! В ложке растирали, в ковше разводили, семьдесят семь бочек накатили.

— Да пьяно ли пиво?

— Вам, сударь, ковшом поднести да четвертным поленом сверху оплести, так и со двора не свести.

— Что ж ты делал, чем промышлял?

— Горохом торговал.

— Хорошо твое дело!

— Нет, сударь; хорошо, да не так.

— А как?

— Шел я мимо попова двора, выскочили собаки, я бежать — и рассыпал горох. Горох раскатился и редок уродился.

— Худо же твое дело!

— Худо, да не так!

— А как?

— Хоть редок, да стручист.

— Хорошо же твое дело!

— Хорошо, да не так!

— А как?

— Повадилась по горох попова свинья, все изрыла-перепортила.

— Худо же, Афонька, твое дело!

— Нет, сударь! Худо, да не так.

— А как?

— Я свинью-то убил, ветчины насолил.
— Эй, Афонька!
— Чего извольте?
— С чем ты обоз пригнал?
— Два воза сена, сударь, да воз лошадей.
— А коня моего поил?
— Поил.
— Да что же у него губа-то суха?
— Да прорубь, сударь, высока.
— Ты б ее подрубил.
— И так коню четыре ноги отрубил.
— Ах, дурак, ты мне лошадь извел!
— Нет, я ее на Волынский двор к собакам свел.
— Ты никак не дослышишь?
— И так коня не сыщешь.
— Жену мою видел?
— Видел.
— Что ж, хороша?
— Как сука пестра.
— Как?
— Словно яблочко наливное.

ВЕЩИЙ ДУБ

Тошно молодой жене с старым мужем, тошно и старику с молодой женой! В одно ушко влезет, в другое вылезет; замаячит — в глазах одурачит, из воды суха выйдет: и видишь и знаешь, да ни в чем ее не поймаешь!

Одному доброму старичку досталась молодая жена — плутоватая баба.

Он ей слово в науку, она ему в ответ:

— Нет тебе, старой лежебок, ни пить, ни есть, ни белой рубахи надеть!

А не стерпишь — слово вымолвишь: дело старое!

Вот и придумал он жену выучить. Сходил в лес, принес вязанку дров и сказывает:

— Диво дивное на свете деется: в лесу старой дуб все мне, что было, сказал и что будет — угадал!

— Ох, и я побегу! Ведь ты знаешь, старик: у нас куры мрут, у нас скот не стоит. . . Пойду побалакать; авось скажет что.

— Ну, иди скорей, пока дуб говорит; а когда замолчит, слова не допросишься.

Пока жена собиралась, старик зашел вперед, влез в дубовое дупло и поджидает ее. Пришла баба, перед дубом повалилася, замолилася, завыла:

— Дуб дубовистый, дедушка речистый! Как мне быть? не хочу старого любить, хочу мужа ослепить; научи, чем полечить?

А дуб в ответ:

— Незачем лечить, зелья попусту губить, начни масленей кормить. Сжарь курочку под сметанкою, не скупись: пусть он ест — сама за стол не садись. Свари кашу молочную, да больше маслом полей; пущай ест — не жалей. Напеки блинцов; попроси, поклонись, чтоб их в масло макал да побольше съедал, — и сделается твой старик слепее кур слепых.

Пришла жена домой, муж на печке кряхтит.

— Эх ты, старенькой мой! Ай опять что болит? Ай опять захирел? Хочешь, курочку убью, аль блинцов напеку, кашку маслом полью? Хочешь, что ль?

— Съел бы, да где взять?

— Не твоя печаль! Хоть ты и журишь меня, а все тебя жалко!.. На, старинушка! Ешь, кушай, пей — не жалей!

— Садись и ты со мною.

— Э, нет! Зачем? Мне бы только тебя напитать! Сама я там-сям перекушу — и сыта. Ешь, голубчик, помасленей ешь!

— Ох, постой жена! Дай водицы хлебнуть.

— Да вода на столе.

— Где на столе? Я не вижу.

— Перед тобою стоит!

— Да где же? Что-то в глазах темно стало.

— Ну полезай на печку.

— Укажи-ка, где печь? Я и печь не найду.

— Вот она, полезай скорее.

Старик сбирается головой в печь лезть.

— Да что с тобой? Ослеп что ли?

— Ох, согрешил я, жена! Сладко съел, вот божий день и потемнел для меня. Ох-хо!

— Экое горе! Ну лежи пока; я пойду, кое-что принесу.

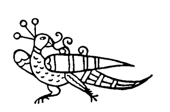
Побежала, полетела, собрала гостей, и пошел пир горой. Пили-пили, вина нехватило; побежала баба за вином. Старик видит, что жены нету, а гости напитались и носы повесили; слез с печи, давай крестить — кого в лоб, кого в горб; всех перебил и заткнул им в рот по блину, будто сами подавилися; после влез на печь и лег отдыхать.

Пришла жена, глянула — так и обмерла: все други, все приятели как боровы лежат, в зубах блины торчат; что делать, куда покойников девать? Зареклася баба гостей собирать, зареклася старика покидать.

На ту пору шел мимо дурак.

— Батюшка, такой-сякой! — кричит баба, — нá тебе золотой, душу с телом пусти, беду с нас скости!

Дурак деньги взял и потащил покойников: кого в прорубь всадил, кого грязью прикрыл и концы схоронил.

ЛГАЛО И ПОДЛЫГАЛО

Были такие два лгуна — Лгало и Подлыгало. Один лжет, другой подлыгает. Так только и жили. Работать не любили, а враньем деньги добывали. Пойдут в деревню, один в одну избу, а другой в другую. . . .

Зашли раз Лгало да Подлыгало в деревню, один в одной избе остановился, другой — в другой, будто рассердились дорогой. Вошел Лгало в избу. А изба у мужика новая; Лгало избу хвалит. А хозяин рад.

— Да, — говорит, — изба добрая, такого лесу теперь нигде не найдешь!

— Нет! — говорит Лгало, — нет!

— А я говорю: «Да».

— А я говорю: «Нет!».

— Давайте положим по сто рублей, что есть!

— Давай!

Заложились

— Шел раз я, — говорит Лгало, — по деревне, и везли там одно бревно—от пасхи до рождества везли, а только корень вывезли. Всей деревней молебен служили — не пройти не проехать было! Вот это так дерево!

— Да ты и лгешь, — говорит мужик.

— Коли мне не веришь, так позовем моего товарища. Хоть мы с ним рассердивши, а солгать не даст!

— А где он?

— Да вон в избе!

Привели Подлыгалу.

— Правда ли твой товарищ про дерево рассказывал, будто с рождества до пасхи только корень вывезли?

— Нет, что не видал, то не видал, и лгать не буду! А вот дом видать видывал, с одного дерева выстроен. Как зашел я, вижу избу, ходил-ходил — заблудился. В одной половине мужики водку пьют, в другой свадьбу играют, в третьей сватьи дерутся! Насилу люди вывели. . .

Видит мужик, что не лгал Лгало, и проиграл сто рублей. Разделили деньги поровну и в другую деревню идут. Один в одну избу, другой в другую, будто рассердивши.

Стали Лгалу ужином кормить, щей налили. Лгало капусту похваливает. А хозяин и рад.

— Да, такой капусты во всем свете нет. Таких кочанов отродясь не видывал никто.

— Ну, я-то поболе видывал, — подраздоривал мужика Лгало.

— Где?

— Давай заложимся по сту рублей!

— Давай!

Заложились и деньги на стол выложили.

— Шел я раз по полю, — врет Лгало. — И в поле рос кочан. Как зашла туча, как пошел дождь, так целый полк солдат под кочном спрятались. Вот это кочан!

— Да ты лгешь!

А коли не веришь, так позовем моего товарища! Хоть мы с ним и рассердивши, а только солгать не даст!

Привели Подлыгалу.

— Правда ль, что твой товарищ кочан такой видывал, что целый полк спрятался?

— Нет, — говорит Подлыгала, — что не видал, то не видал, и лгать не стану! А видел, как кочан с земли тащили. Запрягли двенадцать лошадей и то еле-еле вытащили. . .

Видит мужик, что проиграл, и отдал сто рублей!

Лгало да Подлыгало разделили деньги поровну и в другую деревню пошли. Лгало в одну избу, Подлыгало в другую — будто рассердившись. Лгалу обедом кормят, гороху дают. Лгало горох похваливает. А хозяин рад.

— А только это не горох! Вот я видывал горох так горох. Одна стеблина с дуб толщиной, а струк в небо уперся.

— Да ты лгешь!

— Зачем лгать; не веришь, давай заложимся по сту рублей!

— Давай!

Заложились. И деньги на стол выложили.

— Позовем моего товарища, он не даст соврать, хоть мы с ним и рассердивши.

Позвали Подлыгалу.

— Правда ль, твой товарищ видел горох в дуб толщиной, а струк в небо упирается?

— Нет, что не видал, то не видал, и лгать не стану. А вот видел, как горошком улицу мостили, а в гороховине через реку двадцать человек зараз переплывали!

Видит мужик, что проиграл, и отдал сто рублей! Разделили Лгало да Подлыгало деньги поровну и пошли далее...

[СКУПОЙ СТАРИК]

В одном селе жил-был старик, да такой скупой, прижимистой. Как сядет за стол, нарежет хлеба, сидит да на снох посматривает: то на ту, то на другую, а сам ничего не ест. Вот, глядя на него, и снохи тоже поглазеют-поглазеют, да и полезут вон из-за стола голодные.

А старик опосля, только что уйдут они по работам, втихомолку наестся, напьется и разляжется на печи сытехонек.

Вот однова отпросилась меньшая сноха и пошла к своему отцу, к матери и стала жаловаться на свекора:

— Такой-де лютой, ненавистной! Жить нельзя, совсем есть не дает, все ругается: «Ненаеды вы едакие!».

— Хорошо, — говорит ей отец, — я приду к вам в гости, сам посмотрю ваши порядки.

И погодя денек-другой, пришел он к старику вечером.

— Здорово, сват!

— Здорово!

— Я к тебе в гости. Рад ли мне?

— Рад — не рад, делать нечего, садись, так и гость будешь!

— Как моя дочушка живет, хорошо ли хлеб жует?

— Ништо, живет себе.

— Ну-ка, сватушка, соловья баснями не кормят; давай-ка поужинаем, легче говорить будет.

Сели за стол. Старик нарезал хлеба, сам не ест — сидит, все на снох глядит.

— Эх, сват, — говорит гость, — это не по-нашему: у нас нарезал хлеба да поел, еще нарезал — и то поел. Ну, вы, бабы молодые! Больше хлеба ешьте, здоровее будете.

После ужина стали спать укладываться.

— Ты, сват, где ляжешь? — спрашивает хозяин.

— Я лягу на кутничке.

— Что ты! Я тут завсегда сплю, — говорит старик: вишь, в куте у него спрятаны были яйца, хлеб и молоко. Ночью, как заснут в избе, он украдкою встанет и наестся вдоволь.

Сват это дело заприметил:

— Как хочешь, — говорит, — а я лягу на кутничке.

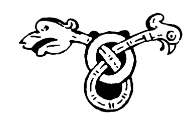
Вот улеглися все спать. В самую как есть полночь старик ползком-ползком да прямо в залавок — скрип! А гость еще с вечера припас про него ременной кнут: как вытянет свата раз, другой, третий — сам бьет да приговаривает:

— Брысь, окаянная! Брысь!

Пришлось старику не евши спать.

Вот так-то прогостил сват у свата целых три дня и заставил надолго себя помнить.

Проводил его старик и с тех пор полно — перестал у снох во рту куски считать.

ПЕТУХАН КУРИХАНЫЧ

Жила-была старуха, у нее сын Иван. Раз Иван уехал в город, а старуха одна осталась дома. Зашли к ней два солдата и просят чего-нибудь поесть горяченького. А старуха скупа была и говорит:

— Ничего у меня нет горяченького, печка не топлена и щечки не варены.

А у самой в печке петух варился. Проведали это солдаты и говорят между собой:

— Погоди, старая! Мы тебя научим, как служилых людей обманывать.

Вышли во двор, выпустили скотину, пришли и говорят:

— Бабушка! Скотина-то на улицу вышла.

Старуха заохала и выбежала скотину загонять. Солдаты между тем достали из печки горшок с похлебкой, петуха вынули и положили в ранец, а вместо него в горшок сунули лапоть.

Старуха загнала скотину, пришла в избу и говорит:

— Загадаю я вам, служивые, загадку.

— Загадай, бабушка.

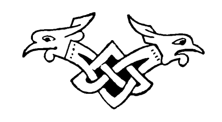
— Слушайте: в Печинске-Горшечинске, под Сковородинским, сидит Петухан Куриханыч.

— Эх, старая! Поздно хватилась: в Печинске-Горшечинске был Петухан Куриханыч, да переведен в Суму-Заплеченску, а теперь там Заплетай Расплетаич. Отгадай-ка вот, бабушка, нашу загадку.

Но старуха не поняла солдатской загадки.

Солдаты посидели, поели черствой корочки с кислым квасом, пошутили со старухой, посмеялись над ее загадкой, простились и ушли.

Приехал из города сын и просит у матери обедать. Старуха собрала на стол, достала из печи горшок, ткнула в лапоть вилкой и не может вытащить. «Ай-да петушок, — думает про себя, — вишь как разварился — достать не могу». Достала, ан... лапоть!

ЛЕНИВАЯ ЖЕНА

Жил муж с женой.

Жена была ужасно ленива. Ей ничего не хотелось делать, и до того дошло у них, что не было рубашки.

Муж и говорит:

— Жена, что же ты не работаешь?

А жена отвечает:

— Мне некогда!

— Что же ты не прядешь?

— У меня мотовила нет; поди же ты сходи в лес, сруби дерево и сделай мне мотовило; я и стану прясть.

Муж взял топор и пошел в лес. А она ему и сказала, где и какое дерево срубить; а сама по другой дороге убежала; нашла пустое дупло, да в него села.

Муж приходит, начинает рубить дерево; а она оттуда и говорит:

— Мужик, не делай мотовила: жена умрет!

Сделать мужику хотелось, да и жалко, что жена умрет; он и не стал делать мотовила.

А она вперед его успела прибежать и легла на печку.

— Муж, что же ты мотовила не сделал?

— Да вот, так и так!

— То-то и дело.

Только через несколько времени мужик опять пошел мотовило делать.

Она опять прибежала другой дорогой и то же кричала. Так он и не сделал мотовила.

И в третий раз тоже.

В четвертый раз взял да и срубил.

— Пусть, — говорит, — жена умрет, а сделаю мотовило.

Сделал мотовило, приносит домой; а жена раньше его прибежала, легла на печку.

Муж и говорит:

— Вот тебе, жена, и мотовило!

— Ну, как же я буду прясть? Ведь, как сяду, так и умру!

Вот она берет льну, садится прясть; напряла нитку, другую; а третью стала прясть, стала у нее рука опущаться, а потом и сама повалилась; упала и захрапела, начала умирать. Муж и догадался, что она привередничает.

— Жена, не умирай! Я тебя воскрешу!

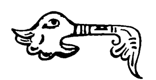
Она ему ничего не отвечает; дух стал захватываться.

— Жена, никак ты кончаешься?

Взял да плетью ее и начал бить.

Как она вскочила, давай бежать.

Он бил ее до тех пор, пока она созналась, что это все от лени; и стала она с тех пор рукодельная, и стали они хорошо жить.

[НЕУМЕЛАЯ ЖЕНА]

Мужик стащил в лавке куль пшеничной муки. Захотелось к празднику гостей зазвать, пирогами поподчивать. Принес домой муку да и задумался.

— Жена! — говорит он своей бабе, — муки-то я украл, да боюсь — узнают! Спросят: отколь ты взял такую белую муку?

— Не кручинься, мой кормилец! Я испеку из нее такие пироги, что гости ни за что не отличат от аржаных!

УПРЯМАЯ ЖЕНА

Жил мужик с женой. Муж ездил в торг; купил коты. Приезжает муж с базару домой. Жена поглядела: в кошле коты.

— Муж, — говорит, — кому коты купил?

— Матушке.

— Умру; зачем коты матери купил?

День не ест, два не ест. Пришел муж.

— Дура, что ты делаешь, за что умираешь?

— Ну, скажи, кому коты купил?

— Матушке.

Она не пьет, не ест; больна лежит. Опять муж приходит.

— Дура, за что умираешь?

— Ну, скажи, кому коты купил?

— Матушке.

Она пуще захворала; послала за священником. Приходит муж,

— Дура, за что умираешь?

— Кому ты коты купил?

— Матушке.

Пришел священник, приобщил ее, маслом соборовали. Опять муж подходит; она спрашивает.

— Кому ты коты купил?

— Матушке.

— Делай гроб; клади меня в гроб!

Сделали гроб; положили в гроб, понесли хоронить; отслужили погребальное. Муж подходит к ней.

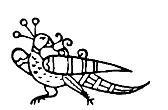
— Глупая! За что умираешь?

— Скажи, кому коты купил?

— Матушке!

— Зарывайте меня в землю!

Так и зарыли.

БОЛТУНЬЯ

Жил старик со старухой; у него старуха была ужасно на язык слаба, все болтала. Пошел он в лес; нашел там клад и боится своей старухе сказать — та разболтает всем. Наконец сказал своей жене:

— Жена, я нашел клад. Не говори только никому; а то мне и тебе от барина достанется!

— Нет, — говорит, — я никому не скажу.

Ночью взяли они заступ, пошли отрывать клад.

Вышли они в поле. Жена и поднимает блин.

— Муж! Что это такое?

— Молчи! Нынче блинные да пирожные тучи шли.

Идут они дальше. Нужно было им переходить мост; идут они по мосту. В этой реке в сетях заяц ворочается. Она у него и спрашивает:

— Муж! Что это такое?

— Это барские рыболовы в реке зайца поймали!

Идут они дальше. В капкане в поле щука ворочается.

— Муж, что это такое?

— Это барские охотники в капкане щуку поймали!

Идут они дальше; подходят к лесу; там козел закричал.

— Муж, что это такое?

— Это нашего барина в лесу черти бреют!

А это он все подделал, чтоб ее обмануть. Пришли к месту, откопали клад, принесли домой, поставили его под печку.

Стали они жить богато. Соседи стали спрашивать у нее, откуда у них такое богатство.

Она и проговорилась, что клад нашли. Узнал об этом староста, сказал барину. Этот мужик узнал, что барин знает, что он нашел клад, взял клад из-под печки, спрятал в подпол. Вот барин призывает его, спрашивает:

— Нашел ты клад? Твоя жена рассказывает, что ты нашел!

Он и говорит:

— Она у меня полоумная; вы извольте ее призвать и спросить у ней.

Барин приказал позвать его жену. Пришла она. Барин и спрашивает:

— Правда ли, что твой муж клад нашел?

— Правда, батюшка, истинная.

— Где ж он у него?

— Сперва лежал под печкой в чашке, а теперь не знаю, где.

— Да когда же он нашел?

— Да помните, сударь, когда блинные да пирожные тучи шли!

Барин думает: «Не полоумная ли она в самом деле?».

— Да помните, как ваши рыболовы в реке зайца поймали?

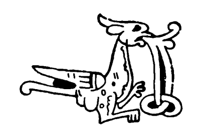
Барин молчит, все смотрит на нее.

— Да помните, когда ваши охотники в капкане рыбу поймали?

— Что ты врешь?

— Да невдомек ли вашей милости, когда вашу милость в лесу черти брили?

Барин рассердился на нее, велел ее высечь. И с тех пор муж стал доволен своей женой.

ВАВИЛО И АРИНА

Муж был Вавило, жена была Арина, работать больно ленива. Послали ее жать, нажала сноп и три горсти и закатилась спать. Приходит домой, свекор спрашивает:

— Много ли, Арина, нажала?

— Три кучи.

Они думали — три копны. На другой день то же самое: нажала сноп и три горсти и закатилась спать.

Спрашивает свекор:

— Много ли, Арина, нажала?

— Три кучи.

— С чего бы столько?

— На третий день послали, и свекор пошел поглядеть. Нажала Арина один сноп и две горсти и закатилась спать. Свекор пошел домой, взял ножницы и остриг ей голову. Приходит Арина домой и говорит:

— Я-то — я, да голова-то не моя; кто-то остриг. Я-то — жена Арина, а муж-то у меня — Вавило.

После того вскоре помер отец; в бедном состоянии стал Вавило жить и по миру ходить. В одно время пошел в другое село; никтс куска не подал, голодный весь день был. Пристигает темна ночь; пошел он домой и заплакал горько.

— Что буду делать? Сам голоден и дети тоже. Дай хоть сенца из стога пожую!

Подошел к стогу, выдернул клочок, вывалился пребольшущий пирог.

— Ах, господи, что такое? Нет, это я детям понесу.

Зашел с другого боку, захватил побольше клочок, пребольшая куча золота вывалилась.

«Что я буду делать? Если я домой принесу — жена расхвастается и барин меня забьет, что я столько денег нашел».

Взял деньжонок несколько, пошел на мельницу, купил гречушной муки, принес домой и сказал жене, чтобы блинов напекла.

— Вот, — говорит, — гречушной мучки насбирал.

Сам на базар пошел, накупил соленых судаков. Где ехать им к этому стогу, разбил барских скирдов три-четыре и насовал этих судаков рылами туда и оттуда. Попался ему мертвый поросенок, он засунул его в мережку и сунул в озеро. Зашел к попу и просил его козла на колокольню посадить, чтобы он кричал и звонил.

Пришел домой.

— Ну что, напекла?

— Вот растопляю печку, укисли.

— Пеки скорее!

Пока пекла, светать стало, и она пошла убираться; а он украл у ней раствору, вышел в поле и давай тесто по дороге бросать. Пришел домой и говорит:

— Знаешь что? Только не сказывай!

—Лопни глазыньки, не скажу!

— Я ведь клад нашел!

— Что ты?

— Право.

Позавтракали. Запрег Вавило лошадь, взял полог и пудовку, поехали за деньгами.

Как выехали, она увидела на дороге тесто.

— Хозяин, что это?

— Это кисельная гроза шла.

Отъехали — увидала блин.

— Старик, это блин! Возьми его! Что это, старик?

— Э, дура, это кисельная гроза была, а это блинная туча.

Доехали до скирдов.

— Гляди-ка, старик, солены судаки!

— Эка диковина? Они завсегда так озорничают; соленые судаки скирды разбивают.

Едут мимо озера.

— Старуха, нет ли мереж, рыбки не попало ли?

Вынул мережу, а там поросенок.

— Гляди-ко, поросенок-то задохнулся.

— Это что это?

— Да тут всегда поросята попадают.

— Вот, старик, мы купим мереж, да будем ставить, всегда свинина будет.

Подъехали к стогу, насыпали деньги. Ехать домой рано; остановились на лугах лошадь покормить. Солнце стало закататься, запрягли лошадь, поехали домой. Едут мимо церкви, и козел привязанный орет и звонит.

Она спрашивает:

— Что это, старик?

— Разве не знаешь? Нашего барина черти дерут.

— Уж теперь его не будет?

— Нету.

Не поспела Арина ссыпать деньги, побежала в шабры и расхвасталась, что клад нашли. Только ей мало верили. Через несколько время дошла весть до барина. Призвал он Арину, стал спрашивать:

— Ну что, клад нашли?

— Нашли.

— Призвать Вавилу!

Пришел Вавило.

— Вот твоя жена говорит, что клад нашли вы?

— Да спросите ее, как нашли, она на свою голову наорет.

Стала она сказывать:

— Когда мы за деньгами поехали, только выехали из польных ворот, все кисель да кисель: кисельная гроза шла; а там дальше все блины да блины. Я сбирала все; а потом до ваших скирд доехали — судаки: три-четыре скирды в ло-о-ск разбили. Я их беремя цело набрала. До озера доехали, а в мережу-то поросенок зимняк такой жирный ввалился. Тут всегда они попадают. Насыпали деньги, еще ехать рано, покормили лошадь, поехали мимо церкви... Есть, барин, словечко, да боюсь сказать...

— Говори.

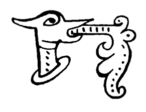
— В то время, значит, вашу милость на колокольне-то черти драли.

— Меня?

— Да, вас.

— Конюха! На конюшню!

Крикнул барин. Сейчас ей полтораста розог влепили. Оправился мужик через свою хитрость и зажил богато.

[МУЖИК И ЗАЯЦ]

Бедной мужик, идучи по чистому полю, увидал под кустом зайца, обрадовался и говорит:

— Вот когда заживу домком-то! Возьму этого зайца убью плетью да продам за четыре алтына, на те деньги куплю свинушку; она принесет мне двенадцать поросеночков; поросятки вырастут, принесут еще по двенадцати; я всех приколю, амбар мяса накоплю; мясо продам, а на денежки дом заведу да сам оженюсь; жена-то родит мне двух сыновей, Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки давать: «Эй вы, ребятки, — крикну, — Васька да Ванька! Шибко людей на работу не туганьте; видно сами бедно не живали!».

Дак так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и детьми пропал.

ФОМА И ХАВРОНЬЯ

А был Фома муж, а жена Хавронья. Ну, вот Фома уйдет пахать, а жена стряпать останется дома-то.

Придет, жену бранит:

— Ты мало постряпала, мало наделала.

Ну она взяла на другой день приладила, рожь сохнуть на печь положила. Собрала бук (в Заонежье-то бучат, тут не бучат, теперь не прядем, так и не бучим, досюль бучили) платье бучить, квашеночку приладила, рожь смолоть, да квашню мешать, да сметану мешать, курочку пасти с яйцами, ну и ребеночка качать.

Ночь пришла, да ночь поспала, Маланья [здесь и ниже оговорка сказочницы; следует — Хавронья] и говорит Фоме:

— Ты оставайся стряпать, а я пойду пахать поля. Рожь на печи смели, да квашню замешай, да бук бучь, каменье спускай, курицу карауль, да ребеночка качай, да чтобы ребята собак не напустили бы, бука не нанюхали б.

Жена и ушла пахать. Он и раздумался:

— Я, — скажет, — рожь вычерпаю в коробку, а сметану в кошель сберу, а веревку протяну от зыбки в подпол, к ногам привяжу, там стану я вертеть, а сметана станет трястись, да замешается в кошеле, и ребенок спит. Ребята станут курицу пасти и смотреть: «Собаку в избу не допустите, бука не нанюхала бы».

Ребята двери отворили, собака в избу к буку.

— Батюшко, собаки вошли, бук нюхают!

А батюшка как выскочит, через корыто пал и сметану спружил. Он тут поставил квашню, мешал да пек в печи хлеб. Затем ребята кричат:

— Батюшко, дедушка приехал на улицу при колокольчике!

Он сказал:

— Ладно, детушки, я выстану на полати, а вы не байте, детушки, что я на полатях. Спросит батюшко: «Где у вас батюшка?». — «А пахать ушел». — «А матушка где?». — «Ушла на селение».

Дедушка пришел, поздоровался, сказал:

— А где у вас батюшка? А где матушка?

— Матушка в гости ушла, а батюшка пахать ушел.

— Ну, деточки, мне стоять-жить не свободно, а батюшка придет, скажите: дедушка приезжал на свадьбу звать, тетушка замуж выходит.

А он лежит на полатях и думает:

— Дай-ка я погляжу, как тесть сокрутился, в каком снаряде, в хорошем ли.

Потянулся, да как полати пали, да с полатями и наземь. Тесть глядит: как, сём, отсюда он с полатей наземь пал.

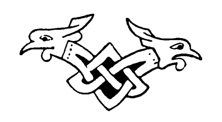
— Ну, зятюшка, здорово! Приезжай, — говорит, — мне жить не свободно, дочь замуж выходит, приезжай.

Ну и Маланья пришла с пашни.

— Вот неладно стряпал да худо.

— Ну ладно, не бранись, поедем на свадьбу, звал батюшка на свадьбу.

[Вторая часть этой сказки повествует о том, как Фома отправился нагой ловить утку. Одежда его пропала, и он, вывалявшись в смоле и перьях, побрел на свадьбу. Здесь, вооружившись гвоздем от бочки, он вступил в битву с собаками]. А Фому от бочки вывели, да и свадьба отошла.

[ШЕМЯКИН СУД]

В некотором царстве жили два брата — богатой и убогой. Нанялся убогой к богатому, работал целое лето, и дал ему богатой две меры ржи. Приносит убогой домой, отдает хлеб хозяйке. Она и говорит:

— Работал ты целое лето, а всего-навсего заработал две меры ржи. Коли смолоть ее да хлебов напечь — поедим и опять ничего у нас не будет. Лучше ступай ты к брату, попроси быков и поезжай в поле пахать да сеять: авось господь бог уродит, будем и мы с хлебом!

— Не пойду, — сказал убогой, — все одно: проси, не проси — не даст он быков.

— Ступай! Теперь брат в большой радости, родила у него хозяйка сына, авось не откажет.

Пошел убогой к богатому, выпросил пару быков и поехал на поле, распахал свою десятину, посеял, забороновал, управился — и домой. Едет дорогою, а навстречу ему старец:

— Здравствуй, доброй человек!

— Здорово, старик!

— Где был, что делал?

— Поле пахал, рожь засевал.

— А быки чьи?

— Быки братнины.

— Твой бра̂т богат, да немилостив. Выбирай, что знаешь: или сын у него помрет, или быки издохну̂т.

Подумал-подумал убогой: жалко ему и быков и сына братнина, и говорит:

— Пускай лучше быки подохнут.

— Будь по-твоему! — сказал старик и пошел дальше.

Стал подъезжать убогой брат к своим воротам, вдруг оба быка упали на землю и тут же издохли. Горько он заплакал и побежал к богатому.

— Прости, — говорит, — без вины виноват! Уж такая беда стряслась: ведь быки-то пропали!

— Как пропали? Нет, любезной! Со мной так не разделаешься, заморил быков, так отдавай деньгами.

Откуда у бедного деньги? Ждал-пождал богатой и повез его к праведному судье.

Едут они к праведному судье, и попадается им навстречу большой обоз, тянется по дороге с тяжелою кладью, а дело-то было зимою, снега лежали глубокие. Вдруг ни с того, ни с сего заупрямилась одна лошадь у извощика, шарахнулась в сторону со всем возом и завязла в сугробе.

— Помогите, добрые люди! Выручьте из беды! — стал просить извощик.

— Дай сто рублев! — говорит богатой.

— Что ты! Или бога не боишься? Где взять сто рублев?

— Ну сам и вытаскивай!

— Постой, — говорит убогой, — я тебе задаром помогу.

Соскочил с саней, бросился к лошади, ухватил за хвост и давай тащить: понатужился и оторвал совсем хвост.

— Ах ты, мошенник! — напал на него извощик, — ведь конь-то двести рублев стоит, а ты хвост оборвал! Что я теперь стану делать?

— Эх, брат, — сказал богатой извощику, — что с ним долго разговаривать? Садись со мной да поедем к праведному судье.

Поехали все трое вместе, приехали в город и остановились на постоялом дворе. Богатой с извощиком пошли в избу, а убогой стоит на морозе. Смотрит — копает мужик глубокий колодезь, и думает: «Не быть добру, затаскают, засудят меня. Эх, пропадай моя голова!». И бросился с горя в колодезь, только себя не доконал, а мужика зашиб до смерти. Тотчас подхватили его и повели к праведному судье.

Стал судить праведный судия и говорит богатому:

— Убогой загубил твоих быков, жалеючи сына. Коли хочешь, чтоб он купил тебе пару быков, убей наперед своего сына.

— Нет, — сказал богатой, — пусть лучше быки пропадают.

[Сказка в издании Афанасьева не окончена. Вместо окончания издатель сообщил: «Дальнейшие решения судьи совершенно сходны с текстом лубочной сказки»].

СКОЛЬКО Я ГОРЯ ПЕРЕЛЕЗ

У меня было горя много; было мне жить нехорошо, вот как и теперь. Были у меня тройка коней, заведено все хорошее положение. Были извозы сильные, в Торопец пшеница шла. Поехал я в Вязьму, навалил пшеницы три куля на лошадь, в Торопец везть.

Дело было на масляную. Люди повезли обозом, а я остался, — что мне с ними? Кони у меня хорошие, останусь справить масляную!

Ну, справил я масляную, отгулял, в первый понедельник поехал я. А тулуп у меня надет был новый. Только заехал за Белую, бежит белка через дорогу. А была погода понастливая, понастик был.

— Эх! Штука хороша! Бежит тихо, пойду я ее поймаю, в город продам и погуляю там, свезши пшеницу.

Поставил коней тройку на дороге, за ней отправился.

Она от меня не уходит, и поймать не поймаю. Она в лес, я за нею, она бегла, бегла, стало мне душно, я тулуп скинул, думаю: «Назад пошедши да ее поймавши, возьму его».

Она с леса на лядо на чистое, я все-таки за ей: я-то замучился, да и она-то замучилась.

Деться ей негде. Стоит толстая осина на ляде, она на осину.

— Погоди ж! Я тебя поймаю теперь! Она с осины хошь свалится, убьется, все ж моей будет!

Я за ней на осину. Осина была двойчатка, толстая; я до двойчатки долез, хотел меж суков встать, а она дуплястая; я в тое дупло провалился, до самого корня. Тут-то я и сознался, что пропали мои кони, одежа, а я сам помру тут!

Сижу там день, свету не вижу никакого, и другой, вылезть никою нельзя, надо помирать там. На третий день рано подходит мужик к этой осине и с топором.

— Ах, — говорит, — штука какая! Сколько можно осьминок наделать, сколько дуплянок! Дай ее завалю!

И начинает сечь; разделся парень и секет мне прямо по горлу! Хошь и завалится осина, а голову мне переломит! Посек кромочки, видит, что сечь не стоит, вся гнилая, я гнуться, чтоб шею не сломало, прижался.

Она скоро и завалилась. Как стала валиться, я голову выторнул, да «га» со всей мочи. Мужик как глянул, спужался, да и на уход оттуль, и одеяние свое оставил!

Я вылез, одежду его надел: идти не знаю куда! Пошел прямою линией лесом, кудыж-нибудь выйду на поле! А сам не пивши, не евши третьи сутки. «Хоть бы скорее в деревню выйти», — сам себе думаю. Вышел на поле, стоит церква деревянная. Пойду на тою церкву. А там только поп с дьячком построивши, села нет. Надо ночевать, темно стало. К дьячку что идти — он бедный; надумал, пойду к попу просить ночевать, может покормит.

— Ночуй! Лезь вон на палати против печи!

А нет того, чтоб меня покормить!

По убогому делу случилось, что родить пришлось попадье; за бабкой сходить некому.

— Ах, — вздумал поп, — у меня прохожий человек ночует· попрошу его.

А идти через реку.

— Встань, брат, сходи за бабкой, вон деревня на горке стоит! Да она пешая не пойдет, возьми детскую тележку.

Отдал мне тележку, отправился я за бабкой. Приезжаю я к бабушке.

— Бабушка, поп просит вас, попадья там мучится.

Баба рада, сейчас сбирается: бабы охотники бабить. Вышла, села в тележку, стал я под горой спускаться; я ж голодный, немолодой, спотыкнулся, тележка мимо меня под горку да с бабой в воду. Стал я на берегу думать, что мне теперь делать? Ти к попу идти, ти совсем уйти!

Надумал не плошь этой сказки: пойду к попу опять, скажу, что меня не послушалась, не поехала, идите сами; у него хошь хлеба край тем часом украду, да и уйду!

Прихожу к попу.

— Батюшка, меня старуха не послушала, потому незнакомый человек, просит вас!

— А где тележка?

— Тележка у бабы осталась.

Они уже тут с попадьей распорядились, небабиного ребеночка положить перед богом за столом на лавке.

— Ну, вот тебе рубиха (чем бабы белье бьют), карауль ребенка, чтоб кот не унес, а попадья другое дело справит.

Я сидел, сидел, задремал; ниоткуль не бывши, идет кот по лавке; я хотел кота, да по ребенку! Забил его до смерти! Покуда я ребенка забил, бежит поп, сердитый, кудлами трясет, заорал:

— Ты мне бабу залил, ребенка забил! Что с тобой делать?

Сходил за дьячком, привел дьячка.

— Давай до света свяжем его и представим в суд в город; он пролыга какой ходит!

Ну что делать? Дождалися дня.

— Я с ним пешой не пойду, запрягай лошадь!

Поп сел на лошадь, а меня сзади привязал на веревочку, ведет. Ехали мы, ехали. Встречается с нами на хорошей лошади дворянин, командирин господской. Лощадь у его полтораста рублей стоит. Хотел от попа отворотить в сторону, лошадь и утопил.

— Батюшка, постой, пособите мне кобылу выпростать, утопла!

— Во проси моего разбойника, а я не полезу в воду мочиться.

— Дядюшка, пособи мне лошадь выпростать, я тебе дам две гривенки за работу.

Я загодя расчислил, что себе два фунта хлеба куплю (две гривенки медных, это шесть копеек по тому время).

Ну, взял кобылу за хвост, подобрал его порядком, как дернул сгоряча, хвост по самую седелку со шкурой ободрал!

— Как же мне теперь к барину показаться! Он убьет до смерти! Кобыла полтораста рублей стоит!

Значит, и тот на меня жаловаться!

Повели меня в Белую. Судьи поглядели один на одного, усмехнулись.

— Как же будем судить? С этого взять нечего, что привели! — переговариваются сами собой.

Говорят попу:

— С виновника по сто рублей!

На попа:

— Ну, жалуйся на своего арестанта.

— Как же не жаловаться на него! Попросился на ночь, я его пустил, всходилась моя хозяйка родить. — «Съезди за бабкой на детской тележке!». Он бабку взял, посадил, да в реку и упустил, да пришел — меня обманул, что «со мной не едет, иди сам!». Я пошел, заставил его ребенка караулить, чтоб кот не унес, он мне ребенка забил!

— Ну как же ты так сделал, что ребёнка забил?

— Я трое суток не евши, послал он меня, я ослабши, ноги посклизнулись, я бабу под горку и упустил. Я хотел у него хлеба

украсть, а он посадил меня ребенка караулить. Хотел кота, да по ребенку и угодил!

— Ну, поп, ты и виноват выходишь, ты бы его накормил, напоил. . . теперь сто рублей с тебя!

— А нет! Я так не заплачу!

— Не хошь платить, отдай ему попадью, пока она с ним другого тебе ребенка приживет.

— А нет! Я так не хочу!

Вынимает сто рублей, кладет на стол.

— Ну, ты, господский командирин, жалуйся!

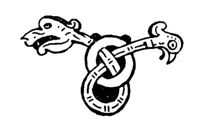
— Я так и так, ехал по своему делу, встретил попа этого самого, свернул с дороги да коня утопил. Попросил помочь коня выпростать. Он, разбойник этот, за хвост как дернет, хвост и оторвал. Нельзя к барину ехать.

— Ну отдай кобылу ему, пока хвост отрастет!

— Нет, мне никак нельзя господскую лошадь отдать.

Ну и тот сто рублей отдал.

Отправили меня на родину, поделимши деньги эти на три части! Ну, и кончилось дело на этом!

НА СУДЕ

Мужик вывел на базар продавать быка. Подходит покупатель, сторговал у мужика быка, дал задатку, указал, куда вести его, в такой-то дескать дом.

Ведет мужик быка; попадается ему навстречу еще купец:

— Мужик, продай быка!

— Изволь, господин купец.

Сторговались, и этот дал задатку, указал куда вести:

— Я, — говорит, — сейчас приду!

Повел мужик быка дальше. Подходит третий покупатель, и с этим сторговался, взял и у этого задаток, ведет с ним к нему быка, а тут и прежние двое покупателей подошли: тот тащит к себе покупку, другой — к себе...

Дело добром не уладилось, пошли в суд. Покуда просители объясняли судье свое дело, мужик стоял в прихожей.

К нему выбегает чиновник и говорит мужику:

— Если дашь мне на чай, я тебя научу, как оправдаться!

— Сделай божескую милость, батюшка, будь отцом родным — заплачу!

— Идет. Что бы тебя ни спросили, сперва отвечай: «Ну так что?», а потом — «вот еще!».

Позвали мужика пред судью.

— Ты, мужик, вот этому купцу продал быка? — спрашивает судья.

— Ну так что? — говорит мужик.

— А деньги получил?

— Вот еще!

— А этому продавал?

— Ну так что?

— А деньги получал?

— Вот еще!

— Ну, и этому продавал?

— Ну так что?

— А деньги получал?

— Вот еще!

— Да что ты сумасшедший, что ли?

— Ну так что?

— Пошел вон, вот я тебя в кутузку запрячу!

— Вот еще!

Только мужик за порог вышел, как чиновник догоняет его:

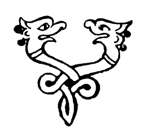
— Давай, мужик, обещанное, ты обещал мне на чай!

— Ну так что?

— Давай, братец!

— Вот еще!

Так и отбился этим мужик.

СКАЗКА О ЕРШЕ

В некотором царстве, в некотором государстве, король на королевстве, на ровном месте, как на бороне, выехал ершишка в липовых санишках, в берестяных лаптишках. Становился этот ершишка на калиновый мостишка, мостишка обломился, ершишка в воду ввалился и напросился к Щуке-Калуге ночь переночевать, день передневать, платье пересушить и все крепости пересмотреть.

Щука-Калуга пустила и про ерша баенку стопила. Этот ершишка ночь переночевал, день передневал, платье пересушил, крепости пересмотрел и в баенку сходил. Этот ершишка на Ораске озере валяется, на озеро Ораско похваляется: хочет всю рыбу победить, головней покатить, большую колоть, а маленькую вон гнать.

Вот рыбка испугалась, становится вкруг и думает думу вдруг:

— Как быть, как жить, как ерша сгубить, костроватую рожу? Кого будем посылать к Сому-большим усам, судье праведному? Посылать и не посылать рыбину Щуку?

Щука и говорит:

— Я, Щука, щекотлива, на речах смутлива, скажет: «Зачем . . пришла? Я тебе говорю, ты вон пошла!».

Рыбка опять становится вкруг и думает думу вдруг:

— Как быть, как жить, как ерша сгубить, костроватую рожу? Кого будем посылать к Сому-большим усам, судье праведному? Послать и не послать рыбину Окунь?

Окунь и говорит:

— У меня глаза посоловевши, крылья подопревши, скажет: «Не успел глаз налить, да пришел ко мне говорить? Я тебе говорю, что ты вон пошел!».

Опять рыбка становится вкруг и думает думу вдруг:

— Как быть, как жить, как ерша сгубить, костроватую рожу? Кого будет послать к Сому-большим усам, судье праведному? Послать и не послать рыбину плотицу?

Плотица и говорит:

— У меня глаза красны, крылья подопревши, скажет: «Зачем, плёха, пришла? Я тебе говорю, вон пошла!».

Опять рыбка становится вкруг и думает думу вдруг:

— Как быть, как жить, как ерша сгубить, костроватую рожу? Кого будет послать к Сому-большим усам, судье праведному? Послать и не послать рыбину налим?

Налим и говорит:

— У меня губы толсты, брюхо передавится, скажет: «Зачем, шипялюн, пришел? Я тебе говорю — вон пошел!».

Рыбка опять становится вкруг и думает думу вдруг:

— Как быть, как жить, как ерша сгубить, костроватую рожу? Кого бы послать к Сому-большим усам, судье праведному? Послать и не послать рыбину-карась?

Карась и говорит:

— Давно я дожидался этого от вас!

Рыбина-карась вставала раненько, умывалася беленько, и поскакал к Сому-большим усам, судье праведному. Прискакал, — Сом спит. Он раз хвостом плеснет, другой раз плеснет, третий, — Сом пробуждается и спрашивает:

— О чем ты, карась?

— Сейчас, сударь, только до вас.

— О чем же?

— Да вот ершишка на Ораске озере валяется, на озеро Ораско выхваляется, хочет всю рыбку победить, головней накатить, большую колоть и маленького вон гнать. Мы испугались!

— Ах, глупец, нашел бы Першу да поставил бы вершу!

Карась откланялся и поскакал.

Нашел Першу, поставил вершу. На этот случай пришел Абрам — закол забрал. Пришел Богдан — ерша бог дал. Пришел Егорка — стащил ерша на горку. Пришел Антон—убил ерша гантом. Пришел Вавила — повесил ерша на вилы. Пришел Антроп — повесил ерша под строп. Пришел Тереня — принес дров беремя. Пришла Марина — ерша помыла. Пришла Ирина — ерша сварила. Пришел поварь — ерша пробал. Пришел верблюд — разлил ерша на семь блюд. Пришел кот Иаков — всего ерша смякал. Пришел дракон — завел об ерше драку. Пришел Епифан — и все дело распихал.

БАЙКА О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ

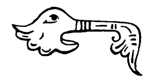
В ночь на Иванов день родилась щука в Шексне, да такая зубастая, что боже упаси! Лещи, окуни, ерши — все собрались глазеть на нее и дивовались такому чуду. Вода той порой в Шексне всколыхалася; шел паром через реку да чуть не затопился, а красные девки гуляли по берегу, да все порассыпались. Экая щука родилась зубастая! И стала она расти не по дням, а по часам: что день, то вершок прибавится; и стала щука зубастая в Шексне похаживать да лещей, окуней полавливать: издали увидит леща, да и хвать его зубами — леща как не бывало, только косточки хрустят на зубах у щуки зубастой.

Экая оказия случилась в Шексне! Что делать лещам да окуням? Тошно приходит: щука всех приест, прикарнает. Собралась вся мелкая рыбица и стали думу думать, как перевести щуку зубастую да такую торовастую. На совет пришел и Ерш Ершович и так наскоро взголцыл:

— Полноте думу думать да голову ломать, полноте мозг портить: а вот послушайте, что я буду баить. Тошно нам всем тепереча в Шексне; щука зубастая проходу не дает, всякую рыбу на зуб берет! Не житье нам в Шексне, переберемтесь-ка лучше в мелкие речки жить — в Сизму, Коному да Славенку; там нас никто не тронет, и будем жить припеваючи да деток наживаючи.

И поднялись все ерши, лещи, окуни из Шексны в мелкие речки Сизму, Коному да Славенку. По дороге, как шли, хитрый рыбарь многих из ихней братьи изловил на удочку и сварил забубенную ушицу, да тем, кажись, и заговелся. С тех пор в Шексне совсем мало мелкой рыбицы. Закинет рыбарь удочку в воду, да ничего не вытащит; когда-некогда попадется стерлядка, да тем и ловле шабаш! Вот вам и вся байка о щуке зубастой да такой торовастой. Много наделала плутовка хлопот в Шексне, да после и сама не сдобровала: как не стало мелкой рыбицы, пошла хватать червячков и попалась сама на крючок. Рыбарь сварил уху, хлебал да хвалил: такая была жирная!

Я там был, вместе уху хлебал, по усу текло, в рот не попало.

[ДЕЛЕЖ ГУСЯ]

Жил-был бедной мужик; детей много, а добра — всего один гусь. Долго берег он этого гуся — да голод не тетка! До того дошло, что есть нечего: вот мужик и зарезал гуся; зарезал, зажарил и на стол поставил. Все бы хорошо, да хлеба нет, а соли не бывало. Говорит хозяин своей жене:

— Как станем мы есть без хлеба, без соли? Лучше я отнесу гуся-то к барину на поклон да попрошу у него хлеба.

— Ну что ж? С богом!

Приходит к барину:

— Принес вашей милости гуська на поклон; чем богат, тем и рад. Не побрезгуй, родимой!

— Спасибо, мужичок, спасибо! Раздели же ты гуся промеж нас без обиды!

А у того барина была жена, два сына да две дочери — всего было шестеро. Подали мужику нож; стал он кроить, гуся делить. Отрезал голову и дает барину:

— Ты, — говорит, — всему в доме голова, так тебе голова и следует.

Отрезал гузку, дает барыне:

— Тебе дома сидеть, за домом смотреть; вот тебе гузка!

Отрезал ноги, дает сыновьям:

— А вам по ножке, топтать отцовские дорожки!

Дочерям дал по крылышку:

— Вам с отцом, с матерью недолго жить; вырастете — прочь улетите. А я, — говорит, — мужик глуп, мне глодать хлуп!

Так всего гуся и выгадал себе. Барин засмеялся, напоил мужика вином, наградил хлебом и отпустил домой.

Услыхал про то богатой мужик, позавидовал бедному, взял зажарил целых пять гусей и понес к барину.

— Что тебе, мужичок? — спрашивает барин.

— Да вот принес вашей милости на поклон пять гуськов.

— Спасибо, братец! Ну-ка раздели промеж нас без обиды.

Мужик и так и сяк; нет, не разделить поровну! Стоит да в затылке почесывает. Послал барин за бедным мужиком, велел ему делить· Тот взял одного гуся, отдал барину с барыней и говорит:

— Вы теперь, сударь, сам третей!

Отдал другого гуся двум сыновьям, а третьего — двум дочерям:

— И вы теперь сам третей!

Остальную пару гусей взял себе:

— Вот и я сам третей!

Барин говорит:

— Вот молодец, так молодец! Сумел всем поровну разделить и себя не забыл.

Тут наградил он бедного мужика своей казною, а богатого выгнал вон.

НОВЫЙ БОГАТЫРЬ ФОМА БЕРДЕНИК

Был старик и у него один сын. Он ростом был маленькой. Звали его Фома. И делал он рогозяные берда. Делал берда и не знал он горя никогда.

Потом этот Фома услыхал: богатырь богатыря побивает, именье отбирает. И сбирается с богатырем воевать. А мать и отец его разговаривают:

— Ой, Фома, делал бы ты берда, так не видал бы ты горя никогда!

Нет, Фоме не терпится ехать, и ехать надо с богатырем воевать. Кинул рогозенко на свою гречуху, поехал. Уехал на чисто поле, спокаялся:

— У отца-матери, — говорит, — не благословился!

Взял Фома с дорожки воротился, у отца-матери благословился. Едет и думает:

— Что же я, говорит, — еду? У богатырей, — говорит, — булатные сабли, мушкантанты, а у меня, — говорит, — ничего нет!

Увидел в коньем навозе жуков: жуки ползают. Как сдернул с себя шляпу, как хлопнул! Слез, сосчитал: убил шляпой сто офицеров, девяносто командеров, а мелкой силы и сметы нет (это жученков). И опять едет. И одумался:

— И что же, — говорит, — еду, и ничего у меня в руках нет, а еду с богатырем воевать!

Увидел: у дороги лемех стоит. Взял слез с гречухи, выдернул отрез у лемеха, повесил на лыко, через плечо перекинул, поехал.

Приезжает к богатырским палатам: все на замках, все на цепях. Как хватил свой отрез, начал по цепям, по замкам бить. Пустил свою гречуху на двор. Богатырской конь услышал лошадиный дух, заржал. Богатырской конь ест белоярую пшеницу. Он пустил свою гречуху к богатырскому коню; гречуха чуть . . . головой отбила богатырского коня от пшеницы.

Забился к богатырю в палаты, расхаживается. Богатырь спит богатырским сном. Фома:

— Что, — говорит, — если сонного погубить — не честь, не хвала и не добро слово!

Богатырь стал пробуждаться, а Фома под лавку закататься.

— Что, — говорит богатырь, — этака за гадина без докладу зашла, да все палаты растворила?

Фома из-под лавки выскочил:

— Как, я то-гадина? Я приехал с тобой побратоваться!

— А ты, — говорит, — кто такой?

— Я новый богатырь, Фома Берденик!

— А где станем, — говорит, — братоваться мы с тобою? На чистом поле или здесь?

Фома Берденик:

— Конечно, на чистом поле, — говорит.

Выехали на чисто поле. Застигает темная ночь. Богатырь задергивает шелковы шатры. Фома Берденик поставил три батожка да свою рогозенку раскинул, закрылся и лежит. Фома Берденик вздыхает, что «правду отец-мать говорили, что Фома делай берда, не узнаешь горя никогда! Теперь горя хвачу с богатырем братоваться!».

А богатырь думает, что «этака гадина какими-нибудь хитростями хочет сделать со мной братоваться!».

Тот вздыхает со всех печеней и другой: обоим не спится.

Стало от свету отделять, этот богатырь и кричит из шатра:

— Новый богатырь, — говорит, — Фома Берденик, ступай вот,— говорит, — сильного, могучего богатыря побей, да мне знак привези, тогда, — говорит, — я с тобой и братоваться стану!

Фома Берденик сел на свою гречуху, поехал к тому богатырю. Все на замках, все на цепях. Как зачал этим отрезом опять пазгать, все охлестал. Опять богатырской конь услышал, заржал. Фома Берденик пустил свою гречуху, заходит в палаты. Богатырь спит богатырским сном. На заборе висятся эти булатные сабли у богатыря. Фома Берденик снял булатную саблю, свыше горла и приткнул ко стене-то, да и засопел богатырю под ухо-то. Как богатырь махнул своей головой и отнес свою голову, значит.

Фома Берденик:

— Какой, — говорит, — знак везти к этому богатырю, который спит в шатрах?

— Давай, голову, — говорит, — повезу!

Прикатил к порогу голову ту, а через порог-то не может перекатить-то. Нашел бечевку, уши-то проткнул у богатырской-то головы, бечевку ту вдернул в уши те, привел свою ту гречуху, да за хвост и привил богатырскую голову. И едет.

А тот из шатров-то и смотрит в подзорную трубу.

— Вот, — говорит, — ладно я не стал с ним брататься! Я не смел с ним братоваться. Вон ведь, сильного могучего богатыря убил — убил, и насмехается еще!

А царь ищет главного командующего — с неприятелем воевать. Этот богатырь публиковал царю, что «вот сильной могучей богатырь побил того!». А Фома Берденик обносился одежой и коня приездил. Царь прислал одежу, прислал коня Фоме Берденику, «чтобы в этаки сутки Фома Берденик явился к царю!».

Царь смотрит в подзорные трубы, а Фома Берденик коня ведет в поводу, Царь посмотрел:

— Ах, — говорит, — Фома Берденик, новой богатырь, не изволит, — говорит, — и на коня сесть!

А он и сел бы, да не залезть ему на коня-то!

Царь Фоме Берденику говорит:

— Ступай, Фома Берденик, дам я главную силу, ты будь командующим, отправляйся за Дунай!

Царь наказывает солдатам:

— Дети мои, слушайте нового богатыря Фому Берденика: что он станет делать, то и вы!

Пошли в поход. Застигает их темна ночь. Фома Берденик нашел пенек, склал огонек; всякой солдат расстаралися, зажгли огонек — всяк для себя. Неприятельские казаки разъездные увидали зарево, прямо едут. Заиграли наступленье.

Фома-то ничего не знает, а конь-то ученой; слышит, что наступленье играет музыка, конь потащил его на поводу-ту в неприятельскую силу.

Фома Берденик схватил головешку с огнем, да и вызнял выше себя. Всякой солдат схватили по головешке да вызняли выше себя. Огонь-от горит, искра-та валит. Неприятельской, значит, главной командующой:

— Что, — говорит, — Фома Берденик огнем спалит?

Сыграли отступленье и отправились за Дунай неприятельская сила.

А Фома Берденик идет степями, камышинки ломает да под пазуху кладет себе. Всякой солдат по пуку наломали этого камышу, всякой солдат несет себе. Фома Берденик отпустил своего коня; конь переплыл через Дунай. А Фома Берденик идет да камышинки на воду бросает, на них и ступает. Фома Берденик переправился через Дунай. А солдаты ковры навязали да переплыли через Дунай на коврах.

Фома Берденик свернулся подле деревка, — сплавной лес навожден на воду, — сбросил свою одежу. И всякой солдат свернулся. Легли.

Неприятельские казаки разъездные увидали, что Фома Берденик переправился через Дунай, стали наступление делать. Музыка заиграла наступленье. Фома Берденик ничего не знает, а конь-то ученой, Фому Берденика потащил на поводу в неприятельскую силу.

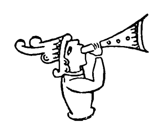
Фома Берденик вскричал:

— Сила моя, слушай ты меня!

Вдернул во стремена повору (жердь) и взбежал по жерди-то на коня-то. Это повора во стремени-то и задернулась комлем-то, не пролезает сквозь стремено-то.

Фома Берденик заехал в неприятельскую силу, в середину; как коня-то повернет, повора-то повернется, так неприятельскую силу полосой и положит (конь-то здоров).

Неприятельской главной командующой посмотрел, знамена приклонил и помирился!

СКАЗКА ОБ АЛЕШЕ ГОЛОПУЗОМ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужичок. У этого мужичка был сын Алеша. С малолетства Алеша у дьячка выучился грамоте, а потом сделался такой лентяй, что кроме печи никуда не ходил.

Вот и говорит отец Алеше:

— Пора тебе, Алеша, и к работе привыкать!

— А что, — говорит Алеша, — докормите до уса, так и буду помогать.

Вот и ус у Алеши пробился.

Отец и говорит опять:

— Алеша! Пора тебе и пахать.

— А на что пахать? — говорит Алеша. — Лучше на печи лежать. Докормили до уса, так докормите и до бороды, а тогда уж и пахать стану!

Выросла и борода, а Алеша, кроме печи, и света божьего не знавал.

Вот отец и говорит опять:

— Ну, пора тебе, Алеша, и за ум хватиться. Люди добрые, из твоих-то товарищей, уж некоторые и деток имеют, а ты и пахать не умеешь.

Алеша на другой день и поеха́л пахать, а день-то был такой жаркой, что оводов и комаров гибель насела на него и на лошадь. Он и давай их бить, да и пробил весь день. Под вечер он стал их считать: считал, считал да и сосчитать не мог.

Приехал домой, уж темно было, да и говорит отцу:

— Уж я тебе не пахарь да и не кормилец, а наживай-ка хлеб-то сам! Я поеду света посмотреть да себя показать: у меня сила богатырская — поеду да потешуся, да еще дайте мне эту клячу.

Отец видит, что и взаболь от него не хлеб, взял да и отпустил.

Алеша взял косу да топор, да толокна мешок, да на клячу рогожу накинул, да сел и поехал. У кого-то он слыхал, что богатыри-то ездят, так записочки за собой кидают, — и он тоже вынул лоскуток бумаги да и пишет: «Едет сильный и могучий богатырь Алеша...», — да и задумался, какую дать себе фамилию: он не знал, как прозывался отец да и он сам. Смотрел, смотрел да и увидел, что балахон у него разорван и сквозь него видно пузо; вот он и написал: «Алеша Голопузой».

«Я, Алеша Голопузой, в один час и в одну минуту три тьмы три тысячи богатырей (за богатырей-то он принял оводов) избивал, а мелкой силы (т. е. мошек) и сметы нет. Так вам, сильным и могучим богатырям, от меня, Алеши Голопузого, взад ехать — не уехать и вперед ехать — не уехать; а лучше мне, Алеше Голопузому, в ясные очи показаться».

Написал да и бросил.

Вот едет за ним настоящий богатырь и видит, что лежит записочка, сошел с коня, поднял и читает: «Едет сильный и могучий богатырь Алеша Голопузой. Я, Алеша Голопузой, в один час и в одну минуту три тьмы три тысячи богатырей избивал, а мелкой силы и сметы нет. Так вам, сильным и могучим богатырям, от меня, Алеши Голопузого, взад ехать — не уехать и вперед ехать — не уехать; а лучше мне, Алеше Голопузому, в ясные очи показаться».

«Какой это, — думает он, — такой богатырь? Я, кажись, всех сильных и могучих богатырей знаю, а такого не слыхал; да и это бы ничего, а он так еще похваляется, что, вишь, „сильным и могучим богатырям от меня, Алеши Голопузого, взад ехать — не уехать и вперед ехать — не уехать; а лучше мне, Алеше Голопузому, в ясные очи показаться". Хорошо, поеду».

А сам вынул лоскуток бумаги и написал:

«Едет в царство Кащея сильный и могучий богатырь Иван-сын царской. Я, Иван-сын царской, в один час и в одну минуту могу избить столько силы, сколько есть на дне моря камешков».

Вот едет и скачет он за Алешей и видит, что едет такой хухляк с косой да с топором, что и за богатыря не принял и хотел проскакать мимо. А Алеша и кричит ему:

— И потише можешь ехать-то!

Иван-сын царской подъехал к Алеше и говорит:

— Ты ли сильный и могучий богатырь Алеша Голопузой?

— Известно, что я, — говорит Алеша, — а много ли ты можешь убить силы в один час и в одну минуту и куда теперь едешь?

— Я, — говорит Иван-сын царской, — еду теперь в царство сильного и могучего царя Кащея, а силы в один час и в одну минуту могу избить столько, сколько есть камешков на дне моря.

— Ну, нам такие люди и надобны: поезжай рядом.

А для Ивана-сына царского это было сущее наказание, потому что у него конь рвался, а у Алеши кляча еле двигалась.

Вот ехали они — близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается. Вот едет другой богатырь и видит две записочки; поднял и читает на одной: «Едет в царство сильного и могучего царя Кащея сильный и могучий богатырь Иван-сын царской. Я, Иван-сын царской, в один час и в одну минуту могу избить столько силы, сколько есть камешков на дне морском».

На другой: «Едет сильный и могучий богатырь Алеша Голопузой. Я, Алеша Голопузой, в один час и в одну минуту три тьмы три тысячи богатырей избивал, а мелкой силы и сметы нет. Так вам, сильным и могучим богатырям, от меня, Алеши Голопузого, взад

ехать — не уехать, вперед ехать — не уехать; а лучше мне, Алеше Голопузому, в ясные очи показаться».

— Как это, — говорит Илья Королевич (это был он), — я всех сильных и могучих богатырей и Ивана-сына царского знаю, а этого не слыхал? Да и это бы ничего, а он так похваляется, что «вам, сильным и могучим богатырям, от меня, Алеши Голопузого, взад ехать — не уехать и вперед ехать — не уехать; а лучше мне, Алеше Голопузому, в ясные очи показаться». Хорошо, поеду.

А сам вынул лоскуток бумаги и написал: «Едет в царство сильного и могучего царя Кащея сильный и могучий богатырь Илья Королевич. Я, Иван Королевич, в один час и в одну минуту могу избить столько силы, сколько есть листочков в лесе».

Написал да и бросил, а сам поскакал за Алешей.

Вот слышит Алеша, что скачет кто-то, и говорит Ивану-сыну царскому:

— Скажи, чтобы тише ехал-то!

Иван-сын царской остановился и говорит:

— Тише, тише! Это сильный и могучий богатырь Алеша Голопузой!

Илья Королевич подъехал к Алеше и говорит:

— Здравствуй, сильный и могучий богатырь Алеша Голопузой!

— Здорово, — говорит Алеша, — много ли ты можешь в один час и в одну минуту избить силы и куда теперь едешь?

— Я еду, — говорит Илья Королевич, — в царство сильного и могучего богатыря Кащея, а силы в один час и в одну минуту могу избить столько, сколько есть листочков в лесе.

— Ну, — говорит Алеша, — нам такие люди и надобны: поезжай рядом.

Вот они едут (да записочки подкидывают) — близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Вот едет еще богатырь, Данило Белой, и видит — лежат три записочки; сошел с коня и читает (на одной): «Едет в царство сильного и могучего царя Кащея сильный и могучий богатырь Иван-сын царской. Я, Иван-сын царской, в один час и в одну минуту

могу избить столько силы, сколько есть камешков на дне моря». (На другой): «Едет в царство сильного и могучего царя Кащея сильный и могучий богатырь Илья Королевич. Я, Илья Королевич, могу в один час и в одну минуту избить силы столько, сколько есть листочков в лесе». (На третьей): «Едет сильный и могучий богатырь Алеша Голопузой. Я, Алеша Голопузой, в один час и в одну минуту три тьмы и три тысячи богатырей избивал, а мелкой силы и сметы нет. Так вам, сильным и могучим богатырям, от меня, Алеши Голопузого, взад ехать — не уехать и вперед ехать — не уехать; а лучше мне, Алеше Голопузому, в ясные очи показаться».

— Как, — говорит Данило Белой, — я всех сильных и могучих богатырей знаю, а этого не слыхал? Да и это бы ничего, а он еще так похваляется, что «вам, сильным и могучим богатырям, от меня, Алеши Голопузого, взад ехать — не уехать и вперед ехать — не уехать; а лучше мне, Алеше Голопузому, в ясные очи показаться». Ну так и быть, поеду да посмотрю, что это за птица такая!

Вот слышит Алеша, что кто-то скачет, и говорит Илье Королевичу:

— Скажи, чтобы ехал-то потише!

Илья Королевич остановился и говорит: «Тише, тише! Это сильный и могучий богатырь Алеша Голопузой».

Данило Белой подъехал к Алеше и говорит:

— Здравствуй, сильный и могучий богатырь Алеша Голопузой!

— Здорово, здорово, — говорит Алеша, — а сколько ты можешь в один час и в одну минуту избить силы и куда теперь едешь?

— Я еду в царство сильного и могучего царя Кащея, а силы в один час и в одну минуту могу избить столько, сколько есть песку по краям моря.

— Ну, — говорит Алеша, — нам такие люди и надобны, поезжай рядом.

Вот они ехали — близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, — и, наконец, приехали они на луга царские, раскинули шатры белополотняные, выставили на них флаги шелковые, а Алеша раскинул рогожку да

и повалился. Те богатыри насыпали своим коням пшена белоярого, налили сыты медовые, а Алеша спустил свою клячу на божью волю; а она тех коней и объела, да богатыри и прекословить ему не посмели. На другой день начали они клич кликать, а у царя Кащея дочь просить; а если царь Кащей им откажет, так грозили войско прибить, царство разорить, а дочь сило́м взять. А лишь только увидели, что выходит войско из города, и пошли к Алеше и говорят:

— Скажи, сильный и могучий богатырь Алеша Голопузой: сам ли пойдешь против войска или нам велишь?

— Пусть идет меньшой брат, — сказал Алеша.

Не прошло и часу, как приезжает меньшой брат (Иван-сын царской), привозит на копье голову воеводы и говорит:

— Ни одной души не осталось на поле сраженья, и дерзкую голову воеводы к ногам твоим я привез.

— Ну, — говорит Алеша, — ты достоин чести — спасибо!

На другой день они опять выехали прежний клич кликать, и лишь только увидели, что выходит из города войско, поехали в шатры к Алеше и говорят:

— Скажи нам, сильный и могучий богатырь Алеша Голопузой: сам ли ты поедешь против войска или которому-либо из нас прикажешь?

— Пусть, — говорит Алеша, — едет средний брат.

Не прошло и полуторых часов, как приехал средний брат (Илья Королевич), привез на коне голову воеводы и говорит:

— Ни одной души не осталось на поле сраженья, и дерзкую голову воеводы к твоим ногам я привез.

— Ну, — говорит Алеша, — и ты достоин чести — спасибо!

На третий день царь Кащей вывел против них все войско, сколько осталось, и лишь только это увидели богатыри, пришли к Алеше и говорят:

— Скажи нам, сильный и могучий богатырь Алеша Голопузой, сам ли ты поедешь против войска или которому-либо из нас прикажешь?

— Пусть, — говорит Алеша, — едет старший брат.

Не успели те богатыри ничего сделать, как приехал старший брат (Данило Белой), привез голову полководца и говорит:

— Ни одной души не осталось на поле сраженья, и дерзкую голову воеводы к твоим ногам я привез.

— Ну спасибо, — говорит Алеша.

Вот видит царь Кащей, что беда приходит, и посылает гонца к сыну Демьяну Кащеичу, что приехали под его царство четыре богатыря, и войско, сколько было в царстве, все прибили «и хотят царство мое разорить и сестру твою сило́м взять».

Демьян-то Кащеич был двенадцати лет, а ростом двенадцати сажен, а толщиною шести сажен; он ездил на волшебном коне и бился с сильным и могучим царем Далматом. Царь Далмат и сам-то был богатырь, да и в царстве у него было до ста тысяч богатырей, и он хотел взять за себя сестру Демьяна Кащеича, прекрасную царевну Елену Кащеевну. Демьян Кащеич в неделю проскакал три тысячи верст и начал по чистому полю разъезжать и тех богатырей на битву вызывать.

Богатыри и говорят между собой:

— Ну, если сам Алеша Голопузой не поедет, то нам тут верная смерть.

Однако ослушаться не смели и пришли к Алеше и говорят:

— Скажи нам, сильный и могучий богатырь Алеша Голопузой, сам ли ты пойдешь против Демьяна Кащеича или из нас кому-либо прикажешь?

— А что, разве я своей очереди не знаю? — говорит Алеша.

Вот выехал Алеша против Демьяна Кащеича с косой да с топором и думает:

— Однако смерть так смерть: пусть отсекут мне голову, и концы в воду.

А богатыри один за другим и уехали: так испугались Демьяна Кащеича.

Вот как стал Алеша съезжаться да и думает:

— Дай-ка голову-то я наклоню, так хоть не увижу, как отсекут ее!

Сдумано — сделано; а Демьян-то Кащеич думал, что это какая-

нибудь рыцарская хитрость, да повалился, да и заснул. Вот Алеша и думает, что долго богатырь-то головы не сечет: «Дай-ка взгляну!» — взглянул, а Демьян-то Кащеич спит. Алеша сошел с лошади да и давай по шее пилить косой — коса не берет, давай топором — и топор не берет. Что делать? Подошел он к Демьяну, а у него меч-то закинут за спину; так и заснул.

Вот Алеша кой-как приподнял меч да и спустил на шею, а голова-то и покатилась. Алеша привязал ее за волосы к хвосту клячи, а та и ни с места. Вот он вскарабкался кой-как на лошадь богатырскую ехать к богатырям: посмотрит, а там и место чисто; поворотился да поскакал в город, там царь Кащей встретил его с честью и славою, одели его, как красную девицу, а Демьяна похоронили тоже с честью. У царя Кащея не пиво варить, не вино курить, а честным пирком и за свадебку!

Вот прошло после свадьбы почти три года. В одно утро встает царь Кащей и смотрит, а на его лугах царских раскинуты шатры белополотняные, а на тех шатрах белополотняных выкинут флаг сильного царь Далмата. Царь Далмат лишь только услышал, что Демьян Кащеич убит, и пошел войной на царя Кащея. Царь Кащей не успел еще отойти от окна, как выехали из шатра три могучих богатыря и стали они клич кликать и царя Кащея на бой вызывать; а если царь к ним не выйдет, то они его царство разорят, а прекрасную царевну Елену Кащеевну сило́м возьмут.

Вот царь Кащей и говорит Алеше:

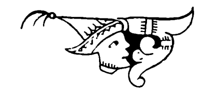
— Зять мой любезный! Ты прибил у меня все войско и сына моего Демьяна убил; так вся теперь надежда у меня на тебя: сам ты защищай и жену свою и царство; а если ты врагов прибьешь, я тебе и царство сдам, однако и голова моя стара стала.

— Вот тебе, матушка, и Юрьев день, — думает Алеша, — однако уж двух смертей не будет, а одной не миновать, а я еще вот что сделаю: недалеко от города, на дороге к лугам, есть дуб, так велю на этот дуб приделать шелковую петлю, да такую крепкую, чтоб скорее дуб сломился, чем она сорвалась, а как поеду к лугам-то, так и суну голову в петлю; хоть стыда меньше будет; а пусть там над мертвым хоть что делают.

Как задумано, так и сделано. Вот и выехал Алеша, да и стал править к самому этому дубу, да вместо себя-то и заправил в петлю коня. Конь-то был такой сильный, что и вырвал дуб со всеми кореньями, да и побежал по войску, да куда прибежит — тут и улица, а повернет — там переулок, и, наконец, притоптал и придавил до одного человека.

Вот царь Кащей так этому обрадовался, что в тот же день и сдал ему свое царство. А Алеша так этим удивил своих соседей, что во всю жизнь ни с кем не воевал (т. е. никто не смел с ним воевать). А наш сильный и могучий царь Алеша привез к себе отца и стал жить да быть.

Я там был, мед и пиво пил: пиво-то тепло, по губам текло, а в рот не попало.

СКАЗКА О ЛИСИЦЕ И ВОЛКЕ

Одна лукавая лисица захотела поесть рыбки, а не знала, где взять; думала, думала, да и вздумала лечь на дорогу. Мужик идет с рыбой, вдруг у мужика лошадь остановилась; мужик и говорит сам про себя: «Что бы это значило, что там лежит?». Пошел посмотреть; смотрит, а лежит лисица; он ее пнул, а она будто околела; он ее взял и положил в воз с рыбой, да и закрыл рогожей. Едет мужик, радуется, что лисицу нашел славную, оттает, так оснимает. А лисица в эту пору прогрызла дыру на санях, да и спускает по рыбке в дыру, а мужик гонит и ничего не знает. Вот лисица чуть не всю рыбу выудила из воза и выскочила из-под рогожи, да и драла в лес.

Мужик как-то остановился, посмотрел — лисицы нет, да и давай реветь; ревел-то он, ревел, чего сделаешь.

— Экая, проклятая! Ведь отогрелась, чорт ее возьми! Ну, а не дорого дана, не больно и жаль.

Он поезжай вперед, а не хватится рыбы. А лисица пошла подбирать рыбку и сносила ее в свою лачужку да и лакомится. Приходит волк да и говорит:

— Хлеб-соль, кумушка!

— В хлев зашел, так двери ищи, куманек!

— Ой, милая кумушка, ты еще рыбку ешь?

— Как же! Сегодня маленько, бог дал, наудила!

— Ой ли! Где ты удила?

— В проруби, в проруби, мой миленькой куманек!

— А как?

— Очень просто: только хвост-от погрузи в воду, так такие палтухи ссарапаются, что любо-два! Как дольше посидишь, так больше наудишь; не дергай скоро, дай заклёву; а если клевать не будет, то заговор читай: «Рыбка, клюнь — попади, меня за хвост потяни!».

Куманек опрометью кинулся на прорубь удить, пришел и запустил хвост свой в воду, сидит, сидит, а клёву нет, да и только! В это время у него так хвост замерз в проруби, что и пятерым бы волкам его не вытащить. Вот идет баба за водой и видит нашего рыбака, сперва гнала его словами, говоря:

— Пошел ты к чорту, прожора, видишь, нашел место, куда костить!

Потом она видит, что волк ни с места, подошла к нему и давай его коромыслом зваривать. Волк сколько ни ревел, ни бился, ни рвался, на все стороны метался, покуда хвост не оторвался, баба ему так назудила бока, что он кое-как уплелся. А лисица в это время прибежала в избу, где жила баба, да и давай в квашне стряпать по-своему. Маленькие ребята убежали все на печь, да и говорят лисице:

— Не тронь, не меси, собака, квашню! Мамка сама пригустит ее!

Но лиса свое стебенит, тёпает тесто да и только; назюзгалась так, что бока прочь, и рыло и уши — все сыто. Она успела отстряпаться до хозяйки и пошла легла на дорогу, по которой куманьку идти, лежит и стонет, плутовка. Вот и идет волк, и говорит ей:

— Нет, кумушка, плохой лов, слава богу, только хвост проудил, а не голову! Ох, кумушка, по что это у тебя голова-то испроломана?

— Молчи уж лучше, куманек, видишь, у меня голова вся испроломана коромыслом и мозг-от вышел!

— Ой, бедная, нечего делать, садись на меня, увезу до двора.

Волк думает: «Не мне же одному досталось!».

Лисица расхохоталась:

— Хи, хи, хи, бит небитого везет.

Волк привез лису домой и бает ей:

— Не нужно ли духовника, кумушка любезная?

— Нет, куманек, любезный, не проторься, я слышу теперь себе получше! Тебе не дурно ли, мой друг?

— Не знаю, скоро ли кровь не будет капать из хвоста, всякое место что-то не так покойно!

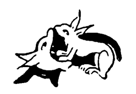
Лисица волку бает:

— Дай-ка я тебе заговорю кровь, как рукой снимет!

— Заговори, кумушка.

Она и давай заговаривать:

— Стань на камень, кровь не канет; стань на кирпич, кровь закипит; у сороки боли, у вороны боли, у сыча всех шипче. Ну, куманек, если не отвалится, так переболится.

ЛИСА И КУВШИН

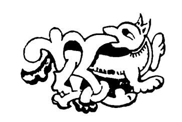
К одному мужику повадилась лиса ходить кур красть. Мужик повесил кувшин. Ветер в кувшин дует. Он гудит: «Бу-бу-у; бу-бу-у!». Приходит лиса и слушает, что такое гудёт, увидала кувшин, схватила его за обрывок и надела себе на шею.

— Погоди, кувшинище-дурачище, я тебя, — говорит, — утоплю.

И понесла кувшин в прорубь; стала его топить. Кувшин захлебнулся водою: бурк-бурк-бурк-бурк и тянет лису с собою на дно. Лиса просит:

— Кувшин, кувшин, не топи меня, я не буду, это я тебя только так постращала.

Кувшинище-дурачище не слушается, все тянет на дно, и утопил лису!

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Лиса с журавлем подружилась, даже покумилась с ним у кого-то на родинах.

Вот и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости:

— Приходи, куманек! Приходи, дорогой! Уж я как тебя угощу!

Идет журавль на званой пир, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелке.

Подала и подчивает:

— Покушай, мой голубчик-куманек! Сама стряпала.

Журавль хлоп-хлоп носом, стучал-стучал, ничего не попадает! А лисица в это время лижет себе да лижет кашу, так всю сама и скушала.

Каша съедена; лисица говорит:

— Не бессудь, любезный кум! Больше подчивать нечем.

— Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости.

На другой день приходит лиса, а журавль приготовил окрошку, наклал в кувшин с малым горлышком, поставил на стол и говорит:

— Кушай, кумушка! Право больше нечем подчивать.

Лиса начала вертеться вокруг кувшина, и так зайдет, и эдак, и лизнет его, и понюхает-то, все ничего не достает! Не лезет голова в кувшин. А журавль меж тем клюет себе да клюет, пока все поел.

— Ну, не бессудь, кума! Больше угощать нечем!

Взяла лису досада, думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла, как несолоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось!

С тех пор и дружба у лисы с журавлем — врозь.

ЛИСА И ТЕТЕРЕВ

Лиса увидела тетерева, — на дереве в леску сидит, — подошла к нему и говорит:

— Терентьюшка-батюшка, приехала я из города; слышала указ: тетеревам не летать по деревам, а ходить по земле.

— Так что, я слезу! Да вон, лиса, кто-то идет, да что-то на плече-то несет, да за собой что-то ведет.

— Хвост не крючочком ли?

— Да, да, крючком!

— Ах нет; мне некогда тебя ждать: у меня ножки зябнут да ребята дома ждут. Я пойду!

КОТ И ЛИСА

Жил-был мужик. У него был кот, только такой шкодливый, что беда! Надоел он мужику. Вот мужик думал-думал, взял кота, посадил в мешок, завязал и понес в лес. Принес и бросил его в лесу: пускай пропадает!

Кот ходил-ходил и набрел на избушку, в которой лесник жил. Залез на чердак и полеживает себе, а захочет есть — пойдет по лесу птичек да мышей ловить, наестся досыта и опять на чердак, и горя ему мало!

Вот однажды пошел кот гулять, а навстречу ему лиса, увидала кота и дивится: «Сколько лет живу в лесу, а такого зверя не видывала».

Поклонилась коту и спрашивает:

— Скажись, доброй молодец, кто ты таков? Каким случаем зашел и как тебя по имени величать?

А кот вскинул шерсть свою и говорит:

— Я из сибирских лесов прислан к вам бурмистром, а зовут меня Котофей Иванович.

— Ах, Котофей Иванович! — говорит лиса, — не знала про тебя, не ведала. Ну, пойдем же ко мне в гости.

Кот пошел к лисице. Она привела его в свою нору и стала подчивать разной дичинкою, а сама выспрашивает:

— Что, Котофей Иванович, женат ты али холост?

— Холост, — говорит кот.

— И я лисица — девица, возьми меня замуж.

Кот согласился, и начался у них пир да веселье.

На другой день отправилась лиса добывать припасов, чтоб было чем с молодым мужем жить, а кот остался дома. Бежит лиса, а навстречу ей попадается волк и начал с ней заигрывать.

— Где ты, кума, пропадала? Мы все норы обыскали, а тебя не видали.

— Пусти, дурак! Что заигрываешь? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужня жена.

— За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?

— Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов прислан бурмистр Котофей Иванович? Я теперь бурмистрова жена.

— Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. Как бы на него посмотреть?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитой: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты смотри, приготовь барана да принеси ему на поклон, барана-то положи, а сам схоронись, чтоб он тебя не увидел, а то, брат, туго придется.

Волк побежал за бараном.

Идет лиса, а навстречу ей медведь и стал с ней заигрывать:

— Что ты, дурак, косолапый Мишка, трогаешь меня? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужня жена.

— За кого же ты, Лизавета Ивановна, вышла?

— А который прислан к нам из сибирских лесов бурмистром, зовут Котофей Иванович, — за него и вышла.

— Нельзя ли посмотреть его, Лизавета Ивановна?

— У! Котофей Иванович у меня такой сердитой: коли кто не по нем, сейчас съест! Ты ступай, приготовь быка да принеси ему на поклон. Волк барана хочет принесть. Да смотри, быка-то положи, а сам схоронись, чтоб Котофей Иванович тебя не увидел, а то, брат, туго придется!

Медведь потащился за быком.

Принес волк барана, ободрал шкуру и стоит в раздумьи. Смотрит — медведь лезет с быком.

— Здравствуй, брат Михайло Иванович!

— Здравствуй, брат Левон! Что, не видал лисицы с мужем?

— Нет, брат, давно дожидаю.

— Ступай, зови.

— Нет, не пойду, Михайло Иваныч! Сам иди, ты посмелей меня.

— Нет, брат Левон! И я не пойду.

Вдруг откуда ни взялся — бежит заяц. Медведь как крикнет на него:

— Поди-ка сюда, косой чорт!

Заяц испугался, прибежал.

— Ну что, косой пострел! Знаешь, где живет лисица?

— Знаю, Михайло Иванович!

— Ступай же скорее да скажи ей, что Михайло Иванович с братом Левоном Иванычем давно уж готовы, ждут тебя-де с мужем, хотят поклониться бараном да быком.

Заяц пустился к лисе во всю свою прыть. А медведь и волк стали думать, где бы спрятаться. Медведь говорит:

— Я полезу на сосну.

— А мне что же делать? Я куда денусь? — спрашивает волк. Ведь я на дерево ни за что не взберусь! Михайло Иванович, схорони, пожалуйста, куда-нибудь, помоги горю.

Медведь положил его в кусты и завалил сухим листьем, а сам взлез на сосну, на самую-таки макушку, и поглядывает: не идет ли Котофей с лисою?

Заяц меж тем прибежал к лисицыной норе, постучался и говорит лисе:

— Михайло Иванович с братом Левоном Иванычем прислали сказать, что они давно готовы, ждут тебя с мужем, хотят поклониться вам быком да бараном.

— Ступай, косой! Сейчас будем.

Вот идет кот с лисою. Медведь увидел их и говорит волку:

— Ну, брат Левон Иваныч, идет лиса с мужем. Какой же он маленькой!

Пришел кот и сейчас же бросился на быка, шерсть на нем взъерошилась, и начал он рвать мясо и зубами и лапами, а сам мурчит, будто сердится: «Мало, мало!».

А медведь говорит:

— Невелик да прожорист! Нам четверым не съесть, а ему одному мало. Пожалуй, и до нас доберется!

Захотелось волку посмотреть на Котофея Ивановича, да сквозь листья не видать! И начал он прокапывать над глазами листья. А кот услыхал, что лист шевелится, подумал, что это — мышь, да как кинется и прямо волку в морду вцепился когтями.

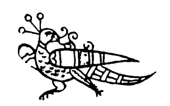
Волк вскочил, да давай бог ноги! И был таков. А кот сам испугался и бросился прямо на дерево, где медведь сидел. «Ну, —

думает медведь, — увидал меня!». Слезать-то некогда, вот он положился на божью волю да как шмякнется с дерева обземь, — все печенки отбил. Вскочил да бежать!

А лисица вслед кричит:

— Вот он вам задаст! Погодите!

С той поры все звери стали кота бояться. А кот с лисой запаслись на целую зиму мясом и стали себе жить да поживать. И теперь живут, хлеб жуют.

НАПУГАННЫЕ МЕДВЕДЬ И ВОЛКИ

Жил себе старик и старуха, у них был кот да баран. Старуха укоп копит, а кот проказит.

— Старик, — говорит старуха, — у нас на погребе нездорово.

— Надо поглядеть, — говорит ей старик, — не со стороны ли кто блудит.

Вот пошла старуха на погреб и усмотрела: кот сдвинул лапкой с горшка покрышку и слизывает себе сметанку; выгнала кота из погреба и пошла в избу, а кот наперед прибежал и запрятался на печи в углу.

— Хозяин! — сказывает старуха, — вот мы не верили, что кот блудит, а он самой и есть. Давай его убьем!

Кот услыхал эти речи, как бросится с печки да бегом к барану в хлев, и начал его обманывать:

— Брате баран! Меня хотят завтра убити, тебя зарезати.

И сговорились они оба бежать ночью от хозяина.

— Как же быть? — спрашивает баран, — рад бы я с тобой лыжи навострить, да ведь хлев-то заперт!

— Ничего!

Кот тотчас взобрался на дверь, скинул лапкой веревочку с гвоздя и выпустил барана.

Вот и пошли они путем-дорогою, нашли волчью голову и взяли с собой; шли-шли, увидели: далеко в лесу светится огонек, они и пустились прямо на огонь. Подходят, а вокруг огня греются двенадцать волков.

— Бог помочь вам, волкам!

— Добро жаловать, кот да баран!

— Брате, — спрашивает баран у кота, — что нам вечерять будет?

— А двенадцать-то волчьих голов! Поди выбери, которая пожирнее.

Баран пошел в кусты, поднял повыше волчью голову, что дорогой-то нашли, и спрашивает:

— Эта ли, брате кот?

— Нет, не эта, выбери получше.

Баран опять поднял ту же голову и опять спрашивает:

— Эта ли?

Волки так напугались, что рады были убежать, да без спросу не смеют. Четверо волков и стали проситься у кота и барана:

— Пустите нас за дровами! Мы вам принесем.

И ушли. Остальные восемь волков еще пуще стали бояться кота да барана: коли двенадцать смогли поесть, а осмерых и подавно поедят. Стало еще четверо проситься за водою. Кот отпустил:

— Ступайте, да скорее ворочайтесь!

Последние четыре волка отпросились сходить за прежними волками: отчего-де не ворочаются? Кот отпустил, еще строже наказал — поскорее приходить назад; а сам с бараном рад, что они ушли-то.

Волки собрались вместе и пустились дальше в лес. Попадается им медведь Михайло Иванович.

— Слыхал ли ты, Михайло Иванович, — спрашивают волки, — чтобы кот да баран съели по двенадцати волков?

— Нет, робятушки, не слыхивал.

— А мы сами видели этакого кота да барана.

— Как бы, робятушки, мне посмотреть, какова их храбрость.

— Эх, Михайло Иваныч, ведь больно кот-от ретив, нельзя к нему поддоброхотаться: того и гляди, что в клочки изорвет! Даром, что мы прытки над собаками и зайцами, а тут ничего не возьмешь. Позовем-ка лучше их на обед.

Стали посылать лисицу:

— Ступай, позови кота да барана.

Лисица начала отговариваться:

— Я хоть и прытка, да неувертлива; как бы они меня не съели!

— Ступай!..

Делать нечего, побежала лисица за котом и бараном. Воротилась назад и сказывает:

— Обещались быть! Ах, Михайло Иванович, какой кот-то сердитый! Сидит на пне да ломает его когтями: это на нас точит он свои ножи! А глаза так и выпучил!..

Медведь струхнул, сейчас посадил одного волка в сторожа на высокий пень, дал ему в лапы утирку и наказал:

— Коли увидишь кота с бараном, махай утиркою: мы пойдем их повстречаем.

Стали готовить обед; четыре волка притащили четыре коровы, а в повара медведь посадил сурка.

Вот идут в гости кот да баран; завидели караульного, смекнули дело и стакнулись меж собою.

— Я, — говорит кот, — поползу тихонько по траве и сяду у самого пня супротив волчьей рожи, а ты, брат баран, разбежись и что есть силы ударь его лбом!

Баран разбежался, ударил со всей мочи и сшиб волка, а кот бросился ему прямо в морду, вцепился когтями и исцарапал до крови. Медведь и волки, как увидели то, зачали меж собою растобаривать:

— Ну, робятушки, вот какова рысь кота и барана! Евстифейка-волка умудрились сшибить и изувечить с какого высокого пня, а нам где уж на земле устоять! Им, знать, наше готовленье-то нипочем; они придут не угощаться, а нас пятнать. А, братцы! Не лучше ли нам схорониться?

Волки все разбежались по лесу, медведь вскарабкался на сосну, сурок спрятался в нору, а лиса забилась под колодину. Кот с бараном принялись за наготовленные кушанья. Кот ест, а сам мурлычит:

— Мало, мало!

Обернулся как-то назад, увидел, что из норы торчит сурков хвост, испугался да как прыснет на сосну. Медведь устрахался кота да напрямик с сосны на землю и ринулся и чуть-чуть не задавил лисы под колодиной. Побежал медведь, побежала лиса.

— Знать ты, куманек, ушибся? — спрашивает лисица.

— Нет, кумушка, если б я не спрыгнул, кот бы давно меня съел!

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

Летала сова-веселая голова; вот она летала, летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела, и опять полетела; летала и села, хвостиком повертела да по сторонам посмотрела. . . Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля, построили себе по концам избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал он жениться. «Дай, пойду, посватаюсь на цапле!». Пошел журавль — тяп, тяп! — семь верст болото месил; приходит и говорит:

— Дома ли цапля?

— Дома.

— Выдь за меня замуж!

— Нет, журавль, нейду за тя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то меня тебе нечем! Ступай прочь, долговязой!

Журавль, как несолоно похлебал, ушел домой.

Цапля после раздумалась и сказала:

— Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля.

Приходит к журавлю и говорит:

— Журавль, возьми меня замуж!

— Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не беру тебя замуж. Убирайся!

Цапля заплакала со стыда и воротилась назад. Журавль раздумался и сказал:

— Напрасно не взял за себя цаплю; ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж!

Приходит и говорит:

— Цапля! Я вздумал на тебе жениться; поди за меня.

— Нет, журавль, не йду за тя замуж!

Пошел журавль домой.

Тут цапля раздумалась:

— Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду!

Приходит свататься, а журавль не хочет. Вот так-то и ходят они по сю пору один на другом свататься, да никак не женятся!

ВОРОНА

Жил да был старик . . . Поехал об Афанасьеве дне в гости со старухой. Сели рядом, стали говорить ладом. Ехали-попоехали, по ногам дорогой. Хлобыстнул кобылу бичом треузлым. Угнал ночью верст пять-шесть, оглянулся — тут и есть, — еще и с места не подался! Дорога худая, гора крутая, телега немазанная.

Ехал-попоехал, до бору доехал. В бору стоит семь берез, восьмая сосна виловата. На той сосне виловатой кукушечка-горюшечка

гнездо свила и детей свела. Негде взялась скоробогатая птица, погуменная сова — серы бока, голубые глаза, портеное подоплечье, суконный заворотник, нос крючком, глаза — по ложке, как у сердитой кошки. Гнездо разорила и детей погубила, и в землю схоронила.

Пошла кукушечка, пошла горюшечка с просьбой к зую праведному. Зуй праведный по песочку гуляет, чулочки обувает, сыромятные коты. Наряжает синочку-россылочку, воробушка-десятника к царю-лебедю, к гусю-губернатору, павлину-архирею, коршуну-исправнику, грачу-становому, к ястребу-уряднику, к тетереву польскому-старосте мирскому.

Собрались все чиновники и начальники: царь-лебедь, гусь-губернатор, павлин-архирей, коршун-исправник, грач-становой, ястреб-урядник, тетерев польской-староста мирской, синочка-россылочка, воробей-десятник и из уездного суда тайна полиция: сыч и сова, орел и скопа.

— Что есть на белом свете за скоробогатая птица, погуменная сова, белы бока, голубые глаза, портеное подоплечье, суконной заворотник?

И добрались, что ворона.

И присудили ворону наказать: стряхнули ко грядке ногами и зачали секчи по мягким местам, по ледвеям. И ворона возмолилася:

— Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не спрошаите!

— Кто у тя есть свидетель?

— У меня есть свидетель воробей.

— Знаем мы твоего воробья—ябедника и клеветника и потаковщика. Крестьянин поставил нову избу, — воробей прилетит, дыр навертит; крестьянин избу затопляет, тепло в избу пропущает, а воробей на улицу выпущает. . . Неправильного свидетеля сказала ворона!

И ворону наказывают пуще и того.

И ворона возмолилася:

— Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не спрошаите!

— Кто у тя есть свидетель?

— У меня есть свидетель жолна.

— Знаем мы твою жолну — ябедницу, клеветницу и потаковщицу! Стоит в роменью липа, годится на божий лик и на иконостас. Жолна прилетит, дыр навертит; дождь пошел, липа изгнила, — не годится на иконостас; после того и лопаты из нее не сделати! Неправильного свидетеля опять сказала!

И пуще того ворону стегают по ледвеям и по передку.

Опять ворона возмолилась:

— Кар-каратаите, мое тело таратаите, никаких вы свидетелей не спрошаите!

— Кто у тя есть свидетель?

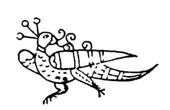
— У меня есть свидетель последний — детель!

— Знаем мы твоего детеля — ябедника, клеветника и потаковщика! Крестьянин загородил новый огород, и детель прилетел, жердь передолбил, и две передолбил, и три передолбил; дождь пошел, огород рассеялся и развалился; крестьянин скот на улицу выпущает, детель в поле пропущает.

И ворону наказали, от грядки отвязали. Ворона крылышки разбросала, лапочки раскидала. . .

— Из-за кукушечки, из-за горюшечки, из-за ябедницы я, ворона-праведница. . . Ничем крестьянина не обижаю: поутру рано на гумнешке вылетаю, крылышками разметаю, лапочками разгребаю, — тем себе и пищу добываю! Она кукушечка, она горюшечка, она ябедница, она клеветница! Крестьянин нажал один суслон, — кукушечка прилетит и тот одолбит! Больше того под ноги спустит!. .

И выслушали воронины слова. И ворону подхватили, в красный стул посадили. Кукушечку-горюшечку, в наказание ей, в темной лес отправили на тридцать лет, поглянется — живи весь век! И теперь кукушка в лесу проживает и гнезда не знает!

ВОРОНА-КАРАБУТА

(О неправом суде птиц)

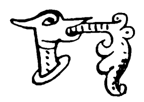
В невкотором царстве,
В невкотором государстве,
Собирались, солетались
На зеленой на лужок,
Во единой во кружок.
Выбирали себе начальников:
Царя — бела лебедя,
Филина — губернатора,
Журавля — приказчика,
Синка — мелка рассылка,
Воробей — коморка,
Галка — с палкой,
Сорока — сотник.
Вороне-карабуте недостало чина.
Она полетела с этого совета,
Залетела в кабак,
Выпила вина на пятак, —
Стала пьяна и хмельна.
Летела мимо кукушкина дому:
У кукушки дом новой,
Верх шатровой.
Ворона верх сломала,
Двери выставила,
Избу выстудила;
Детей перевязала
Да в голбец побросала.
Опять полетела на сушину,
На самую вершину.
Кукушка домой прилетает,
Свой дом не узнавает:
«У меня весь дом был новой,
Верх шатровой,

А теперь верху нету,
Двери выставлены,
Изба выстужена!».
Дети отвечали:
«Ворона-карабута летела с совета,
Верх сломала,
Двери выставила,
Избу выстудила;
Нас перевязала
Да в голбец побросала!».
Вот сделали розыск:
Послали сороку-сотника,
Галку с палкой,
Воробья коморку.
Вот летят они искать.
Сидит ворона на сушине,
На самой вершине.
Галка палкой: тар-тарки,
А ворона-карабута: кар-карки!
Полетела ворона-карабута
Ко царю-белу лебедю,
К филину-губернатору,
К журавлю-приказчику.
Они судили да рядили,
Да на волю ворону и пустили.
Вот ворона полетела
К молодой вдовой солдатке.
Солдатка-та ткала пестрядь;
На эту пестрядь налетел ястреб.

Ворона-карабута накупила пестряди, на штаны да на рубахи начальникам и раздарила.

Тут ворону обвинили,
Наказанье присудили:
Сделать топорик

Из игольнова ушка,
Да нарубить топориком
Три воза сырняка.
Судьи говорят: тар-тарки,
А ворона-карабута: кар-карки!

ЛИСА-ИСПОВЕДНИЦА

Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лесу не евши. На заре прибежала она в деревню, взошла на двор к мужику и полезла на насест к курам. Только что подкралась и хотела схватить одну курицу, а петуху пришло время петь: вдруг он крыльями захлопал, ногами затопал и закричал во все горло. Лиса с насести-то так со страху полетела, что недели три лежала в лихорадке.

Вот раз вздумалось петуху пойти в лес — разгуляться, а лисица уж давно его стережет; спряталась за куст и поджидает, скоро ли петух подойдет. А петух увидел сухое дерево, взлетел на него и сидит себе.

В то время лисе скучно показалось дожидаться, захотелось сманить петуха с дерева; вот думала, думала да и придумала: «Дай прельщу его». Подходит к дереву и стала здоровкаться:

— Здравствуй, Петинька!

«Зачем ее лукавый занес?» — думает петух. А лиса приступает со своими хитростями:

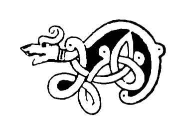
— Я тебе, Петинька, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Вот ты, Петя, имеешь у себя пятьдесят жен, а на исповеди ни разу не бывал. Слезай ко мне и покайся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подыму.

Петух стал спускаться ниже и ниже и попал прямо лисе в лапы. Схватила его лиса и говорит:

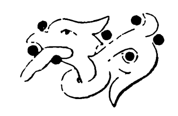
— Теперь я задам тебе жару! Ты у меня за все ответишь; попомнишь, блудник и пакостник, про свои худые дела! Вспомни, как я в осеннюю темную ночь приходила и хотела попользоваться одним куренком, а я в то время три дня ничего не ела, и ты крыльями захлопал и ногами затопал!

— Ах, лиса! — говорит петух, — ласковые твои словеса! Премудрая княгиня! Вот у нашего архиерея скоро пир будет; в то время стану я просить, чтоб тебя сделали просвирнею, и будут нам с тобой просвиры мягкие, кануны сладкие, и пойдет про нас слава добрая.

Лиса распустила лапы, а петух порх на дубок.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РУССКАЯ САТИРИЧЕСКАЯ СКАЗКА

«История действует основательно и проходит через множество фазисов, когда несет в могилу устарелую форму жизни. Последний фазис всемирно-исторической формы есть ее *комедия. . .*».[1] В этом положении Карла Маркса — ключ к диалектическому пониманию генезиса, бытования и социального звучания сатиры.

Сатира в работах классиков марксизма-ленинизма определяется как оружие классовой борьбы, как мощный рычаг нового, помогающий сметать обломки всего старого, всего омертвевшего, тормозящего движение вперед. Понимание сатиры как оружия в руках борющегося класса определяет ее значение и в литературе и в устно-поэтическом творчестве. В борьбе с социальными, общественно-политическими, религиозными и многими иными предрассудками, устарелыми формами жизни сатира вообще и, в частности, сатира народная заняла значительное место.

К народной сатире обращались передовые русские писатели, видя в ней выражение дум и надежд народа, своеобразное, пусть еще лишь в мечтах существующее, представление о победе над вековыми его угнетателями. Этим объясняется тот интерес к устно-поэтическим сатирическим произведениям, который характерен для А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя, для М. Е. Салтыкова-Щедрина

---

[1] К. Маркс. К критике гегелевской философии права. К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. I, изд. 1-е, стр. 403.

и Н. А. Некрасова, для В. В. Маяковского и Демьяна Бедного.

Сатирическая сказка как особая форма народной прозы, со своими, ей одной присущими чертами, изучена еще далеко не достаточно. Исследованию подлежат вопросы происхождения разных групп сатирических сказок, существа их стиля, взаимоотношений народной и литературной сатиры на разных этапах их развития.

В настоящей статье мы ограничиваем свою задачу рассмотрением лишь некоторых из этих вопросов на материале наиболее распространенных сатирических сказок.

Как известно, вопросы изучения сказки были поставлены в русской науке еще с первой половины прошлого века (А. Н. Цертелев, М. Н. Макаров, И. И. Срезневский и др.), но материал сатирических сказок долгое время не учитывался исследователями. Правда, еще со времен М. Д. Чулкова и В. А. Левшина сатирическая сказка включалась в сборники; ее образы использовали демократы-просветители конца XVIII века; она входила необходимой составной частью в русские романы, создававшиеся на фольклорной основе, но вопросами ее происхождения, социальной сущности, бытования никто не занимался.

Даже в тех, посвященных сказке работах, которые появились значительно позднее, в середине XIX века, сатирическая сказка не сделалась предметом исследования.

Попытку истолковать сатирическую сказку с точки зрения мифологической школы сделал А. Н. Афанасьев, уделивший, впрочем, в своем трехтомном исследовании «Поэтические воззрения славян на природу» (М., 1865—1869) совершенно ничтожное место образам сатирической сказки. В поисках аналогий с небесными явлениями ученый прошел мимо реальной сущности сказки вообще и сатирической в частности. В работе А. Н. Афанасьева на первый план выступают не сатирические элементы сказки, а архаические мотивы. Перенесение образа земного человека в сферу грозовых туч, бесспорно, исключало объяснение реальных образов тех самых сатирических персонажей, которые с такой четкостью выступали на перед-

ний план в составленных самим же А. Н. Афанасьевым сказочных сборниках.[1]

Крайняя искусственность «мифологических» домыслов А. Н. Афанасьева в применении к типам сатирических сказок характерно выражена, например, в его разборе «Сказки о попе и о работнике его Балде». А. Н. Афанасьев отождествлял героя этой сказки с древними богами: «Русское предание дает этому герою знаменательное имя Балда, что прямо свидетельствует за его близкое сродство с Перуном и Тором». Далее исследователь доказывает, что слово «балда» происходит от санскритского корня и означает большой молот или дубинку. Названные боги, по А. Н. Афанасьеву, отличались от всех прочих как раз молниеносной палицей и молотом. Отсюда «вывод»: «Понятна поэтому та великая богатырская мощь, какою наделяется Балда в сказках. . . Эта страшная сила пальцев объясняется из мифического представления молнии божественным перстом, которым громовик побивает небесных быков и срывает с них облачные шкуры».[2]

Сатирические элементы сказки не остановили на себе внимания и другого крупного представителя мифологической школы—А. А. Котляревского. Для него сатирическая сказка была явлением наносным, заимствованным; черты «сознательной сатиры», по мнению Котляревского, совпадающему со взглядом Ф. И. Буслаева, не характерны для народного творчества, где «смеются, но незлобиво».[3]

Что же касается до исследований О. Ф. Миллера, то они носили откровенно реакционный характер. Недаром, указав на противопоставление богатых и бедных в сказке, он подчеркивал неудовлетворенность жизнью у первых и черты «векового мученичества» у вторых, вопреки всем известным сказочным материалам.[4]

---

[1] Особенно в сборнике «Русские заветные сказки», где большинство сказок носит ярко выраженный антипоповский характер и по существу является подтверждением той характеристики, какую В. Г. Белинский дал антирелигиозным настроениям русского народа в «Письме к Н. В. Гоголю».

[2] А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II. М., 1868, стр. 746—747.

[3] А. А. Котляревский, Соч., т. II, СПб., 1889, стр. 46.

[4] О. Миллер. Опыт исторического обозрения русской словесности. СПб., 1865, стр. 189.

В сущности, методологию мифологической школы разделял в своей работе «Вилла Альберти» и А. Н. Веселовский, где прототип сказок с сатирической основой был отодвинут в некое абстрактное, лишенное конкретно-исторических черт прошлое.

Сторонники теории заимствования (и в области литературы, и в сфере народной поэзии) проблемами сатирической сказки как своеобразного устно-поэтического жанра не занимались вовсе. Отдавая дань этой теории, Ф. И. Буслаев уже в «Славянских сказках» писал: «Позднейшая сказка берет себе содержание уже из источников литературы, даже переделывает иноземные рассказы, переведенные с иностранных языков».[1] Той же точки зрения в отношении сатирических сказок придерживается Ф. И. Буслаев и в труде «Перехожие повести», хотя вопрос о заимствовании ряда сюжетов он соединяет иногда с изучением реальной бытовой основы этих сюжетов в прошлом.[2]

Увлечение компаративистов — А. Н. Веселовского, отчасти А. Н. Пыпина[3] — разысканием «бродячих», «странствующих» сюжетов отвлекло их, а также их последователей от изучения социальной сущности сказок вообще и, в частности, сатирических.

Чрезвычайно показательны в этом отношении позднейшие работы (Пельтцер, Сумцов),[4] посвященные анекдотам в народной словесности и оставляющие «в полной мере» и в их изучении все приемы теории заимствования.

---

[1] Ф. И. Буслаев. Славянские сказки. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I. СПб., 1861, стр. 311.

[2] Ф. И. Буслаев. Перехожие повести. Мои досуги. М., 1836, т. II, стр. 259—406.

[3] А. Н. Пыпин. Очерки литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1858; А. Н. Веселовский. Славянские легенды о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. Из истории литературного общения запада и востока. СПб., 1872, и др.

[4] А. П. Пельтцер. Происхождение анекдотов в русской народной словесности. Сб. Харьк. ист.-филолог. общ., т. IX, 1899, стр. 57—115; Н. Ф. Сумцов. Разыскания в области анекдотической литературы. Анекдоты о глупцах. Там же, стр. 118—315. — По существу компаративистскую точку зрения проф. Н. Сумцов выразил и в своей статье о сказке, помещенной в «Большом энциклопедическом словаре», изд. Брокгауз и Эфрон.

Для компаративистов сюжет, созданный в глубочайшей древности — в Индии или в другой любой стране, — скользит через всю человеческую историю, не изменяясь ни во времени, ни в пространстве. Если же варианты его все-таки сильно отличаются друг от друга, то для компаративистов самым древним вариантом всегда был наиболее полный вариант, а новейшим — самый упрощенный. В этом-то и заключалась основная предпосылка сторонников теории заимствования, вскрывающая их полное безверие в творческие силы народа.

Ни работы Г. Н. Потанина, ни исследования крупнейшего представителя так называемой исторической школы, Вс. Ф. Миллера, по существу, ничего нового в дело изучения социальной сущности сатирической сказки не вносили. В своей работе «Восточные мотивы в средневековом западноевропейском эпосе» Потанин останавливался на некоторых бытовых сатирических сказках, но лишь для того, чтобы указать на их восточное монгольское происхождение.[1] Аналогична была и точка зрения Вс. Ф. Миллера. Даже говоря о «шутливых сказках», которые могут складываться и в наше время,[2] исследователь не замечал классовых тенденций фольклора.

Господствующие взгляды на сатирическую сказку мифологов и сторонников теории заимствования нашли свое отражение в университетских курсах, словарях и гимназических учебниках.

Так, М. Сперанский в своем курсе русской устной словесности, а также и в других работах выделяет бытовые реалистические сказки, в которых видит «тенденцию практического, житейского или этического характера». Все эти сказки, по М. Сперанскому, носят характер перепевов международных устных и книжных сюжетов.[3]

Итак, дореволюционная буржуазная фольклористика (к названным школам можно добавить еще финскую школу и, в известной

---

[1] Г. Потанин. Восточные мотивы в средневековом западноевропейском эпосе. М., 1899, гл. XIII.

[2] В. Миллер. Восточные и западные параллели одной русской сказки. Изв. Общ. любит. естествозн., антропол. и этнографии, т. XXVIII, М., 1877, стр. 175.

[3] М. Сперанский. Русская устная словесность. М., 1917, стр. 392 и след. См. также его статью в словаре Гранат, т. 39, стр. 112.

степени, формалистов, начавших свою деятельность в предреволюционные годы) отбрасывала сатирическую сказку в разряд анекдотов, т. е. случайных, не имеющих четкой социальной подосновы явлений устной словесности. Да и те объявлялись переделками западных или восточных оригиналов, которые ничего общего не имели с настроениями и думами русского крестьянства.

Таким образом, очевидно, что в буржуазной фольклористике сатирическая сказка прежде всего была не определена, не выделена из основных групп устно-поэтической прозы. Буржуазные исследователи проходили мимо ее национальных черт, ее социальной заостренности, ее «наивного реализма». Стоя на позициях компаративизма, они отрицали древность русской сатирической сказки, связывая ее с зарубежными письменными версиями, появившимися на Руси в XVI—XVII веках и позднее.

Лишь советская наука о фольклоре смогла найти новые пути для объяснения сатирической сказки. Несомненную роль в поисках этих путей сыграл А. М. Горький, живо интересовавшийся устно-поэтическим творчеством и оставивший ценные высказывания в области его изучения. Интерес к фольклору, к сказке у великого писателя не был чисто теоретическим интересом. В выступлениях, статьях, письмах к фольклористам М. Горький говорил, что «. . . знакомство со сказками и вообще с неисчерпаемыми сокровищами устного народного творчества крайне полезно для молодых начинающих писателей». Огромную важность представляет для нас положение Горького, выдвинутое им в письме к П. Максимову, собирателю «Горских сказок». «Так как, — писал Горький, — сказки древнее церковно-христианской литературы, — у нас есть основание думать, что „святые чудотворцы“ церкви сочинялись именно по сказкам такого типа, как сказка о мулле, и, наоборот, можно думать, что многие сказки о фокусах волшебников создавались в противовес церковной литературе по мотивам полемическим и сатирическим».[1] Именно здесь выражена мысль о сатирической сказке как о сказке, направленной на старые предрассудки и старые религиозные догмы. Эта мысль не

[1] П. Максимов. Горские сказки. Азчериздат, 1935, стр. 3.

раз встречается у А. М. Горького. С именем писателя связан огромный подъем собирательской работы 30-х годов и, в значительной степени, исследовательской.

Изучение отдельных жанров фольклора (в частности сатирической сказки) сильно отстало от работы собирательской. В наши дни сатирической сказкой занимался ряд исследователей, среди которых на первое место надо поставить Б. и Ю. Соколовых.

Б. Соколову принадлежит статья о сказке в его курсе фольклора, которая впоследствии, в сильно измененном виде, легла в основу статьи в книге «Русский фольклор» Ю. Соколова. Автор статьи, в последнем ее варианте, выделяет группу так называемых реалистических (или новеллистических, бытовых) сказок, которые и разделяет по тематическим признакам. В этой статье есть указание на то, что внутренними темами, основными «идейными проблемами» этих сказок являются вопросы «социального неравенства», — мысль глубоко справедливая, но не развитая до конца.[1]

Гораздо ближе подходит к изучению сатирической сказки Ю. Соколов в предисловии к сборникам «Поп и мужик» (1931) и «Барин и мужик» (1932). Не употребляя термина «сатирическая сказка», автор впервые ставит вопрос о социальной сущности сатиры в сказке, справедливо отметив, что в работах старых исследователей «реально бытовая и социально-классовая сторона сказочного творчества игнорировалась почти совершенно».[2] К сожалению, в этих небольших работах вопрос об историзме и бытовании сатирической сказки поставлен не был, хотя автор уделял значительное место социальной среде, которая, по его мнению, «если и не целиком отлагалась в сказке, то, во всяком случае, предъявляла на эти сказки спрос».[3]

В предисловии ко второму сборнику «Барин и мужик» Ю. Соколов правильно указывал, что «сказочное творчество никогда не оставалось аполитичным, что, наоборот, оно ярко выражало чаяния и стремления народных (главным образом крестьянских) масс,

---

[1] Ю. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, стр. 335.

[2] Ю. Соколов. Поп и мужик. Сборник русских сказок. М., 1931, стр. 14.

[3] Там же, стр. 15.

было одним из орудий ожесточенной классовой борьбы».[1] В своей более поздней статье в «Малой Советской Энциклопедии» Ю. Соколов, объединив вместе сказки бытовые и анекдотические, указывал, что «в двух последних группах можно найти огромное количество сюжетов с ярко выраженной социальной сатирой на классы, угнетавшие крестьянство».[2] К сожалению, этот тезис своего полного развития в работах исследователя так и не получил.

Ряд новых положений был выдвинут в работах Н. П. Андреева и В. Я. Проппа, не занимавшихся, правда, народной сатирой.

Несомненное значение в области изучения сатирической сказки сыграла статья М. К. Азадовского о характерных чертах русских сказочников. Нельзя не отметить также попытку рассмотреть под социальным углом зрения творчество крестьян у В. И. Чичерова, И. В. Карнауховой, А. И. Никифорова, Э. В. Померанцевой, С. И. Минц, А. Н. Нечаева и др. Принципиальный интерес представляет работа Н. В. Новикова, посвященная сказочнику С. П. Господареву, — характеризующая его как сказочника-сатирика. В этой работе, в частности, поставлен вопрос о сущности образов сказочного героя и сказочного царя.

Все эти работы советских исследователей — а к ним можно было бы добавить работы, непосредственно не связанные с проблемами сатирической сказки, но посвященные смежным вопросам (В. П. Адрианова-Перетц о сатире XVII века, Я. А. Эльсберг о сатире М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.), — коренным образом отличаются от работ ученых прошлого.

В буржуазной науке, несмотря на видимость борьбы школ и направлений, вопросы социальной заостренности и сатирической направленности фольклора стояли всегда вне интересов исследователей. При классификации разновидностей народной прозы самое понятие «сатирическая сказка» выпадало из поля зрения исследователей всех направлений.

---

[1] Ю. Соколов. Барин и мужик. Сборник русских сказок. Изд. «Academia», М., 1932, стр. 7.

[2] МСЭ, т. IX, стр. 740.

Только советская наука выдвинула на первый план необходимость изучения социальной сущности народной сатирической прозы, идеологии и реальной основы сатирической сказки. Однако следует признать, что в большинстве исследований эти вопросы лишь правильно поставлены, но далеко еще не разработаны. Именно поэтому до сих пор нет и достаточно четкого определения специфических особенностей самого типа сатирической сказки.

Между тем русская устная проза, носящая сатирический характер, имеет свои особые признаки, отличающие ее от других разновидностей прозаических произведений.

* * *

Наиболее типичным видом сатирических сказок является та их разновидность, которая в фольклористике и до сих пор иногда называется неудачно то бытовой, то новеллистической сказкой. Термин «новеллистическая сказка», идущий от исследователей-компаративистов, вызывает ложные представления о якобы существующей генетической связи данного вида сказок со средневековой западноевропейской новеллой. Термин «бытовая сказка» не может быть признан удовлетворительным потому, что он противопоставляет данный тип сказок всем остальным, будто бы лишенным бытовых черт. Между тем даже в фантастических сказках многое идет от творчески переосмысленных бытовых наблюдений. Кроме того, хотя в сатирических сказках нет сверхъестественного, чудовищ, волшебств, принимаемых всерьез, как в фантастической сказке, сами отношения между действующими лицами неизмеримо далеки от реального быта. Здесь все «наоборот», побеждает тот, кто в действительности так победить не мог бы. Это только мечта о бунте, о мести. В этом смысле самые бытовые, казалось бы, сказки (по обстановке, в которой развивается действие) являются в то же время и вполне фантастическими, поскольку они выражают мечту, представляют отношения между людьми не такими, каковы они были на самом деле.

Итак, в чем же отличие от других разновидностей народной прозы сказок, в самой своей основе построенных на сатирическом замысле,

высмеивающих глупых бар, жадных и похотливых попов, деревенских богатеев и т. д., изображающих победу над ними веселого, остроумного и жизнерадостного героя — крестьянина-бедняка, попова работника, отпускного солдата?

Характерно для сатирической сказки то, что в ней развиваются две сюжетные линии: линия героя — представителя социальных низов и линия его классового противника, посрамленного и наказанного. Первоначально герой предстает с крайне невыгодной стороны: он наивен, подчас просто кажется глупым, действия его малопонятны. Но впоследствии оказывается, что эти черты носят чисто внешний характер и он несравненно умнее своего врага, действия же его, как правило, — хитроумная ловушка.

Сатирическая сказка, как и всякая другая, характеризуется совершенно определенными чертами действующих лиц. Ее герой имеет имя и даже указание на место жительства. То его зовут «Тихон — с того света спихан» (вариант: «Тихонец — с того света выходец» или «Никонец — с того света выходец»), то — Наум (в таком случае имя рифмуется со словами «взбрело на ум»), Антон («думаю о том») и т. д. Несомненно подобные имена подобраны специально для рифмовки. Иногда героям даются имена-прозвища: Капсирко (Соколовы, № 86), Мотросилко (Смирнов, № 117), Ботма (Зеленин, Вятск. сб., №№ 196—199), Страхулет (Зеленин, Пермск. сб., № 31), Барма-Кутерма, Мамыка и т. д.

Уже в этих именах — стремление добиться определенного комического эффекта, помочь понять суть того или иного героя.

В отличие от фантастической сказки, где действие протекает в «тридевятом царстве», персонажи сатирической сказки действуют в реальной, обыденной обстановке. За внешним неправдоподобием, вымышленными «чудесами»-волшебствами фантастическая сказка скрывает свой взгляд на социальные явления и отношения. В сатирической сказке вымысел типа «чудес» обычно отсутствует; если даже героями ее оказываются звери (волк, лиса, медведь и пр.) или «потусторонние» существа (чорт, святой), то черты реальных людей и у них преобладают, а образы «нечистой силы» всегда подаются в сатирическом или юмористическом плане. Самые поступки действующих лиц

редко нарушают нормы реальной жизни, и сказочный вымысел сосредоточивается на создаваемых этими поступками отношениях между героями: тот, кто в жизни еще был угнетен, — в сказке побеждает, а торжествовавший в жизни классовый противник — посрамлен, наказан.

Хитрость, ловкий поступок и в фантастической сказке часто двигают развитие сюжета: герой подслушивает речь врага; узнает ответы к загадкам, сговорившись с полоненной им девушкой; подставляет вместо себя ведьму, которая и гибнет; обменивает платье своих сестер и братьев на платье детей людоеда, и тот убивает их, и т. д. Все эти действия-хитрости совершаются с помощью волшебства, советов колдуна и т. д. Волшебство подается здесь с полной верой в осуществимость его, изображается всерьез. В сатирических сказках волшебство всегда мнимое, в его форму облекается задуманный героем обман, уловка, хитрость.

То обстоятельство, что в народных сказках о животных в образах животных всегда ощущаются человеческие черты, что во многих сюжетах этих сказок сатирический замысел совершенно очевиден, что мотив всепобеждающей хитрости, с помощью которой слабый побеждает сильного, хищного (лиса, прикинувшись мертвой, выбрасывает с воза всю рыбу; волк, поверив куме-лисе, опускает хвост в прорубь, чтобы поймать рыбу; лиса прикидывается повитухой и т. д.), присутствует в ней постоянно, — сблизило эти сказки с сатирическими. Именно потому, что сатирический элемент составляет коренной признак многих сказок о животных, М. Е. Салтыков-Щедрин и облек некоторые свои сатиры в их форму. Сказка о животных воспринимается народом не как изображение действительной жизни животных, а в соотнесении ее с бытом людей, тогда как в сатирической сказке все может быть расценено как описание реально случившихся событий. Например, И. А. Гончаров ввел в свой очерк «Из Якутска» (глава из путешествия «Фрегат Паллада») несколько эпизодов, несомненно восходящих к сатирическим сказкам, придав им характер бытовых происшествий.

Такое восприятие сюжета отчасти сближало в народном представлении сатирические сказки с бывальщинами, несмотря на весьма

существенное различие между ними. В бывальщинах описывается встреча человека с «чудесным», в сатирической сказке это «чудесное» оказывается мнимым — оно лишь форма хитрой уловки. Например, в сборнике сказок А. Н. Афанасьева есть сказка-бывальщина (по классификации издателя — рассказ о мертвецах), сюжет которой сводится к следующему: воры хотят обобрать мертвеца, отрубив ему пальцы: мертвец вскакивает; воры бегут в ужасе. Сюжет сатирической сказки «Скряга» из того же сборника внешне чрезвычайно близок к этой бывальщине: воры хотят отрубить голову человеку, принятому за мертвеца; человек вскакивает; испуганные воры бегут. Однако отличие в трактовке внешне близких сюжетов весьма существенно: в бывальщине действует «чудесное» — оживший покойник; в сатирической сказке — покойник мнимый (мертвецом прикинулся скряга), и ничего «чудесного», следовательно, нет. Бывальщина рассказывает о происшествии в глубоко серьезном тоне, подсказывая нравоучительный вывод (наказанные «чудесным» воры), а сказка «Скряга» — в сатирически-юмористическом.

При некотором внешнем сходстве сатирическая сказка значительно отличается и от легенды, жанра позднейшего, щедро использующего элементы фантастических и отчасти сатирических сказок. «Чудесные» герои легенд, выдавая себя за простых людей, совершают фантастические поступки (рубят и оживляют людей, выращивают в один день урожай и т. д.); в сатирической сказке обыкновенные люди прикидываются наделенными способностью творить чудеса, но эти чудеса — ловкий обман. И хотя некоторые легенды, в передаче беднейших крестьян, становятся выражением их антипоповских, а иногда и антирелигиозных взглядов, что в этих отдельных случаях сближает их с сатирическими сказками соответствующего содержания, однако в целом для легендарного жанра характерны мистические настроения, чуждые подлинно народному мировоззрению.

Итак, при наличии некоторых общих черт с другими видами устной народной прозы сатирические сказки по самой своей сущности представляют своеобразную ее разновидность. Эта сущность выражается в характерном плане построения сюжета сатирических

сказок: их герой — мужик-бедняк, солдат, поповский работник, шут и т. д. — посрамляет неожиданным поступком или остроумным ответом своих противников, всегда сильнейших и обычно принадлежащих к привилегированным сословиям, причем все действие протекает в реальной обстановке, все участники описываемых происшествий — люди; все «чудесное», если оно вводится в рассказ, раскрывается как ловкий обман, фантастичность оказывается мнимой.[1]

В отличие от фантастической сказки, для которой характерна определенная «обрядность» изложения — применение отстоявшихся типических формул, зачинов и концовок, постепенное нарастание действия при троекратном повторении эпизодов и другие обязательные особенности сказа, — сатирическая сказка весьма ограниченно пользуется некоторыми из этих приемов сказа. Без традиционного зачина сатирическая сказка сразу вводит слушателя в рассказ о событиях, составляющих сюжет. В дальнейшем отзвуки сказочной «троичности» эпизодов иногда проникают и в нее: то в сказке — три героя, из которых третий, резко отличающийся от остальных, оказывается победителем, то задуманное дело дважды удается герою, а на третий раз он терпит неудачу, то наоборот, за двумя неудачами следует на третий раз успех, и т. д. Как и для других видов сказки, для сатирического повествования характерно постепенное нарастание действия, усиление драматизма. Но сатирическая сказка обычно не имеет той четкости композиции, которая обязательна для фантастической сказки. Иногда она представляет соединение ряда эпизодов, однако не механическое, а определяемое значением эпизодов в развитии сюжета. Эпизод наибольшего значения помещается перед развязкой действия.

В сатирической сказке действие движется быстро, изобразительные средства используются с величайшей экономией. Герой обычно характеризуется одним, но основным признаком, который отмечается эпитетом (богатый, бедный, глупый и т. д.); обстановка, в которой развертывается действие, намечена немногими, но наи-

---

[1] См. нашу статью «О русской сатирической сказке» в журнале «Дальний Восток» (1950, № 3, стр. 150 и след.).

более существенными чертами, подобно тому как это делают сценические ремарки в драматическом жанре. Диалог состоит из коротких, метких и острых реплик главного героя и вопросов или речей осмеиваемого персонажа, выдающих осуждаемые в нем качества. Диалог— наиболее подвижная, изменяющаяся часть сатирической сказки; в нем заметнее всего проявляется творческая индивидуальность сказочника, богатство его словаря, остроумие, находчивость, изобретательность.

Самое построение сатирической сказки особенно связано с устным ее исполнением: у многих сказочников текст представляет собой как бы развернутый сценарий с ясно очерченными ролями действующих лиц.

* * *

При решении вопроса о национальных чертах русской народной поэзии в целом сатирическая сказка, как особый художественный жанр народного искусства, имеет большое значение.

Передовая революционно-демократическая мысль давно предъявляла фольклористам требование показать не только элементы сходства сказок разных народов и эпох (на чем сосредоточивали внимание компаративисты всех школ), но и прежде всего самобытность русского устно-поэтического творчества. Так, еще в 1860 г. журнал «Современник» по поводу русских легенд, изданных А. Н. Афанасьевым, говорил: «Сравнения с легендами других народов, конечно, интересны, но мы так к ним привыкли, что желали бы, наконец, другого, например, чтобы нам показали различие легенд по разным народностям. Нельзя же думать, что легенды совершенно похожи у всех народов; тогда бы не стоило труда изучать их у каждого в такой подробности».[1] Это положение не потеряло своего значения и в применении ко всему сказочному фольклору, в частности к сати-

---

[1] А. Н. Пыпин. Русские народные легенды (по поводу издания г. Афанасьева в Москве 1860 г.). Современник, 1860, т. XXX; А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды. Изд. «Молодые силы», Казань, 1914, стр. 227.

рической сказке. Значительная часть именно сатирических русских сказок представляет собой своеобразные художественные отражения русской исторической действительности, народного мировоззрения, и они очень далеки от сказок других народов.

Острая социальная направленность, классовое чутье, ненависть к угнетателям — одна из важнейших характерных черт русской сатирической сказки, запечатлевшей многовековую борьбу трудового народа в условиях классового общества со всеми формами эксплуатации.

Вера в будущее сочеталась у создателей и носителей сатирической сказки с беспощадным осмеянием их классовых врагов. Невежественный, самодовольный барин, глупый настолько, что приобретает для защиты от волков овцу, надменный царь, готовящий всевозможные ловушки для своих еще более надменных и к тому же жестоких бояр, но, в свою очередь, обманутый отставным солдатом, жадный и тупой поп — похотливый любовник, попадающий в смолу и перья, стали непременными персонажами народной сатиры.

Конечно, не только этими образами ограничивается круг действующих лиц народной сатирической сказки. Черты чванливого вельможного наглеца вошли в облик волка из сказок о животных; туп и заносчив чорт, неизменно отступающий перед самым простым, даже подчеркнуто простоватым человеком.

Глупость, жадность, разгильдяйство, большие пороки и мелкие недостатки высмеивает русская сатирическая сказка, не боясь того, кто по всем своим внешним данным — по силе, богатству, знатности — еще был победителем в жизни, но уже повергнут в народных мечтаниях.

Социальная острота сатирической сказки достигает иногда высокой степени. Так, в одном из вариантов специфически русской сказки «Горшеня», действие которой приурочивается ко времени Ивана Грозного, герой отвечает царю на вопрос: «Кто на свете лютей и злоедливей всех?». — «Ваше царское величество! Лютей, — говорит, — и злоедливей всего на свете казна. Она оченно всем завидлива; из-за нее пуще всего все, слышь, бранятся, дерутся, убивают до смерти друг дружку; в иную пору режут ножами, а не то

так иным делом. Хоть, — говорит, — с голоду околевай, ступай по миру — проси милостыню, ты того гляди: у нищего-то суму отымут, как мало-мальски-то побольше кусочков наберешь, коим грехом еще сдобненьких» (Афанасьев, № 324).

Социальная заостренность сюжета именно в русской его версии может быть характерно показана, например, при сравнении русской сатирической сказки «Беспечальный монастырь» с иноязычными версиями сходного сюжета. Компаративист В. Андерсон, подыскав ряд близких параллелей к этой русской сказке, не заметил главного, что отличает ее от всех этих параллелей, — того, что социальные мотивы в русской сказке выдвинуты на первый план, тогда как почти все приведенные им зарубежные варианты смягчают социальную направленность рассказа. Герой русской сказки — солдат, отслуживший 25 лет (Афанасьев, № 326; Смирнов, № 115; Садовников, № 25, и т. д.), крестьянский сын (Зеленин, Пермск. сб., № 50), попов работник (Соколовы, № 95) и другие персонажи, противопоставленные царю не только своим социальным положением, но и своими умственными способностями. И выступают они не как хитрецы и плуты, а как представители народных низов, носители народной мудрости. Все это указывает, что именно русская сказка подчеркивает социальные моменты, становясь средством обличения и попов и царя.

Русская сатирическая сказка высмеивает не только классовых врагов, она бичует и недостатки в среде самого народа, преувеличивая, гиперболизируя их.

Она бичует отрицательные качества и у представителей народных масс, подчеркивая в ряде случаев, что эти свойства мешают борьбе с врагом. В такой связи и следует рассматривать сказки о глупых и суеверных людях; впрочем, и в этих сказках часто указывается, что глупцы и суеверы — представители наиболее зажиточного слоя крестьянства.

В сатирической сказке народ противопоставил своим врагам умного, веселого и остроумного героя. Этот герой всегда посрамляет своих врагов находчивостью и веселой смелостью. То он прикидывается пришельцем «с того света», то уверяет, что получил в подарок

от подводного царя целое стадо, то вещает от имени чудотворной иконы. Внешне он всегда слабее своих противников. На первый взгляд на их стороне физическая сила, расчетливость, богатство и проч. Но побеждает именно он и побеждает потому, что является выразителем интересов подлинного творца истории — народа, который отдал ему все свое сочувствие.

В героях сатирической сказки своеобразно воплощена мечта народа о восстановлении справедливости, и в этом заключается их настоящий гуманизм. Однако в характере сказочного победителя отразились и отрицательные явления, порожденные моралью классового строя: этот победитель часто прибегает для посрамления своего врага к таким средствам, как обман, воровство.

Проблема социальной сущности русской сатирической сказки, — несомненно, проблема центральная, тесно связанная и с генезисом сказки и со средой, где она бытовала.

Что кроется под образами, столь привычными в этой сказке? Является ли сатирическая сказка выражением крестьянского самосознания, или в ней, как утверждали некоторые авторы, «можно ожидать классового самосознания крестьянства только в виде исключения»? [1]

Представители буржуазных школ, следующие принципам теории миграции (Веселовский, Пельтцер, Сумцов), начисто отрицали всякую возможность отражения в сказке социальных черт действительности, подменяли сатирические черты анекдотическими. «Как рассказчик, так и слушатель не обращали внимания на нравственную сторону анекдота, если таковая и заключалась в нем, — писал автор статьи «Происхождение анекдотов в русской народной словесности», — шутка принималась за шутку, не могла наводить слушателя на серьезные размышления и, в таком виде, была свободна от нравоучения, какое так или иначе проявляется в сказке».[2]

---

[1] А. И. Никифоров. Мотив, функция, стиль и массовый рефлекс в сказке. Сборник статей, посвященных академику А. С. Орлову. АН СССР, М.—Л., 1934, стр. 287.

[2] А. П. Пельтцер. Происхождение анекдотов в русской народной словесности. Сб. Харьк. ист.-филолог. общ., т. II, 1899, стр. 65.

Шутка ради шутки, смех ради смеха — так определяли русские компаративисты наиболее резкую в социальном отношении группу сказок. «Нравственная сторона» русской сатирической сказки, по сути дела, определяла все ее звучание, являясь типической чертой народной прозы. Но «нравственность» следует понимать здесь совсем не так, как понимали ее дореволюционные фольклористы, а как одну из черт народной этики, вырабатывающейся в процессе классовой борьбы.

В. И. Ленин говорил о том, что положение громадной массы русского крестьянства «. . . настолько тяжелое, гнет помещичьего землевладения над ним так силен, экономические условия так отчаянно плохи, бесправие так необычайно велико, что демократические настроения и стремления порождаются в этой среде с неуловимой, стихийной неизбежностью».[1]

Именно эти демократические настроения зазвучали в сказках-сатирах на существующее классовое общество с его этикой, моралью, с его обычаями, обрядами и т. п. Противоречия в образах персонажей сатирической сказки и, в частности, в образе ее центрального героя, подчас подчеркнутая жестокость, удаль, невероятные преувеличения, которые иногда далеко оставляют позади литературный гротеск, — все это в сказке отражает стихийность народного протеста. Эти черты сатирической сказки отнюдь не исключают возможность реалистической типизации; наоборот, они входят в нее как характерные признаки народной сатирической прозы, сочетающей в себе сатирическое изображение действительности и ту веру в будущее, которая в народном творчестве часто связана с легендарным воспоминанием о прошлом.[2]

Сатирическая сказка, обрушивающаяся на старые, уходящие представления, обряды, обычаи, показывающая, как восстанавливается справедливость и угнетенный берет верх, дала интересный образ героя — веселого, неунывающего, остроумного, всегда верного своей социальной группе человека. Мы встречаем его в подвале,

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 339.

[2] В. Волгин. Очерки по истории социализма. Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 31.

спрятанного вместе с любовником, которого он выдает за чорта; мы видим его влезшим на дерево и пророчествующим оттуда. Под видом знахаря проникает он в господский дом, под видом пришельца с того света обманывает глупую старуху. Это он — счастливый владелец шляпы «все заплочено» или горшка, который сам варит пищу. Барин, купец, поп, царь становятся жертвами его обмана.

И всюду он — представитель неимущих слоев населения. В большинстве записей (от старейших до записей наших дней) он предстает в образе бедняка, крестьянского сына: то он помогает матери-старухе, которой «стало трудно жить одной» (например: Зеленин, Пермск. сб., № 123), то происходит из семьи, у которой «дома нет никакой скотины», и именно это толкает его на мысль угнать царского быка (Ончуков, № 197). В сказке «Дорогая кожа» герой — «бедный брат» Гаврила (Афанасьев, № 447) или Горемыка и его жена, которые «жили бедно, ничего не имели», или бедный брат, у которого «была только одна корова» (Смирнов, № 350) и т. д. Герои сказок «Ворожея» и «Знахарь» также бедняки — «и перекусить нечего» будущей ворожее (Афанасьев, № 373); «бедный да продувной мужичок» — герой другой сказки того же сборника (Афанасьев, № 381); ворожея — барская крестьянка, т. е. крепостная (Садовников, № 40); «старик да старуха, и у них не было хлеба куска поесть» (Ончуков, № 94). Очень редко героем такой сказки делается поп, дьячок, но тогда сказочник подчеркивает: «приход бедным был, не во что ни обуться, ни одеться и в головах положить нечего» (Садовников, № 43). Редко герой принадлежит к зажиточной группе крестьянства. А если ему даже и причитается получить богатое наследство (Афанасьев, № 395 — «померла старуха, много всякой скотинки оставила»), то все равно он остается ни с чем: «Вот умные рассердились, отняли у дурака все начисто: живи как знаешь!» (там же). Если герой и не беден, то все равно из-за злой жены живет впроголодь, требуя от имени волшебного дерева прежде всего «масленей кормить» себя (Афанасьев, № 446). Другими словами, всегда он в приниженном, угнетенном состоянии.

Иногда героем бывает работник (слуга). В сказке «Шут» (Афанасьев, № 399) поп ищет казака (работника) и находит некоего

Ерему — плута и обманщика, «казак» убеждает попа, что тот беременный («Заветные сказки», № 1). Фигура батрака — фигура не случайная. Человек из самой гущи народа, столкнувшийся с миром его угнетателей и разоблачающий их, особенно выделяется в этих сказках своей близостью и к крестьянской среде, и к среде враждебного класса.

В этом образе нашли свое отражение и слабые стороны мировоззрения крестьянства, которое, «. . .стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу. . . Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы».[1]

Совершенно особое место в сатирических сказках занимает образ шута. В сказке «Шут» герой отправляется за забытой шуткой в поповском тулупе и шапке, да еще на поповской лошади (Афанасьев, № 397); в другой сказке того же сборника попа обманывает Фомка-шут (№ 398). Шут — фигура в русском фольклоре исключительно своеобразная. Мы не ставим своей задачей определить, в какой степени этот образ связан со скоморохами древней Руси или с представителями дохристианской религии (по указанию Ф. И. Буслаева слова «шутник», «шут» в некоторых губерниях являются синонимами слов «чорт», «дьявол», «леший»). Отметим лишь, что в сохранившихся записях сказок шут — бедняк и обманщик, как и другие герои сатирических сказок — бедняки, обычно связан с крестьянским бытом.

Не меньшее место в сатирических сказках занимает солдат. Человек, оторванный еще в сравнительно недалеком прошлом от деревенской среды на 25 лет, приобретал черты не только героя-освободителя от змея, злого колдуна и т. д. (в фантастических сказках), но и победителя классово-враждебных персонажей (в сатирических).

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 15, стр. 184.

В борьбе со своим классовым врагом герой сатирической сказки часто прибегает к обману, краже, как своеобразной форме мести вековому поработителю, отношение к которому определяли «горы злобы и ненависти», накопленные крестьянством в «. . . века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества».[1] Если в волшебной сказке похищение отражает представления ранней экономической стадии развития, когда человек ведет хищническое, потребительское хозяйство, то в сатирической сказке кража у врага — одна из форм выражения своеобразной реакции крестьянства на законы общества, в котором: «Только кража может спасти собственность, только клятвопреступление может спасти религию, только разврат может спасти семью, только беспорядок — порядок!».[2]

В сатирических сказках, огромное большинство которых построено на социальной антитезе — на противопоставлении героя из народа его классовому врагу, — своеобразное место занимает царь. С одной стороны, и царь как противник бывает обманут и посрамлен остроумным солдатом, крестьянином, с другой — есть целая группа сказок, в которых царь представлен носителем справедливости и мудрости. Он покровительствует горшене, прощает бродягу, заменившего настоятеля «беспечального монастыря», вносит во дворец пьяницу и уверяет его, что тот — в раю, весело отзывается на проделки своего шута. Быт этого царя отличается от быта крестьянина только внешней обстановкой.

Было бы ошибкой на основании внешних черт этого персонажа толковать сказку как выражение монархических идей. Еще Ф. Энгельс, говоря об эпосе, предупреждал о недопустимости этого: «Европейские ученые, в большинстве своем прирожденные придворные лакеи, превращают басилевса в монарха в современном смысле слова».[3]

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 294.

[2] К. Маркс. Разоблачение о кельнском процессе коммунистов. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 558.

[3] Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, Госполитиздат, 1941, стр. 143.

Повидимому, сказочный царь — воплощение забытых и опоэтизированных воспоминаний о вождях-избранниках родового общества, с одной стороны, и мечта о «хорошем царе», с другой стороны. И. В. Сталин напомнил, что «. . . говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за „хорошего царя“. Ведь таков был их лозунг».[1]

Классовый враг в сатирических сказках, представленный в виде глупца, побежденного умным и ловким крестьянином, — это прежде всего барин. Ю. М. Соколов справедливо указывал, что эти сказки «передают, и при этом с большой долей непосредственности, характерное отношение подневольных крестьянских масс к своему классу-антагонисту — помещикам, дворянам — спефицическую направленность классовых тенденций, которые были присущи в дореформенной России крестьянам в сфере их отношений к помещичьему классу».[2] Именно барин сидит над мужиковой шляпой, карауля спрятанного там сокола в то время, как мужик угоняет его лошадь; он же получает чудесную овцу, гибнущую в битве с волком; барыня не может сдержать смеха при виде мужика, выпрашивающего у нее на свадьбу в качестве почетной гостьи свинью; барин зазывает к себе ворожею и удивляется ее мудрости, и т. д. В сказках о ловкаче объектом обмана почти всегда делается барин. Матросенко — крепостной мужик, обманывает помещика, угнав у него жеребца (Зеленин, Вятск. сб., № 110); Афоныга уносит у барина постель, деньги, барыню (Ончуков, № 245); Кузька уводит у барина злую собаку (Садовников, № 31), и т. д.

Иногда на место барина в сатирической сказке становится купец. В отличие от купца волшебной сказки он носит все черты сказочного барина и делается жертвой обмана и насмешки. Например, в сказке Н. Ф. Шешнева Иван снимает кольцо с руки купчихи, пока купец бегает хоронить «застреленного» им покойника (Зеленин, Пермск. сб., № 47).

---

[1] И. Сталин, Соч., т. 13, стр. 113.

[2] Ю. М. Соколов. Барин и мужик. Сборник русских сказок. Изд. «Academia», М., 1932, стр. 8.

Часто объектом сатиры в сказке является богатый мужик, кулак. Если это и не отмечено прямо, как, например, в сказке И. Д. Богатырева («. . . а старуха богата — коров много, горшков много. . .»), то подразумевается из самого текста сказки (герой получает от обманутого деньги, скот, ценные вещи, продовольствие и т. п.). Но тип кулака в сказке появляется все же довольно поздно.

Большое число сказок изображают обманутого попа.

«Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребячьею?
Чур! Отвечать на спрос!».
. . . .
Молчат!
«О ком слагаете
Вы сказки балагурные
И песни непристойные
И всякую хулу?
Мать попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чествуете вы?
Кому в догон, злорадствуя,
Кричите: го-го-го?. . ».

Так словами попа, встреченного мужиками — искателями правды, раскрыл Н. А. Некрасов отношение русского крестьянина к представителям духовенства.

Н. А. Некрасов в этих стихах вспомнил об отношении крестьянства к героям конкретных сюжетов сатирических сказок — о попадье и поповне, сделавшихся жертвами собственного работника, и о похотливом попе, провожающем приглянувшуюся ему молодку жеребячьим ржанием. Сказки «балагурные», с героями-попами, попадьями, поповнами — один из центральных разделов русской сатирической сказки.

Антипоповские мотивы — основные мотивы русской сатирической сказки, в которой беспощадно осмеяны жадность, лень, сластолюбие, похотливость низшего и высшего духовенства.

Чем же объяснить тот факт, что такое большое число сатирических сказок приурочено к духовенству?

В то время как основные угнетатели крестьян — помещики были отдалены от массы народа, особенно в послереформенную эпоху (вместо них действуют «управители», также представленные в сказке), духовенство находилось рядом, противореча всем своим образом жизни проповедуемой им же морали. Именно это противоречие между нормами и их нарушением и стало предметом сатирического изображения. Идеальные персонажи проповеди или «священного писания» противостояли хорошо знакомым крестьянину невежественным, далеко не безгрешным попам; так вырастало ироническое отношение не только к духовенству, но и к самой религии. «Духовенство, — писали братья Соколовы, — . . . в общей своей массе очень, мы бы сказали, серо. Живет оно почти тем же бытом, как и крестьяне, а если лучше, то главным образом в материальном отношении, а не в культурном. Оно чрезвычайно консервативно, держится во всем местных традиций и нередко поддерживает те порядки, существование которых в крестьянской среде объяснить можно только двоеверием. Повидимому, многое в подобных явлениях следует отнести на долю житейских компромиссов, так как духовенство стоит в полной материальной зависимости от своей паствы, на почве этой зависимости возникает резкий антагонизм, так ярко отразившийся в сказках» (Соколовы, стр. XXVII).

Именно этому духовенству, невежественному, неграмотному, зачастую ничем не отличавшемуся в быту от самых темных крестьян, было поручено нравственное воспитание народа. «Деревня была безграмотна: поп безграмотный, дьякон безграмотный, да и дьячок безграмотный, а церковь была, приход служили. . . », — говорится в одной из сказок (Ончуков, № 63).

Безграмотный поп — постоянный персонаж многих сатирических сказок.

В тех случаях, когда этот безграмотный поп в прошлом сам крестьянин, — он уже не объект беспощадной сатиры, а скорее соучастник обмана, в который втягивается и представитель высшей

церковной власти — архиерей. Так, в сказке «Безграмотная деревня» архиерей приезжает в церковь, где служит такой же безграмотный, как и его паства, поп-крестьянин:

Архирей пришел в алтарь:
«Ну, начинай, служи!».
Поп и запел — голос громкий:
«О-о-о! Из-за острова Кельястрова. . .».
Дьякон тоже запел:
«О-о-о! Из-за острова Кельястрова. . .».
А дьячок на клиросе:
«Вдоль по травке, да вдоль по муравке,
По лазуревым цветочкам».
Архирей вышел да рукой махнул:
«Служите, как служили!».
Да и уехал прочь.

В этой сказке поп, дьякон и дьячок, обманывающие паству, получают молчаливое одобрение архиерея.

Если сказка повествует о попе и его работнике, то обманутый поп всегда жаден, труслив и глуп; в любовных похождениях его настигает все тот же неутомимый работник, который то тащит его в мешке к реке, то в сундуке к проруби, то съедает все приготовленное для попа и еще грозит выдать мужу; если поп, вместе с дьяконом и дьячком, приходят к чужой жене, их снова ждет сундук, выкуп; буквально толкуя призыв попа в проповеди: «Кто отдаст на церковь последнее, получит десятирицей», мужик, в одной из сказок, отдал попу последнюю корову, а получил все поповское стадо, и т. д.

В сатирической сказке поп всегда наделен типичными чертами деревенского духовенства определенной эпохи, и вместе с тем эти черты по-сказочному заострены, весь образ в целом сближен с традиционным сказочным глупым противником.

Реальную основу в быту имели и сказки о любовных похождениях в поповских семьях. В буржуазном обществе, указывал Ф. Энгельс, «. . . брак обусловливается классовым положением сторон и поэтому всегда бывает браком по расчету. Этот брак по расчету . . . довольно часто обращается в самую откровенную

проституцию — иногда обеих сторон, а гораздо чаще жены. . .».[1] В среде духовенства превращение брака в выгодную сделку было рядовым явлением. Поповские семьи часто строились путем простого сговора между ждущим поставления учеником духовной школы и попом — отцом девушки, передающим, вместе с невестой, приход своему преемнику. В таких случайных семьях нарушения супружеской верности были обычным явлением. Сатирическая сказка отразила эту сторону жизни поповских семей, представив ее в рамках сказочных сюжетов о неверной жене.

Однако этой реальной основой не следует ограничивать причины широкой популярности сказок о попах, с эротической темой в центре. Поп — проповедник христианской морали, поучающий свою паству добродетельной жизни, в собственном быту постоянно нарушал правила этой морали: был жадным, скупым, совсем не «милосердным» к бедным, невоздержанным и в еде и в питье. Изображение любовных приключений в семье попа, неизменно оканчивающихся посрамлением, имело целью еще резче подчеркнуть этот контраст между тем, чего требовал в своих поучениях поп от прихожан, и его собственным поведением, изобразить лицемерие духовенства в особо позорящей его форме.

* * *

Характерной чертой русской сатирической сказки является восприятие мира в плане «наивного реализма», порождающее насмешку над всякого рода «чудесами», волшебством, превращениями, предсказаниями, предрассудками и суевериями.

Активно борясь с враждебной социальной силой, герои-победители русских сатирических сказок не верят «ни в сон, ни в чох». Если для их противников характерна вера в «потустороннее» и в возможность общения с ним через знахарей, ангелов, выходцев с «того света» и т. д., то самим героям такая вера их противников служит лишь почвой для высмеивания, злой шутки и обмана врага,

---

[1] Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 53.

и на этом использовании суеверий строится иногда весь сказочный сюжет.

Эта особенность русских сатирических сказок выступает особенно отчетливо при сравнении со сходными иноязычными сюжетами. В таджикской сатирической сказке «Сын Насира Косагора и Сурхп Айер» речь идет о похождениях ловкого малого. Кое-чем герои напоминают и русскую сказку, но герой таджикской сказки существо не обычное — он может превращаться в невидимку. «Он превратился в невидимку, сколько его люди ни искали, найти не могли».[1] В грузинской сказке «Два вора», отчасти похожей на русскую того же названия, действует волшебная «ученая лань»: «как спустят ее с привязи, побежит она и сядет у того дома, где царские недруги обитают».[2] Волшебные черты присущи и образам героев монгольских сказок об Аку-Тэмбэ, который был, по словам сказителя, «воплощением бога Арил-Бало», и др.

Герой сатирических сказок по-своему мудр, хотя зачастую его мудрость граничит с детской наивностью и может на первый взгляд показаться глупостью. В сказках перед нами то глупец, волей случая побеждающий умных соперников, то остроумный веселый победитель, оставляющий в дураках всех, кто становится на его пути. И в том и в ином случае поступки этого героя зачастую не мотивированы, не ясны, кажутся противоречивыми. Однако смысл поведения героя разъясняется, когда мы определим функцию его поступков в общем развитии сказочного сюжета.

В ряде сказок этот герой выдает себя за человека, связанного с иным светом, назвав себя ангелом, или прикинувшись мертвецом, или подсунув труп, или путем свершения невероятных поступков. В сказке «С того света выходец» функция героя очень однообразна: во всех случаях он выдает себя за пришельца с того света. В сказках типа «Знахарь» обыкновенный мужик или старушка ссылаются на свою связь с потусторонним миром (на умение гадать, ворожить).

---

[1] Таджикские сказки. Составитель Б. Ниязмухамедов. Госиздат Таджикской ССР, Сталинабад, 1945, стр. 18.

[2] Грузинские сказки. Перевод Н. Долидзе. Изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1939, стр. 379.

Эта функция неизменна для всех сказок такого типа во всех сборниках. В сказке «Любовник в виде чорта» прохожий плут, случайно спрятанный вместе с любовником, выдает любовника за чорта. Веру в чудеса обнаруживают герои сказок: «Никола Дупленский», «Жена-доказчица», «Шут», «Разбойники в часовне» и т. п. В сказках «Дорогая кожа» и других бедняк заманивает богача в мешок, обещая ему всяческие блага на том свете (в воде).

Итак, мы видим, что герой в большинстве разобранных сказок побеждает своих классовых врагов, играя на их предрассудках, на вере в чудеса, загробную жизнь. По представлениям людей прошлого, связанными с загробным миром считались слабоумные, юродивые, в народе — дураки. «Иронический удачник» народной сказки, как называл М. Горький Иванушку-дурачка,[1] представляющийся окружающим глупым, наделен, благодаря своей связи с таинственными силами, даром предвидения, в чем и кроется объяснение того, что он постоянно берет верх над своими, по сказке, умными братьями.

Черты такого «иронического удачника», уже потерявшего свою связь с потусторонним миром и, наоборот, отрицающего всяческие предрассудки, в том числе и веру в загробный мир, сохраняет, возможно, и веселый победитель некоторых сатирических сказок. Для подтверждения этой гипотезы необходимо глубокое исследование материала не только сказочного, но и этнографического. Такое исследование помогло бы ярче оттенить разницу между удачливым обманщиком народной сатирической сказки и плутом, вором, сыщиком в буржуазной литературе, разницу, на которую указывал М. Горький.

Между героем народной сказки и персонажем даже раннего буржуазного романа лежит пропасть, хотя бесспорно и в устнопоэтическом творчестве подчас ощутимы влияния настроений и морально-этических норм капиталистического общества. Сатирические сказки, герой которых побеждает своего противника, играя на его предрассудках, противопоставляют, как мы отметили, суеверных попов, бар и богатых мужиков смело издевающемуся над

[1] М. Горький, Собр. соч., т. 27, Гослитиздат, 1953, стр. 305.

их верой в чудеса, в потусторонний мир бедняку. Такие элементы наивного реализма особенно характерны для русской сатирической сказки, которая отразила пусть еще бессознательный шаг по пути к освобождению народного сознания от ложных представлений о природе, человеке, о волшебных силах, шаг к материалистическому, наивнореалистическому пониманию мира, порывающему с тем, что Ф. Энгельс назвал «первобытными бессмыслицами».[1]

Такое столкновение в сатирической сказке двух взглядов — спиритуалистического, с присущей ему верой в загробную жизнь, в возможность общения с «тем светом», и наивно реалистического, отрицающего если не самую загробную жизнь, то во всяком случае возможность прямой связи с ней через «выходцев с того света», может быть обнаружено, например, в сказке «С того света выходец». В этой сказке все происшествия осознаются старухой в религиозном плане: она не сомневается, что солдат действительно идет из рая, где он видел ее сына, что он вернется туда со старухиными подарками. В плане наивно-реалистическом показаны все поступки солдата, разыгрывающего богатую глупую старуху, издевающегося над ее слепой верой.

Элементы неверия в существование таинственного «иного мира», на этот раз сказочного подводного царства, обнаруживаются в сказке «Шут». Богатые братья решают утопить ненавистного им бедняка. Когда они подтаскивают его к реке, он обращается к ним с просьбой: «Дайте хоть с женой да с родней проститься, приведите их сюда!». Те соглашаются и уходят за женой, завязав его в мешке и бросив у проруби. Бедняга слышит топот по дороге, кричит. К нему подходит прохожий, и он уговаривает его залезть в мешок вместо него, а сам уезжает на конях своего спасителя. Братья топят приезжего и на обратном пути встречают обманщика, который заявляет, что коней он взял в подводном царстве, у водяного и пр. Те, преисполненные зависти, изъявляют желание отправиться за подводным стадом и один за другим бросаются в прорубь.

Получение чудесных коней, так же как и дара водяного, — обычные черты фантастической сказки (и отчасти былинного эпоса).

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1948, стр. 429.

Основаны они на преданиях, обычаях и представлениях, сохранявшихся очень долго. Интересное предание о подводных стадах удалось разыскать Н. Е. Ончукову (Ончуков, № 231) и братьям Соколовым (Соколовы, № 41). Эти предания показывают, что в отсталых слоях деревни еще в начале XX века держалось убеждение, будто под водой пасутся коровы и быки, которых можно добыть оттуда. Герой сказки «Шут», используя подобные суеверия, расправляется со своими врагами.

В других сатирических сказках элементы наивно-реалистического мировоззрения проявляются в насмешке над верой в говорящее дерево («Никола Дупленский»), в силу иконы. Характерна сказка, в которой бедняк использует веру в Николу-чудотворца для обмана богатого мужика.

Скупой, богатый мужик никогда не давал никому денег в долг. Для того чтобы получить у него необходимые деньги, один крестьянин-бедняк, который «оставался совсем голодом», сговорился со своей женой, что она станет за стеной избы, около того места, где у богатого висят иконы, и будет говорить от имени Николы-чудотворца. Бедняк пришел просить деньги в долг и, получив отказ, сказал, что Никола-чудотворец может поручиться за него. Богатый спросил у иконы, «поручится ли Никола-чудотворец», а жена ответила за стенкой: «Поручусь!» и т. д. (Зеленин, Пермск. сб., № 36).

Таким образом, наивный реализм сказки приобретает черты атеизма. «Годится — молиться, а не годится — горшки покрывать»— эти черты атеистического мировоззрения русского крестьянства, отмеченные еще В. Г. Белинским в его письме к Н. В. Гоголю, наиболее полно отражены в сатирических сказках.

Элементы наивного реализма в сатирической сказке обнаруживаются и в ироническом изображении веры в возможность чудесного превращения. Так, персонаж одной из сказок — поп уверен, что его жена превращена в козу: «„Ох, злые люди испортили у меня жену-то!“ — закричал молодой. Все сбежались, начали возиться с козлухой; дружки взялись наговаривать, чтоб обратить ее в женщину, и совсем доконали — замучили: пропала козлуха!».

Рядом с этой сказкой, беспощадно высмеивающей самую мысль о «чуде», о превращении, можно поставить сказку о знахаре, ворожее, обманщике, бедном мужике, который прячет всевозможные предметы, а затем уверяет, что путем гадания может определить их местонахождение.

Сатирическая сказка едко высмеивает веру в предсказания, также основанную на признании таинственных, вне человека находящихся сил, вмешивающихся в его судьбу. В сатирической сказке герой, выдающий себя за колдуна, знахаря, по случайному совпадению отгадывает, где находится похищенный предмет, но сказочные глупцы, представленные в сатире в облике исконных народных врагов — бар, помещиков, попов, продолжают верить, что отгадка подсказана обманщику «свыше».

Из приведенных примеров видно, что сатирическая сказка может дать ценный материал для решения одной из важнейших проблем фольклористики — отражения элементов наивного реализма в народной поэзии.

* * *

Художественное претворение реальных наблюдений, способы построения сатирических образов и противостоящего им образа «положительного» героя сатирической сказки — результат длительной творческой работы коллектива, приведшей к созданию определенной стойкой поэтической традиции. В рамках этой традиции талантливые сказочники-импровизаторы в той или иной степени свободно проявляют свою творческую индивидуальность. Однако их поэтические находки выдерживают проверку временем лишь в тех случаях, когда они не вступают в противоречие с самой системой сказочного сатирического стиля, выработанного трудом коллектива.

В XIX—начале XX века был записан репертуар нескольких сказочников, мастеров исполнения сатирических сказок, причем некоторые собиратели сообщили и свои наблюдения над самой манерой исполнения этих сказок, поясняющие индивидуальные особенности сатирического стиля.

Как ни ограничены опубликованные сведения о талантливых сказочниках-сатириках, они позволяют представить, в каком направлении отдельные исполнители разрабатывали традиционные сюжеты сатирических сказок, сохраняя при этом типичные черты этой разновидности народной прозы.

Первым сказочником-сатириком, чей облик дошел до нас, был крепостной-караульщик Терентьич. В 1848 году сестра критика и журналиста Н. А. Полевого Е. А. Авдеева опубликовала «Воспоминания об Иркутске», где дала зарисовку этого сказочника-сатирика. В центре ее небольшого очерка образ старика-караульщика. «Главный интерес его рассказа был в его манере рассказывать, потому что сказки были все известные, кроме отдельных анекдотов, которые он приводил всегда кстати», — писала Авдеева. К сожалению, к очерку не были приложены сказки Терентьича, за исключением очень интересного варианта сказки «Солдат варит кашу из топора».[1]

В отличие от многих вариантов сказки, герой ее — солдат решает не просто наесться, но еще и захватить с собой топор. По знаку своего друга, он хватает из супа топор и «пробует»: «„Сыр еще, сыренек, — говорит, — да уж нечего делать: съем дорогой, каков есть. Прощай, бабушка-старушка. Дай бог тебе здоровья: видала, как солдаты топоры варят и едят?“. И был таков с топором . . . ».

Очерк Авдеевой был в сущности всего лишь наброском образа сказочника; первая цельная характеристика сказочника-сатирика принадлежит М. И. Семевскому, историку, редактору «Русской старины». «Среди простого народа, в глухой какой-нибудь деревушке, встречаешь нередко, совершенно случайно, личность замечательную, с несомненным поэтическим талантом, с творческой натурою, — писал М. И. Семевский. — Подобные мужички не всегда усердны и к работе, почти никогда не имеют большого достатка, не всегда пользуются большим уважением земляков; это — балясники, шутники, балагуры. Но и стар и млад слушают их с удоволь-

[1] Отечественные записки, 1848, т. IX, отд. VIII, стр. 125—138. Перепечатано в кн.: М. Азадовский. Русские сказки, т. II. 1932, стр. 372—380.

ствием; запасы рассказов, приговорок, поучений, наставлений у этих самородков-сочинителей неистощимы; склад речи, манера рассказывать у них совершенно своеобразны . . . ». М. И. Семевский описывает свою встречу с крестьянином Ерофеем (Ерехой) из деревни Плутаны (Псковская область, Опочецкий уезд), человеком лет 65, сгорбленным, растрепанным, но всегда веселым: «Нерадостна была жизнь Ерехи. И все он вынес, все стерпел, ко всему отнесся как-то добродушно-насмешливо, а сколько раз разводил гнев барина веселой присказкой; сколько раз останавливал руку старосты с дубиной . . . ».[1]

Сказочника Терентьича от сказочника Ерофея отделяли не только сотни верст расстояния, но и целая эпоха во времени. Время сказочника Ерофея — уже послереформенная Россия. Буржуазный характер реформы, проведенной крепостниками, не мог по существу изменить положения крестьянства. Обнищание крестьян после отмены крепостного права еще усилилось. По стране шла цепь крестьянских восстаний. Революционная ситуация, возникшая еще в предреформенные годы, не рассасывалась. Отзвуки ее проникали и в крестьянскую идеологию, в народное творчество.

Сказочник Ерофей в изображении М. И. Семевского не холоп, развлекающий своего господина. Рассказы Ерофея носят резко выраженный антибарский, антикрепостнический характер. Зачастую они далеки от традиционной передачи сюжетов и говорят о творческой силе сказочника, о его импровизаторских данных. Барин, которого везут в «пекло», староста Наум («и не весть в кого был ум; боем бил, боем гнал крестьян»), швецы, ищущие правды, — все эти образы даны с такой художественной силой, что подчас видно, как забывал Ереха стоящего перед ним слушателя-барина, раскрывая все потаенное и обнаруживая скрытые элементы классового самосознания. Небезинтересно, что концовка одной из сказок — расправа барина со старостой Наумом, раздавшим барские деньги разоренным мужикам, — у М. И. Семевского отсутствует: после угроз сжить со света Наума барин приезжает в село. «„За-

[1] М. И. Семевский. Сказочник Ерофей. Отечественные записки, 1864, № 2; М. Азадовский. Русские сказки. т. II. 1932, стр. 381—396.

прите такую бестию, каналью, в амбар". Вот его в амбар заперли . . .». Дальше в тексте М. И. Семевского многоточие. Очевидно, или, не желая вступать в конфликт с цензурой, М. И. Семевский опустил социально заостренную концовку, или, возможно, и сам сказочник не рискнул досказать до конца рассказ о жестокой борьбе мужика и его гибели.

Но если о творчестве Терентьича и Ерофея мы можем судить только по очеркам их современников, не имея сколько-нибудь полных записей их сказок, то об облике крупнейшего мастера сказки Абрама Новопольцева, наоборот, мы можем судить исключительно по текстам его сказок. К сожалению, Д. Н. Садовников, разыскавший А. Новопольцева и записавший от него 72 сказочных текста, не дал зарисовки облика сказочника. Но на основании сказочных текстов можно реконструировать облик этого мастера сказки. Прежде всего, несмотря на формальное преобладание в записанных текстах волшебных сказок, Абрам Новопольцев — сказочник-сатирик, и притом сатирик-профессионал.

М. К. Азадовский, которому принадлежит опыт реконструкции образа этого сказочника, указывает, что сказочник эскизно начертил себя в одной из своих сказок («Спящая девица»): «Восходит молодец: „Мир вам гостям на беседе". — „Просим милости, добрый молодец". — „Что вы сидите, водку пьете, а ничего не говорите? Должно быть вы спать хотите? Поднесите водочки стакан — я шуточки пошучу!". Они спрашивают: „А ты чей такой?". — „А вот я, из Помрясьскина, сказывальщик" (Садовников, стр. 92). Таким образом, это — сказочник-шутник, один из любимых членов артелей, участник „веселых бесед" и пр.».[1]

Но эта характеристика не полна; к ней можно добавить одну существенную деталь, подчеркивающую, что сказочник Новопольцев был выразителем интересов бедняцкой среды. В сказке «Елевы шашки» рассказывается о том, как «жили два брата, один богатый, другой бедный»; бедный уезжает в Москву продавать шишки. Здесь Новопольцев вводит в повествование один штришок, позволяю-

[1] М. К. Азадовский. Русские сказки, т. I. 1931, стр. 132.

щий еще ярче понять его облик: «Он был бедный; поехал в Москву совсем раздевши, что я же». И мы ясно видим сказочника разутого, раздетого, бедняка.

Сатирические сказки Новопольцева «Елевы шашки», «Барин и мужик», «Мужик и поп» являют черты резкой социальной заостренности. Бедняцкой идеологией проникнуты все сказки Новопольцева, в первую очередь также сатирические: «Ванюша дурачок», «Спинка и брюшко», «Поп и дьякон», «О немце» и названные выше.

Сказочник Абрам Новопольцев — наследник скоморошьей традиции. Эта связь обнаруживается не только в концовке одной из его сказок: «. . . а нам молодцам по стаканчику пивца», от скоморохов у Новопольцева идет любовь к рифме и ритму (вроде «Байки про тетерева»: «. . . в снегу ночку ночевал, поутру рано встал, по вольному свету полетал, громко, шибко покричал, товарищев поискал. . .»), ощущение своего профессионализма, ироническая интерпретация даже драматических мотивов сказки.

К сожалению, Новопольцевым ограничивается наше знакомство с репертуаром сказочников-сатириков прошлого века. В современных сборнику Садовникова изданиях (у Худякова, например) нет имени сказочников-сатириков; названы лишь некоторые имена сказочников, рассказывавших в основном волшебные сказки.

Лишь работы собирателей, выступавших уже в девятисотых годах, дают сравнительно полное отражение облика сказочников-сатириков.

Галлерею образов сказочников-сатириков дал исследователь северной сказки Н. Е. Ончуков. Ончуков записывал сказки в Архангельской и Олонецкой губерниях в 1903—1904 гг., создав, в основном из этого материала, сборник «Северные сказки» (1908), где есть характеристики сказителей и впервые материал расположен по сказочникам.

Архангельский крестьянин Григорий Иванович Чупров рассказал собирателю 15 сказок, в значительной части сатирических. По словам исследователя, любимый жанр Чупрова — «смешные сказки». Его сказки «всегда остроумны, особенно если слушать их в его передаче. . . Григорий Иванович. . . никогда не унывающий,

ни перед чем долго не задумывающийся человек, на все смотрящий глазами только постороннего наблюдателя, ищущий во всем смешного. Свой характер и свое отношение к жизни Григорий Иванович всецело передал и в сказках. Любимые сказки его — про попов и скабрезные, знает которых он множество» (Ончуков, стр. 49—50).

Психологическое обоснование обычного сказочного положения характерно для Чупрова. Умение одним штрихом дать герою жизненную черту отличает его сказки. Приведенных Ончуковым материалов вполне достаточно, чтобы отнести Г. И. Чупрова к числу оригинальных сказочников-сатириков; об этом свидетельствует и обилие присказок в его сказках (украшающих, например, сказку «Лисица, петух и журавль»), небылиц и острот.

Близок к Г. И. Чупрову и другой сказочник — Василий Дорофеевич Шишлов. Собиратель отмечает, что это «веселый, разухабистый мужик 40—45 лет, очень похожий характером на Г. И. Чупрова».

Сказки Н. П. Дементьевой, Павла Калинина, П. М. Кашина, И. А. Иванова, И. Н. Макарова (из того же сборника) отличаются остроумием, но и крайним натурализмом. Характерно, что самые непристойные, далеко оставляющие за собой сюжеты «Заветных сказок», истории прикреплены к духовенству, и именно это придает данным сказкам социальную остроту. Следует учесть, что многие из указанных сказочников — старообрядцы-беспоповцы, и поэтому сказки о «православных» попах приобретают в их изложении особенно яркие сатирические черты.

В русской деревне конца XIX—начала XX века происходит процесс развития капитализма. Появляются деревенская буржуазия, кулачество, деревенские пролетарии или полупролетарии. Но в народном творчестве того времени кулак-мироед еще не успел стать рядом с вековыми угнетателями помещичьей России. Еще попрежнему в центре внимания сказки — помещики-бары и попы.

Характерным сказочником-сатириком этого периода был сибирский крестьянин Доримон Михайлович Сизов из села Коуранского, Тареминской волости, Кузнецкого уезда, Томской губернии. Мы располагаем записью всего лишь одной его сатирической сказки

о бабушке Домне. Весь сюжет сказки о ворожее перенесен в условия губернаторского дома. За старухой (Домной) посылается казак. Очень удачно короткое описание испуга старухи при виде его. В бытовых очертаниях дан эпизод встречи посланца губернатора с братьями, которым Домна нашла коня. «Настала осень. Братья на десяти возах повезли в город муку продавать. Вот приходит на базар посланный от губернатора, спрашивает у них: „Почем мука?“. — „Пятьдесят копеек“. — «Берите сорок девять». — „Нет, пятьдесят. Что уж вам из-за копейки-то рядиться?“. — „Что рядиться: нынче вон у нашего губернатора четырнадцать тысяч рублей украли. . . Нет ли у вас в деревне ворожеи какой-нибудь поворожить, кто украл?“».[1] К сожалению, биография Д. М. Сизова нам не известна, но судя по языку записи (записи В. Ф. Булгакова, видимо, точны) сказочник принадлежал к числу передовых людей старой деревни. Убедительна завязка, развиты мотивы узнавания. Умело подчеркнуто классовое лицо героев.

Революция 1905 года сильно подорвала наивную веру крестьянства в «царя-батюшку». Столыпинская реформа, с ее результатом в виде голодовки 30 миллионов, массовое разорение крестьян, появление и укрепление прочной опоры самодержавия в деревне — кулачества, все это никак не могло способствовать исчезновению или переадресовке в прошлое основных сатирических тенденций сказки.

На примере сказочников, чьи произведения были записаны в период после 1905 г. и до Октябрьской социалистической революции, мы можем проследить усиление социальных мотивов, учитывая, конечно, и периодические изменения в цензурном режиме, ослабевшем в годы революции и резко усилившемся в годы столыпинской реакции, что отразилось на составе сборников.

Особенной остроты сатирические антипоповские мотивы достигли в сказках вятского сказочника Андрея Ивановича Бледных, уроженца и жителя деревни Гостевской, Котельнического уезда. Сказ-

[1] Записки Красноярск. подотдела Вост.-сиб. отд. Русск. Географ. общ., т. I, вып. II, Томск, 1906, №№ 17, 19.

ки А. И. Бледных усвоены от солдат, чем и объясняется своеобразие их героев. Сказки А. И. Бледных настолько полемичны по отношению к духовенству, что собиратель неоднократно отмечает: «В сказках солдата А. И. Бледных силен элемент насмешника; направлен он, главным образом, против духовенства, к которому наш старик относится почему-то чуть не враждебно» (Зеленин, Вятск. сб., стр. XXII). Можно думать, что А. И. Бледных имел что-нибудь личное против духовенства, по крайней мере, в его сказках проявилось пристрастное отношение к этому сословию (там же, стр. 501), хотя, в сущности, сказки А. И. Бледных ничем, особенно в области интерпретации образов попов, от других сказок такого типа не отличаются.

Наиболее характерным сказочником-сатириком предреволюционных лет можно считать белозерского сказочника Василия Васильевича Богданова. Человек, работавший по сплаву, на заводе, а в момент записи — церковный сторож, тридцатилетний неграмотный крестьянин сумел придать своим сказкам «ярко сатирический, порой даже необычайно резкий, далеко отошедший от добродушного юмористического тона, характер. Один рассказ („Каспирко") направил свои сатирические стрелы против бар, а три остальных касаются близко знакомого Богданову сельского духовенства. Все они высмеивают попов („Поп, дьякон и дьячок", „Девица попа пристыдила", „Старичок Осип и три попа"). Знанием быта духовенства объясняется то выпуклое описание отрицательных его сторон, которое мы находим в сказках В. В. Богданова. Жадность, скупость, требование „приношений", использование святыни в целях наживы, порой даже кощунство, сластолюбие, зависть и мелкое недоброжелательство, склонность к выпивке, хвастовство — вот черты духовных героев, нашедших себе место в рассказах Богданова» (Соколовы, стр. 152). Собиратели отмечают следующие особенности стиля этого сказочника:

1) импровизаторские черты: обыгрывание имен слушателей, введение в сказку собственного образа; «так, про услужливого человека, помогшего старику Осипу потопить трех попов, он говорит, что этого человека „вроде как звали Василий", с явным намеком

на самого себя» (Соколовы, стр. LXXIV); Богданов ввел целый эпизод с церковным сторожем, ищущим попа после того, как потопил его (Соколовы, стр. LXXIV);

2) известная сценичность исполнения: в рассказе В. В. Богданов упоминал и находящихся около него слушателей, жестами и подмигиванием обращая внимание на них, «но лишь только одно из этих лиц подходило к столу и начинало прислушиваться, то В. В. изменялся, физиономия его принимала невинное выражение. . .» (Соколовы, стр. LXXIV);

3) сказки Богданова отличаются также введением петербургских воспоминаний в объяснении некоторых слов, в столичном адресе героя — генеральского сына: «Дом № 50, кв. 33», и т. п.;

4) ритмизированные и рифмованные эпизоды, а также концовки и присказки вроде: «Я там тоже был, сказки сказывал. Кто слушал, тот скушал, а кто сказал, тот слизал» (Соколовы, № 87).

К этим чертам следует добавить непристойность ряда эпизодов и концовок В. В. Богданова (неприличных даже в понятии белозерского сказочника Александра Ивановича Синицына), резко отличающихся от добродушных шуток другого белозерского крестьянина — Василия Степановича Шерихова. Тем не менее, Богданов, мастерски обрисованный собирателями, представляется одним из самых крупных сказочников предреволюционных лет, сохраняющих в своем творчестве то отношение народа к своим угнетателям, которое и породило сатирическую сказку.

К числу сказочников-творцов, проявляющих в рассказывании сатирической сказки свою творческую индивидуальность, следует отнести Евсея Степановича Савруллина — уроженца Пермской губернии (Билимбаевский завод, Екатеринбургский уезд). Д. К. Зеленин характеризует его внешне как седого, благообразного старика лет 65, с умным, интеллигентным лицом. Как сказочник Савруллин — «краснобай, балагур, каким он слывет у соседей» (Зеленин, Пермск. сб., стр. 229). В сборнике «Великорусские сказки Пермской губернии» опубликовано одиннадцать сказок этого сказочника, хотя записано всего двадцать шесть. Остальные не опубликованы, главным образом из-за нескромного их содержания. Черты

яркой индивидуальности у Савруллина, как и у других мастеров, проявляются прежде всего в умении соединять бытовые эпизоды с традиционными, так что любая его сатирическая сказка, сохраняя весь свой юмор, в то же время подобна своеобразной новелле. Так, сказка «Калужина и ямщики» из сжатой сатирической сказки превратилась в юмористический рассказ, с углубленными характеристиками героев, с обстоятельным описанием деталей, обычно выпускаемых. Для Савруллина сюжет сатирической сказки лишь основа оригинального и остроумного рассказа. Даже фантастическая с бытовыми чертами сказка («Лягушка и Ипат», «Золотой кирпич») звучит у него шутливо, оснащена рифмами и прибаутками. Сцена сватовства Ипата к лягушке приобретает фарсовые черты: после недолгого размышления герой остается жить у лягушки, потому что прельщается. . . колбасой и салом, и т. п. Особенно сказалось это умение сказочника травестировать старый сюжет в сказке «Колдун и солдат», в которой разработан известный мотив состязания солдата и злого колдуна.

В варианте А. Н. Афанасьева «Дока на доку» колдун превращается в разъяренного быка, а солдат в медведя, колдун в зайца, солдат его гонит и т. п. Под конец колдун дает солдату пива, от которого у того выпадают зубы. Но он их вставляет опять, затем пьет пиво колдун и слепнет. У Савруллина солдат пьет «заколдованное» пиво и пляшет, хотя должен был сойти с ума, затем он дает стакан колдуну, а сам «незаметно из табакерки табак высыпал в пиво», отчего у «колдуна» в глазах стало зелено. Таким хитрым манером надувает он противника и сам слывет за колдуна. Вместо чудес, как и в других сказках, — вполне вероятные, во всяком случае на первый взгляд, события. Эти черты отличают все сатирические сказки Савруллина — «Мужик и злая баба», «Стрехулат», «Дядя с племянником», «Новая изба и черемисин» и др.

Сказки Глухова и других сказочников-пермяков (С. К. Киселева, Н. Ф. Шешнева) хотя и содержат индивидуальные черты юмора, но за рамки традиции обычно все-таки не выходят.

К сожалению, о целом ряде сказочников этого периода мы не располагаем никакими материалами и не всегда можем даже опре-

делить время записи сказок. Так, ничего мы не знаем о тобольском мальчике-сказочнике Гавриле Кушникове, от которого записано одиннадцать сказок, в том числе несколько сатирических (Смирнов, II, стр. 827), о Евдокиме Хатуле из Смоленской губернии, о тульском сказочнике Козлове, рассказывавшем острую сказку о чудотворных иконах (Смирнов, II, стр. 601), и о многих других, чьи сатирические сказки включены в сборник Смирнова, Добровольского и др.

Не располагаем мы никакими данными и о крупном смоленском сказочнике Иване Шорнике (Дорогобужский уезд, Бизюковская волость), от которого в 1914 г. было записано пятнадцать сказок (почти исключительно сатирических), вошедших в сборник А. М. Смирнова (Смирнов, II, стр. 556 и др.). Герои его сказок — солдаты, посрамляющие сенаторов, бабка Мауриха, принявшая мельницу за богородицу, попов работник, обманутый архиерей, два ловких вора. Черты современности довольно широко вошли в сказки Ивана Шорника. Так, в сказке «Почему москоуские — жулики» действие происходит в поезде, в вагоне первого класса. Один из воров при свете вешает часы на стену, а в темноте прячет их, второй тщетно их ищет. Все это говорит не только о своеобразном юморе сказочника, но и о его наблюдательности, «бывалости». Судя по прозвищу, сказитель принадлежал к бродячим ремесленникам и грамотеям: его грамотность подтверждается высокомерным отношением к неграмотным (в сказке «Бабка Мауриха»). Нечто общее со сказкой Ивана Шорника есть и у другого ремесленника-сказочника А. Х. Селезнева (Зеленин, Вятск. сб., стр. XX, 181 и др.), а также в сказках бродячего сказочника Афанасия Тимофеевича Краева, уроженца Ключевской волости Котельнического уезда Вятской губернии (там же, стр. XVIII, 82 и др.).

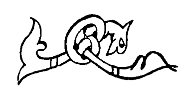
А. Т. Краев, полунищий, дряхлый старик, сделал рассказывание сказок своим ремеслом, имевшим спрос в основном на деревенских свадьбах. Сказка кормила и поила его; недаром, по словам собирателя, «прочувствованное и подробнейшее описание ощущений славного „питуха“ на свадьбе. . . явно рассчитано на то, чтобы рассказчику поднесли лишнюю рюмку водки» (Зеленин, Вятск. сб., стр. XIX). Естественно, что в его сказках «преобладают веселые сюжеты, вызывающие смех деревенских слушателей. Встречаются

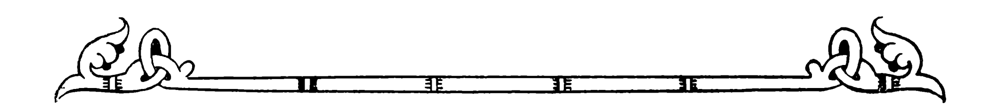
у него нескромные и прямо скабрезные намеки». Сказки А. Т. Краева, даже при частом, повидимому, повторении, не схематизированы.

К сожалению, материала для характеристики этого сказочника очень мало, так как собственно сатирической сказкой из приведенных в сборнике может считаться лишь одна — «Попов работник и дьякон». Большинство же рассказанных А. Т. Краевым сказок носит лишь отдельные черты сатирической интерпретации.

Сохранившийся репертуар сказочников-сатириков XIX—начала XX века убеждает в том, что в рамках типичных особенностей сатирического сказочного стиля (социальная антитеза, насмешка над представителями господствующих классов, ирония, развитой диалог и т. д.) отдельные исполнители проявляют свою творческую индивидуальность. Усиление антикрепостнической направленности, заострение насмешки над духовенством, над чиновниками и кулаками у одних исполнителей и — более редкое — стремление превратить сатирическую сказку в юмористическую у других, введение новых деталей в повествование, обыгрывание отдельных мотивов, с одной стороны, и предельное сокращение повествовательной части сказки, с другой, сближающее ее развитым диалогом с народным театром, склонность некоторых исполнителей к «складной», рифмованной речи («скоморошьему ясаку»), к уснащению рассказа пословицами, прибаутками, традиционными сказочными зачинами и концовками, введение психологических мотивировок поступков героев — все эти индивидуальные черты сатирического сказочного стиля отдельных мастеров не нарушают в целом своеобразия сатирической сказки как одной из разновидностей народной прозы.[1]

[1] В традиции дореволюционного фольклора развивалось и творчество И. Д. и С. И. Богатыревых, в течение многих лет отторженных от Советской России (см. стр. 211—235).

СКАЗКИ И. Д. и С. И. БОГАТЫРЕВЫХ

Крестьянин, извозчик, солдат, лесоруб, сплавщик леса, крестьянин — таковы этапы биографии Ильи Давыдовича Богатырева (род. 1867 г.), сказочника из деревни Сунево Пыталовского района Псковской области, Суневского Богатыря, как любит он называть сам себя и как называют его окружающие.

И. Д. Богатырев широко известен в своем районе и за его пределами. Участники фольклорной экспедиции Ленинградского университета имени А. А. Жданова 1946—1947 гг.[1] слышали о нем задолго до встречи. Петр Кузнецов из деревни Подлипки рассказал об И. Д. Богатыреве: «Первый сплавщик был. . . Ляжет на балку — куда хочет ведет. Все сплавщики его слушали. А бороться с ним не берись. Ловок. Силен. Настоящий богатырь. . . Он и солдатом был и извозом занимался. Теперь он крестьянствует. А в сказках — он профессор». В семье известной песенницы А. И. Вавиловой (дер. Шедино, хутор Каменка) нам рассказали: «Что только не приплел. А сам белый, как молоком окладен». «Когда Богатырь шел в церковь, — сказал крестьянин В. Боровков, — все сидели на паперти. Не попа, а его слушали».

И. Д. Богатырев — сказочник-профессионал, подчас он не рассказывает сказку, а разыгрывает ее. Мимика, жест, игра, интонации

[1] Руководила экспедицией А. П. Евгеньева. В состав группы фольклористов, кроме автора данной статьи, входили: В. Гельман-Бахтин, Е. Изигкейт, А. Мацегоро. Записи приведенных ниже сказок — В. Гельмана-Бахтина и Д. Молдавского.

соединяются в его исполнении, которое отдельными приемами сближается со «скоморошьим ясаком», как до недавнего времени народ называл способ рассказывания сказки, сохраняющий черты искусства скоморохов. Сказочник вводит в сказку собственный образ («Как Богатырь гусей делил»), обыгрывает имена собеседников (одну сказку он начал со сравнения ее «образованного» героя с одним из собирателей, не раз называл именами слушателей своих героев), импровизирует в расчете на определенную аудиторию (в сказке «Иван-царевич» Ванюшка, Пономарев сынишка, оказывается, был изгнан из дома за то, что «был баловень, экзамены не сдал»; или намеки вроде: «Я от водки отрешусь, а от хлеб-соли не отрешусь никогда») и иногда извлекает практическую пользу из своего дарования (например, помол муки без очереди в обмен на сказки).

Значительную часть своего репертуара И. Д. Богатырев почерпнул у своего крестного отца, такого же балагура и весельчака, как он сам, и от монаха-расстриги Добренького (в имении Кузнецова). Следует иметь в виду также и некоторое влияние на сказочника его жены, резко восстававшей против «прибабунек» (коротких веселых сатирических сказок) и требовавшей, чтобы «дядя-мельник» (так она в шутку называет мужа) рассказывал бы «долгие, хорошие» (т. е. большие, многопланные, фантастические) сказки. Сама П. С. Богатырева в прошлом — песенница-плакальщица, выдавшая, по ее словам, всю округу замуж. Нами было записано от нее десять свадебных, или, как она говорит, «свадьбищных» песен. К числу выдающихся песенниц принадлежит и А. И. Вавилова, дальняя родственница И. Д. Богатырева, в свое время сообщившая о его существовании участникам экспедиции Ленинградского университета.

Особый интерес для уяснения некоторых черт творчества И. Д. Богатырева представляют сказки его покойного сына Сергея Ильича (1901—1946), крестьянина, участника гражданской войны, слесаря, гончара. С. И. Богатырев еще в юности воспринял от отца ряд сказок, которые тот теперь почти не рассказывает, а также его любовь к жесту, к драматизации сюжета. Отцовские сказки он несколько

схематизировал, доводя их простоту до пересказа сюжета и стараясь приблизить их язык к литературному. Так, в рифмованной сказке «Не любо — не слушай» он говорит, ломая рифму: «Склал скирду на печном столбе», хотя следовало заменить форму «столбе» формой «столбу», по мнению рассказчика, неупотребительной. Поэтому не случайна в творчестве С. И. Богатырева сказка «Цыкае-мыкае», высмеивающая «псковское наречие», т. е. цокающий говор.

С годами репертуар И. Д. Богатырева изменился: кое-что забылось, некоторые сюжеты он перестал рассказывать. Но есть возможность в какой-то мере пополнить наши знания о сказках И. Д. Богатырева прошлых лет по сказкам его сына и, частично, А. И. Вавиловой. Так, если Илья Давыдович забывает о том, что герой его сказки «Война горшков» — солдат, который показывает старухе войну при помощи домашней утвари, берет «в плен» горшок с медом, то у С. И. Богатырева, слышавшего эту сказку в 1912 году, и у А. И. Вавиловой, слышавшей ее в 1923—1924 годах, еще жив прежний, более полный вариант. Если в современном репертуаре И. Д. Богатырева антипоповские мотивы не занимают первенствующего места, то у его сына сохранился особенный интерес к сказкам о попах. Ему известно большинство сюжетов сказок, высмеивающих представителей духовного сословия, которые он передает в манере исполнения отца.

Район Пыталово (Абрене, Яунлатгале), где живет сказочник, был в течение долгих лет отторгнут от Советской России и лишь незадолго до Отечественной войны вновь воссоединился с родной страной. Этим и объясняются многие характерные особенности творчества И. Д. Богатырева, отличающегося от творчества сказочников типа И. Сороковикова-Магая, М. М. Коргуева и Ф. П. Господарева, живших с 1917 года в условиях советского строя.

Традиционны в сказке Богатырева глупый барин, обманутый героем сказки «Нестерка», жадный помещик, приказывающий казнить своего верного слугу за то, что тот съел его голландского петуха, в сказке «Про Ивана-Управителя», недальновидный и злой царь Картауз, изгоняющий своего будущего спасителя (сказка «Про Ивана-Боярского и сына Витязя»), и др.

Но часто на полотне общих мест и постоянных образов делает он новые, яркие мазки.

Вот как нарисовал он картину мести героя волшебной сказки «Служил солдат двадцать пять лет»:

— Вы, — говорит этот герой своим товарищам, — постарайтесь, я вас всех награжу, денег у меня хватит. Покупайте бравнигов (браунингов, — *Д. М.*) и патронов. А в городе солдатов мало. . . Оружие отбирайте у солдат и у городовых. А я как-будто буду царем соломенного государства. . . И государя задержим тогда. . .». И дальше: «. . .собрались все. Их уже несколько. Накупили бравнинков, патронов, все оружие. Одели их. Через неделю собрались и с других городов. Все караулы обезоружили городовых. Шашки отняли. В кучи склали. . .». Следы влияния революционных событий 1905 года на сюжет сказки налицо. Характер отношений к ним также ясен.

Иногда одной репликой, вложенной в уста героя, вскрывает И. Д. Богатырев свое отношение к представителям господствующих в прошлом классов. «Я, — говорит герой сказки «Нестерка», — знаю, святые о бедных не зоблются (не заботятся, — *Д. М.*), как и богатые». Становятся князьями братья солдата из сказки «Рога»: «И поженились все. За таких князей, кто не выйдет — гулевые хлеба». Размышляет герой сказки «Козел-Самородок»: «Поеду я к государю продавать эти ковры. А то хуже будет: приедет полиция, отберет эти ковры без копейки. . .».

Но за сказкой об «Иване-царевиче» следует рассказ о «хорошем барине» — «московском Морозове», известном фабриканте-либерале, царь Картауз получает свое отвоеванное витязем царство, а грозные события сказки «Служил солдат двадцать пять лет» кончаются мирным воцарением Ивана, воплотившего в себе вековую мужицкую мечту о «хорошем царе». Однако любимый герой И. Д. Богатырева в сатирических сказках, которые преобладают в его репертуаре, — веселый, остроумный, хитрый и пронырливый, хотя по-своему честный бедняк, солдат. Это он обманывает, посрамляет недогадливого барина, жадного богатого мужика, глупую богатую старуху и т. д.

«Вот я жил богато», — с горькой иронией повествует герой одной из первых, записанных нами, сказок, — было у меня три лошади. Одна за целый день могла пройти не более чем три версты, другая же за это время успевала добраться с гумна домой, «третья — пегая, со двора набегала. Как станешь запрягать, под бока надо держать, чтоб не повалилась».

В другой сказке в дом к старухе попадает солдат. Старуха богата — «коров много — горшков много», ее разбирает любопытство, а какова же война? И солдат показывает ей «войну горшков», перебив большую их часть.

Делит барских гусей, не забывая и себя, Илья Богатырь, похищает жареного Гагана Гагановича солдат-постоялец, и т. д.

Своеобразная черта сатирических сказок И. Д. Богатырева — наличие в них элементов пейзажа, уточняющих место и время действия: «Морозяно зимой. Ночь месячна. Снег глубокий. . .» («Вот я жил богато»), или: «...видна была деревня на горке через кусты» («Про Ваню-вора») и т. п.

Сатирические черты проникают и в фантастические сказки И. Д. Богатырева, не характерные вообще для него как сказочника (хотя он знает их около тридцати).

Илья Богатырев сложился как сказочник еще в дооктябрьский период, отразив в своем творчестве лишь перелом в крестьянском сознании, связанный с первой русской революцией.

ИЗ СКАЗОК ИЛЬИ БОГАТЫРЕВА

НЕСТЁРКА

Жил-был Нестёрка. У него была детей шестёрка. Воровать боялся, милостыню просить стыдился. Раньше барщина была. Три дня надо было барину работать со своим харчам. Жил Нестёрка только своим праведным трудом, как Богатырь. От барина никогда без спросу не уходил. Все добросовестно делал.

Задумался Нестёрка:

— Каким ремеслом прикажет мне бог жить?

Взял в котомочку хлеба и пошел. Идет дорогою лесной, раньше таких, как теперь, не было.

И едет навстречу ему Егорий Храбрый. На сивой лошади, золотые стремена.

[Нестёрка] издалека шапочку снял и говорит:

— Здравствуй, Егорий Храбрый, золотые стремена!

— Здравствуй, Нестёрка!

— Куда идешь, Егорий Храбрый?

— К господу богу.

— Вспомяни у бога меня. Я — Нестёрка, у меня детей шестёрка, воровать боюсь, милостыню просить стыжусь. А барину надо три дня работать. Чем скажет бог, каким ремеслом жить?

— Ладно, — говорит Егорий, — вспомяну!

Пошел Нестёрка назад.

Видит — Егорий Храбрый опять едет.

Нестёрка издалека шапочку снял.

— Егорий Храбрый, — говорит, — каким приказал господь ремеслом жить?

— Забыл, — говорит Егорий Храбрый, — вспомянуть.

— Я, — говорит [Нестёрка], — знаю, что святые о бедных не зо́блются, как и богатые. . . Дай мне тогда свое золотое стремяно от коня. Будешь на коня садиться, увидишь — стремяна нет, — и вспомянешь обо мне.

Егорий пошел, поговорил с господом богом, а вспомянуть забыл. Подходит к лошади, видит — одно стремяно, а второе — у Нестёрки.

Воротился он.

— Господи, — говорит, — вот там, — говорит, — есть Нестёрка, у него детей шестёрка, воровать боится, милостыню просить стыдится. Каким ремеслом [жить ему] дадите?

Бог и говорит:

— Кого обманет — его; без свидетелей возьмет — его. (Потому что свидетелей нет — доказательства нет. Да, да, дорогие мои).

Едет Егорий Храбрый назад. Одна нога в стремени, другой ногой машет.

А Нестёрка давно шапочку снял.

— Каким ремеслом бог велел [жить]?

Егорий говорит:

— Кого обманешь — твое, без свидетелей возьмешь — твое. Давай, Нестёрка, стремяно!

— А ты когда давал? Кто видел?

Засмеялся Егорий Храбрый. Драться не будешь! Уехал.

[После этого] он скрывался, Нестёрка, целый месяц. К барину [на барщину] не ходил.

В одно прекрасное время пошел в баню. Сейчас доложили соседи барину:

— Нестёрка в бане.

Барин посылает кучера Ивана:

— Ты скажи Нестёрке, чтоб явился к барину в воскресенье, в первом часу, когда барин придет с обедни. . .

Приходит кучер Иван:

— Здравствуй, Нестёрка!

— Здравствуй, Иванушка!

(Нестёрка всех знал, — как я раньше, бывало, всех знал). Докладывает [кучер], чтоб завтра пришел [Нестёрка] к барину. И ушел домой.

Барин говорит:

— Доложил?

— Да, я сказал, чтоб в первом часу явился.

— Погоди, — говорит [барин], — ужо я ему, мошеннику, вграблю.

(Тогда пороли, ихняя власть была. При Николае; телесные наказания были. Я начинал в поле ходить, это было. Я помню. Розог дадут, бывало, почешешься!).

— Вот, — думает Нестёрка, — в первом-то я часу не пойду. Когда человек поевши, рахманьше будет.

Он и пошел во втором часу. Святое стремяно в полотенце завернуто.

— Доложите барину!

А у самого стремя́но в руках. Вошел в комнату, дьявол улетел.

Барыня говорит барину:

— Надо толком расспросить! Где Нестёрка проживал? Месяц гулять не шутовое дело!

А барин:

Запорю! — говорит. — Ты где, мошенник, скрывался до сё время?

— Барин, батюшка. Вот я! Был в столичном городе. Лил стремена. Серьги, кольца, цепочки — все умею! Только золота мне, а работа моя.

Барин говорит:

— А мне такие сольешь стремена?

— Солью. Дай фунтов тридцать золота со всем прогаром. . . А вы получите стремена чистые. А дай еще фунтов сорок серебра — и серебряные солью. Только сроку надо семь месяцев.

(А он не льет, а врет — все равно как я буду лить).

Дал срок барин — работай! Насыпал ему тридцать фунтов золота и сорок серебра.

Барин бумагу сделал для памяти себе: «Две пары [стремян] серебряных, одну золотую. Остальное за работу пойдет».

Проходит лето. Нестёрка семян купил, сошку справил, борону справил, купляет коровушку, лошадку купил.

Соседи дивуются, гд' это Нестёрка денег берет — ребят одел, обул, рубашек накупил. Узденку — надо, хомуток — надо, лемеха — надо, веревочки — и те справить надо! Подковки отвалятся — тоже справить надо! Все надо!

Нестёрка песни поет. . .

Прошло семь месяцев, восемь стало.

Ноябрь. Дождик. Грязь, а инже и снег бывает. . .

Посылает Ивана-кучера барин:

— Может, хоть одна готова?

Приходит Иван-кучер:

— Здравствуй, Нестёрка!

— Здравствуй, Иванушка!

— Барин спрашивает, стремена ты слил — двое серебряных, третьи золотые? Тридцать фунтов золота давал и сорок серебра.

— А ты видал? Барин-то не дурак, в соломенную крышу не поверит такие деньги! А я не брал!. .

Приходит Иван-кучер к барину:

— Нестёрка говорит: «Я не брал; барин не дурак, в соломенную крышу не поверит».

[Барин кричит:]

— Я его на суд! В тюрьму забрякаю!

Тогда приходит Иван опять к Нестёрке:

— Тебя на суд зовут. В восемь утра приходи!

Хорошо. Опоясался утром Нестёрка. Лапотки надел. Мужик как мужик. Приходит на кухню.

— Доложите барину, что я пришел!

Вышел барин:

— На суд едем, собирайся!

— Что же, — говорит Нестёрка, — мне пешком не дойти. Одели бы меня. Кто поверит, что вы мне дали такую сумму — тридцать фунтов золота и сорок фунтов серебра?

Стали его одевать господином. Цилиндр дали, зонтик. Настоящим помещиком одели.

А Нестёрка говорит:

— Дай мне, барин, кучера.

— Василий-работник поедет.

— Барин, Василий мой кучер?

— Твой, твой.

— Ты слышишь, Василий? Чей ты кучер?

— Твой, Нестёрка.

Василию дали лошадей с рабочей конюшни, а барину — с легковой.

Барин говорит:

— Не отставай от меня, Нестёрка!

Барин вперед поскакал, Нестёрка сзаду догоняет, не догнать, лошади-то рабочие!

Приехали. Барин к прокурору пошел. Пустили его — барин! Со всеми за ручку здоровается. А Нестёрка сзади ходит. Стал у порога.

Подает барин записку.

— Так и так, — говорит прокурору, — а куда он деньги дел? Ни стремян, ни денег.

Прокурор прочитал: «Тридцать фунтов золота, сорок фунтов серебра взято от такого-то помещика, такого-то месяца».

Так прокурор и говорит:

— Нестёрка, ты брал?

— Никак нет, — говорит — господин прокурор! Он скажет, что и пальто [на мне] его.

— Мое! — барин кричит.

— И сапоги его?

— Мои!

— И кони его?

— Мои!

— И цилиндр его?

— Мой!

— Он скажет — и кучер его.

— Мой!

Прокурор — в окно:

— Нестёркин кучер, сюда!

— Ты чей кучер?

— Нестёркин.

Пошли в комнату и постановили:

— Барин в разуме помешался!

А Нестёрку оправдали, лошадей за ним оставили.

На тех лошадях Богатырь домой приехал. Мы еще выпивали с ним!

С ТОГО СВЕТА ВЫХОДЕЦ

Приходит солдат к старухе.

— Здравствуй, бабушка!

— Кормилец, откуда ты?

— Я с того свету выходец.

— А мой сынок? В Егорьев день его хоронили. Может, видел?

— Видел, бабушка! Твой сын у бога коров пасет, да коровушку потерял; вот бог у него двадцать пять рублей требует, а где он возьмет?

— Вот у меня, — говорит старуха, — двадцать рублей есть, а больше нет. У меня в этом сундуке много денег, да хозяина нет. . .

— Бабушка, бог не мужик, попросим, за пятеркой не погонится. Давай сюда!

— Сапоги его еще возьми. . . снаряды все. . .

— Возьму, бабушка, все снесу!

И двадцать рублей денег дала. И масла предлагает, а он говорит:

— Там масла хватит, вот свининки нет.

— Дам окорок! Бери шпику, снести.

Отдала все снаряды и двадцать рублей денег, и окорок свинины, и пошел солдат.

Приезжает хозяин. Она плачет:

— Ты чего плачешь?

— С того свету выходец был. Сынок наш стадо коров там у бога пасет. Одну коровушку потэрял, бог ругается, двадцать пять рублей требует. А у меня двадцать только было. Отдала я. . .

— У, дура, дура!

Запряг лошадку в тарантас. Взял нож с собой.

— Я догоню — луна светит. Свяжу, да и уряднику свезу!

Нож взял и погнался.

Нагоняет солдата в лесу.

— Стой, — говорит, — солдат! Ты мою хозяйку обманул. Я пойду лыка надеру, да тебя свяжу и уряднику свезу. Держи лошадей!

— Иди, иди, батюшка! Я покараулю.

Он ушел в лес — солдат снял котомочку, положил и поехал своим чередом. Мужик пришел — лошадей не видать. И солдат пропал.

— Вот я дурак, прости господи! Хозяйку [солдат] обманул на двадцать рублей и на снаряды, а я лошадей отдал со всею рухлядью. .

Идет домой. Голову повесил.

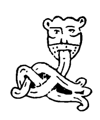
— Что бы сделать, чтоб жена не ругала?

Пришел.

— А где лошади? — спрашивает.

— А, — говорит, — я отда́л. Неужели тебе дитенок, а мне щенок? Я отда́л лошадок. Пусть сынок на том свете катается!

(А, вот родительское сердце!).

[ДЕЛЕЖ ГУСЯ]

Барин раз говорит:

— Кто разделит гуся на шесть человек?

Никто не нашелся разделить на шесть человек одного гуся. А дети и говорят:

— Папа, вот Сунёвский Богатырь разделит, вот того надо потребовать. . .

Да. . . Ну вот, идут они и говорят, что на шесть человек надо разделить гуся.

Я иду и думаю:

— Как бы и самому отведать гуся? Охота!

Вот я прихожу, говорю:

— Здравствуй, барин! Вот, проздравляю вас с днем ангела. От бога золотой венец, а вам, барин, доброго здоровья. А вас, барынька и детушки, проздравляю с дорогим именинником.

Тогда берет он графин, наливает мне водки бокал. Я выпил.

— И еще, — говорит, — выпей!

И жена говорит:

— И за меня!

И за ту выпил бокал. А детям я саночки делал, бывало, и те любили меня.

— Выпей, — говорят, — и за нас!

Я и за них выпил третий бокал. Во как Богатырь! Вот, когда я посидел уже, у меня башка стала посмелей — в тыщу рублей, помещик и говорит:

— Богатырев, на шесть человек разделишь гуся?

— А если я седьмого себя приделю?

— А если ловко, то придели.

— Выйдет ловко, — я говорю, — барин, дайте тарелку только.

Ну вот, подали тарелку и дали мне вилку и нож.

Так я говорю:

— Барин, вы всему дому голова с барынькой — вот вам голова!

Два сына — вот две ножки, — по ножке им, это к скорой посылочке.

Две дочери — они к чужому папе улетят, — им по крылышку.

— Барин, — говорю, — а я мужичок неученый и глуп — беру весь гуся хлуп.

Дали газету завернуть и хлебом наградили.

— А раздели пять гусей на шесть человек, — говорят. — У нас в леднике лежат для гостей.

А я говорю:

— Можно я себя седьмого приделю?

Барин говорит:

— Если ловко, так что же, пожалуйста.

И все тут гости собрались. Тогда приводят меня к гусям — и гости идут, и барин, и дети — смотреть, как я буду гусей делить. Я беру одного гуся и говорю:

— Барин, вас с барынькой двое — вот вам гусь. Теперь вас трое!

Два сына и гусь — трое.

Две дочери и гусь — трое.

Два гуся и я — и нас трое.

Тут все закричали:

— Браво, браво!

— Насыпать Богатыреву воз хлеба. Хорошо разделил!

Там сказал тот, кто гусей привез:

— Барин, — говорит, — у его дочка хитрая!

А барыня говорит:

— Богатырь давно своим разумом живет.

Сейчас потребовали меня обратно, туда. Не знаю зачем иду. Не беда, что только подарил, — и наказать может. Боязно.

— Нет, — говорит барин, — у тебя дочь умная, хитрая, ты не своим разумом живешь.

Сейчас берет катушку ниток и дает три кусочка ниток.

— Когда, — говорит, — твоя дочка хитрая, пускай с трех ниток выткет холст.

Я прихожу с этими нитками.

— Вот, доченька, барин дал три нитки, чтобы выткать холст.

— Папа, нитки у меня.

Взяла три лесинки сломала.

— Пускай барин сделает став с трех палочек. Тогда я вытку холст.

Я и радуюсь, думаю:

— Так, моя доченька, я-то, дурак старый, не понял.

— Вот, — говорю, — барин, три палочки, став надо сделать, тогда выткет.

Барин говорит:

— А мне и с целого дерева не сделать!

Так ничего и не вышло!

[БАРИН-СПОРЩИК]

С барином мы спорили. Барин и говорит:

— Богатырев, — говорит, — я тебя переспорю — год работником у меня проживешь, а если ты меня переспоришь — сто рублей тебе.

А свидетелька — барыня. Если он будет говорить, я поперечу, — значит, год в работниках проживу, а если барин поперечит, — он сто рублей Богатырю. Ну, барин начал говорить:

— Я был в Одессе, верст за двести. И в Лондоне.

— Правильно, — говорю, — ваш капитал. Вы можете.

— Я был во Франции, в Париже.

— Верю, барин.

— Я был в Германии, в Берлине.

— Верю, барин.

Тогда он говорит:

— Я твоего батюшку бил, бил и в землю закопал. И матушку твою. . .

Я говорю:

— Так и надо.

Я стал говорить:

— Вот я был в Варшаве, в Москве. Ехали мы, барин, на рябых тараканах. Вчетвером в два дня откатали четыре сажени. И то благодаря, что далеко отпихнулись.

Барин все говорит:

— Да, да.

Ну я потом:

— Барин, мой батюшка на твоем батюшке в уборную ездил.

— Брось, сукин сын!

Ногой как топнет.

А барыня:

— Дурак ты! Сто рублей отдал Богатырю. . .

ГАГАН ГАГАНОВИЧ

Жил мужик богатый. И никого ночевать не пускал. Солдат идет, а в деревне собрались мужички толпой вечером. Поздравствовался. Так один мужичек говорит:

— Солдатик, пойдем ко мне ночевать.

Видит солдат на краю очень богатый дом, роскошный. Постройка очень богатая.

— Я, — говорит, — пойду к этому мужичку ночевать.

— Он, — говорят, — ночевать не пускает! Он жадный, скупой. С хозяйкой живет.

— Не может быть!

Пошел солдат к этому богатому мужичку. Во дворе двери еще не были закрыты. Приходит в избу, снял шапочку, а они уже за столом ужинают. Наварена капуста со свининой, свинина поверху плавает, на густи.

— Здравствуйте, — говорит, — хлеб да соль вам!

— Милости просим, — они говорят.

Солдат и сел рядом.

— Вот как, — говорит, — а под Питером спасибо лишь скажут. А тут сразу пригласили меня!

Садится рядом. Берет ложку и крою хлеба. Хозяйка взяла, подала мужу ложку еще. Стали втрех [есть].

Этот мужик говорит:

— Ах, как я этих приплывнёв не люблю! (Это на солдата).

— Дяденька! А я этих приплывнёв очень подлюбливаю! — И стал подлавливать [свинину] из-под евонного краю. Солдат знает, что делать!

Ну, больше ничего не подали — зачем солдат. А солдат этой капусты со свининой поел вволю. Постлали постель солдатику.

— Ну вот, дядюшка, хорошо угостил меня!

А тот думает: «Ладно!».

Солдат снял сапоги свои, взялся отдыхать. А у мужика богатые поршни с обором: богатый лапти не носил. Кладет на прилавок [свои поршни], потом говорит:

— Ты слыхал, где Гаган Гаганыч, командир полка, служит?

— Дяденька, не слыхал. У нас только свои части знать надо.

— Ну вот, — говорит, — солдат, а не слыхал.

— Нет, не слыхал, дяденька. А где же он служит? — солдат спрашивает.

— Гаган Гаганыч служит в Печи-Печинском на Сковороды-Сковородынском.

Солдат думает: «Ага, погоди!».

— Нет, не слыхал, — говорит, — дяденька!

— Ну вот и солдат!

Вот, когда легли спать, как они работали сильно, этот богатый мужик, заснули они с женой крепко, захрапели. Солдатик чувствует, что они спят крепко.

Была лучина на столе у богатого (раньше лучину жгли). Зажег лучинку, сделал закурить, курит папиросу. Он чувствовал, что мертвым сном спят они. Засветил печку. Правда, на Сковороды-Сковородынском — Гаган-Гаганович. Да. Он тогда взял его в свою сумку, завернул, а на сковороду поставил поршень и опять заслонил. Лег спать. . .

Проснулся солдат и думает, что хозяйка встанет дров класть — хватится [гуся]. Как бы пораньше уйти. Солдат просыпается, а мужик кашляет.

Тогда [солдат] говорит:

— Дяденька, мне надо встать!

(Да, да, да. Я вам правильно говорю. Как петух пропоет — вставать надо!).

А двадцать километров ему было до городу итти. Хозяин и покормить не покормил, — вот какой был жадный!

Солдатик встал, скоро оделся, обулся и берет свою сумку на плечи. Вот к хозяину подходит и говорит:

— Хозяин, вот я обдумал: Гаган Гаганыч переведен с того полка; теперь он служит в Сумы-Сумынском, а вместо Гаган Гаганыча там Поршень-Поршинский в Печи-Печинском.

А хозяин думает: «Я-то посмеялся, а он думает, правда, вот дурак-то!

Солдат ушел. А хозяйка обулася, стала дрова класть в печку.

— Митрофан! Гусь-то улетел! Солдат-то догадался. Твой поршень здесь. . . Ай-ай.

Мужик только намекнул, а солдатик-то и воспользовался.

ВОЙНА ГОРШКОВ

У старухи было два сына. Оба солдаты.

Мать и спрашивает:

— Детушки, а что это такое война?

А они говорят.

— Тебе дела нет.

(А с французом тогда дрались, да, да, дорогие мои! И старухе они никогда не говорили про войну! И тогда николаевским солдатам земли не давали. Они побирались; их дарили хорошо, жалели).

Приходит солдат николаевский.

— Здравствуй, бабушка!

— Здравствуй, сынок. Ты солдат?

— Солдат.

— Насчет войны-то как?

— Знаю, бабушка. . . Могу показать! А где ваши дети?

— Они на сенокос выехали. До вечера не приедут.

— А много у тебя горшков?

— Много, — говорит. — Коров много и горшков много.

— Неси, — говорит, — все!

Она наносит полную квартиру.

— Бабушка, поджарь мне подкрепиться, — солдат говорит.

Накормила она солдата.

— А мед?

И мед принесла. И свинины и холста дала.

— А все горшки принесла?

— Нет, в печке один большой поставлен. Со щами.

— Неси и его!

Она принесла.

— Бабушка, все принесла?

— Все, кормилец,

— Теперь колун принеси. Буду войну устраивать. А ты, бабушка, полезай под печку. А то полетят шрапнели — убьют еще!

Залезла бабушка под печку. А он:

— Та-та-та-та-та! — по горшкам.

— Слышишь, бабушка? — кричит, — это мы на неприятеля наступаем. Сейчас будем сражаться!

(Раньше только ружья и штыки были у нас в Турецкую войну).

Как крикнет: «Ура!». И начал горшки колотить. Горшки толкет. Рамы, стекла — вдребезги! Кирпич начал толочь, пока не устал.

А бабушка думает — солдат с ума сошел!

— Ой, кормилец, сколько тут набито!

— Эти черёпки — солдатские тела. А молоко — кровь. Это я один был. А миллионная армия была бы, — чай и квартиры не было бы. . . Да, да, да, да.

И пошел. Приезжают хозяева. Везде ветер свищет.

— Что такое?

— Да солдат войну показывал.

Он — плюх ее. Она — брык на землю.

— Ах ты, дура, дура! . .

ИЗ СКАЗОК СЕРГЕЯ БОГАТЫРЕВА

БЕРЕМЕННЫЙ ПОП

Посылает поп работника к доктору. И объясняет, что тужит поп животом. Доктор говорит:

— Пусть пришлет своей мочи!

Поп налил бутылку, послал с работником. Работник разбил дорогой эту бутылку, взял другую. Видит — корова мочится. . . Он набрал коровьей. Доктор исследовал и говорит:

— Ваш поп должен скоро телиться.

Попу стыдно, надо уезжать подальше. Заехал в одну деревню к мужику. Мужик пустил его переночевать. Пустил на печку — дело зимнее. Поп заснул. А ночью у крестьянина отелилась корова. Чтоб теленок не замерз — его тоже на печку.

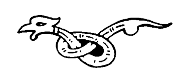
Поп проснулся, смотрит — теленок!

«Ну, теперь, — думает, — можно ехать домой с теленком». Забирает теленка и уезжает.

Мужик — не давать! Дело пошло в суд. Судья приказал:

— Попа с коровой поставить! К кому теленок пойдет, с тем и останется. . .

Теленок пошел к корове. Так поп и остался без теленка.

ТЫ УМЕН, ДА И Я НЕ ДУРАК

У одного мужика была красивая баба — жена.

Вот поп, дьякон и псаломщик — все подсватывались к этой бабе. Как она за водой идет — ей проходу не дают. Все подсватываются. Ну она рассказала мужу, что, вот, проходу не дают прямо.

Ну, а мужик был не дурак и говорит:

— Назначь им время. Пускай псаломщик приносит двадцать пять рублей и приходит в шесть часов. Дьякону — пятьдесят рублей. В семь часов пускай приходит. А попу — в восемь часов. И сто рублей денег пускай приносит.

Ну, так и поступила женщина. Назначила всем время, сказала, что мужа дома не будет.

Вот на второй день приходит в шесть часов псаломщик. А мужик его по голове обухом, да и в подпол. А денежки взял. Ну вот, прибрал он так и дьякона, и попа — и всех в подвал.

Ну, а в девять часов вечера заходит к нему солдат. Как раз уже темненько было. Мужик вот и говорит солдату.

Говорит:

— Дела-то у меня неважные.

— Ну, а что ж такое? — солдат-то спрашивает.

— Да вот, — говорит, — пришел какой-то монах и помер у меня. И вот теперь не знаю, как похоронить.

— Давай, — говорит, — десять рублей — я его похороню!

Мужик дает ему десять рублей и вытаскивает из подвала псаломщика. (А они все в рясах ходили раньше). Забрал солдат этого псаломщика и с моста бросил его в реку.

А мужик облил дьякона водой и говорит солдату, который пришел к нему обратно.

— Да, говорит, — ты не похоронил его! Он опять весь мокрый пришел.

Солдат схватил этого и тоже туда же бросил.

А мужик попа облил и говорит:

— Вот чорт! Опять пришел. Только еще больше мокрый.

(Уже воды не пожалел попа облить!).

Схватил солдат и попа. И понес опять туда же. Этому и камень на шею привязал, чтобы не ушел назад больше. Ну, бросивши отошел немножко от моста и посмотрел назад, — не идет ли обратно монах.

Смотрит — и правда, по мосту идет монах в рясе. Солдат подскакивает к нему:

— Ах, чорт, опять ты выполз! Опять идешь туда!

А тот говорит:

— Я игумен. (Старший такой из монахов).

— Ну, ты у́мен, да и я не дурак!

И бултых его туда в реку.

Ну, приходит к мужику обратно.

— Выкинул?

— Выкинул! Он опять вышел! Так я его снова бросил!

ЗАВЕЩАНИЕ КОЗЛА

Пошел мужик лыко драть. Козла взял с собой. Козел холомок нашел, стал бороть, нашел котелок золота. Раньше золото в землю клали старики. Козел стал блекотать, хозяина подзывать.

— Что это козел блекочет?

Подошел — котелок золота.

— Ай да козел, ну и козел у меня!

Пошел с этим золотом домой, а козел сзади. Приносит котелок золота:

— Вот, жена, — говорит, — козел-то у нас. Нашел холомок, стал бороть и выбрал котелок золота.

Мужичок стал богатеть, стал козла беречь. Года три прошло, козел околел. А хозяин очень разбогател.

Хозяин и говорит:

— Пойду козла зарою, отвезу в болото.

— Нет, — [жена говорит], — козла надо похоронить. Ступай, возьми денег, подкупи дьякона, псаломщика, — я козла зарывать не дам, — вот баба как!

Приходит [мужик] к псаломщику;

— Вот я с похоронами.

— С какими?

— Козла хоронить.

— Дурак, мужик!

— Как козел околевал, вам двадцать пять рубличков давал.

Псаломщик говорит:

— Иди к дьякону!

Пришел.

— Здравствуйте.

— Зачем?

— За похоронами.

— Кого?

— Козла хоронить.

— Дурак ты, мужик. Нешто козла можно?

— А как козел околевал, вам пятьдесят рублей давал.

— Ах, можно. Ступай к попу.

— Батюшка, здравствуй!

— За чем?

— За похоронами.

— Кого?

— Козла хоронить.

— Дурак, нешто козла можно?

— Как козел околевал, сто рублей вам давал.

— Ходи за дьяконом и псаломщиком.

Козла привезли. Мужик зарыл его. Баба рада.

— Вот, так и надо. Мы чем разбогатели?. .

Через несколько времени архиерею доложил кто-то, помещик, что мужик козла хоронил. Сейчас владыко посылает к попу весть:

— Явиться туды — и мужичку, и попу.

— Смотри, — говорит [баба], — дед, бери больше! Архиерею дай тысячу рублей, чтоб покрыть это дело.

Мужик взял денег много, поехали с попом. Так, сейчас, значит, требует владыко всех.

— Ты, — говорит, — козла привозил хоронить?

— Я, владыко. Как козел околевал, вам тысячу рублей давал.

Владыко сказал:

— Я, — говорит, — за то беспокоен, что мало трезвонили.

И правда, богатые вывернутся!. . .

ХУДО, ДА НЕ ДЮЖЕ...

Ехал мужик с базару купивши двадцать фунтов гороху, да дорогой рассыпал. Ну вот, и говорит соседу:

— Вот горох рассыпал.

А сосед и говорит:

— Это худо.

— Худо, да не дюже: рассыпал двадцать, а собрал пуд.

— Это хорошо!

— Хорошо, да не дюже. Больше земли было, как гороху.

— Это худо!

— Худо, да не дюже: я горох-то посеял, да горох вырос стручист.

— Это хорошо!

— Хорошо, да не дюже: повадились поповы свиньи горох есть; и переели весь горох.

— Это худо!

— Худо, да не дюже: я поповых свиней-то перебил, да три бочки мяса насолил.

— Это хорошо!

— Хорошо, да не дюже: повадились поповы собаки, да всю свинину перетаскали.

— Это худо!

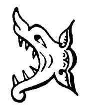
— Худо, да не дюже: я собак перебил, да бабе шубу сшил.

— Это хорошо!

— Хорошо, да не дюже: крысы шубу съели.

— Это худо!

— Худо, да не дюже: я крыс перебил — воротник сшил. .

ВАСИЛИЙ БЕРЕЗАЙСКИЙ И ЕГО «АНЕКДОТЫ ДРЕВНИХ ПОШЕХОНЦЕВ»

Среди имен писателей, создававших произведения на сказочном материале, незаслуженно забыто имя В. С. Березайского. С. А. Венгеров, автор единственной статьи о литературной деятельности В. С. Березайского, называл последнего «несправедливо обойденным писателем». Статья эта, вошедшая в очередной том «Критико-биографического словаря» (т. II, СПб., 1891), отделена от нас половиной века, но мы и теперь можем присоединиться к мнению Венгерова. В. С. Березайский — писатель-фольклорист, педагог-просветитель, полностью забытый и фольклористикой и историей литературы. Достаточно указать, что в «Истории русской этнографии» А. Н. Пыпина его имя даже не названо, а те авторы, которые упоминали о нем (Сахаров, Потебня, Савченко, Зеленин и др.), дальше простого упоминания не шли.

Литературное наследство Василия Семеновича Березайского не велико, хотя и очень разнохарактерно. Несколько статей в прогрессивном журнале конца XVIII века, брошюра о погребенных извержением Везувия городах, учебник арифметики, «Анекдоты древних пошехонцев» с сатирическим словарем, приложенным ко второму изданию, — вот все, что дошло до нас.

О жизни В. С. Березайского имеется очень мало сведений. Известно, что он родился в 1762 г. в Ярославской губернии и происходил из среды деревенского духовенства. Учился, а позднее и пре-

подавал, в Санкт-Петербургской семинарии, а затем с 1783 до 1816 гг. — в «Обществе Благородных девиц» и в Мещанском училище.

Первые его литературные опыты были связаны с журналом «Растущий виноград». Этот журнал издавался «народным училищем города Св. Петра» с 1785 по 1788 г. В журнал Березайский был введен редактором Евгением Борисовичем Сырейщиковым, переведенным в 1784 г. в Петербург из Москвы, где он работал переводчиком и участвовал в «Московских ведомостях», издававшихся в это время Н. И. Новиковым.

Е. Б. Сырейщиков был человеком разносторонних интересов. Он занимался и археологией, и нумизматикой, и историей. Видимо, под его влиянием В. С. Березайский написал для журнала компилятивную статью «Любопытное открытие города Геркулана, поглощенного страшным извержением Везувия и бывшего под землей около 1700 лет».[1]

Е. Б. Сырейщикова на посту редактора «Растущего винограда» сменил Василий Федорович Зуев, крупный русский этнограф, спутник и друг Палласа, который в журнальной деятельности продолжал линию Сырейщикова. При нем журнал «Растущий виноград» оставался просветительским. Основной удар журнал направлял на суеверия. К суевериям в нем относились вера в сны, в ночные кошмары, рассказы о волшебницах и волшебстве. В поэме «Домовой» давалось разъяснение, что в тяжелых сновидениях виновны не «сверхъестественные» силы, а «крови оборот по жилам круговой». В статье «О весталках, сивиллах и волшебницах» неизвестный автор писал: «Существование волшебниц есть один только вымысел. . .» и далее: «. . .должны признаться, что сказки о волшебницах, так как и подобные оным басни, в начале имели целью своею токмо наставление, и именно тех, для кого они были вымышлены. Обычно, в скором времени, уважение их от смешных и баснословных обстоятельств, коими оные были наполнены, токмо умалилось, что одним токмо кормилицам для увеселения и усыпления младенцев были предоставлены» («Растущий виноград», 1787, март).

[1] Гос. Историч. архив Ленингр. обл., фонд Смольного инст. 2, дело 901, связка 302, лист 1—5.

В редакции «Растущего винограда» волшебные сказки относились к области суеверий. В. Березайский провел эту мысль в предисловии к своей книге «Анекдоты древних пошехонцев» (1798), настолько близком к приведенной статье манерой изложения и отдельными положениями, что можно предположить его авторство в этой анонимной статье.

В 1798 г. вышла книга «Анекдоты древних пошехонцев». Затем в литературной деятельности писателя происходит двадцатитрехлетний перерыв, возможно, находящийся в связи с изданием «Анекдотов». Биографические данные об этом периоде очень скудны. Известно, что в 1812 г. Березайский был награжден орденом Владимира IV степени и получил очередной чин. В 1816 г. в звании коллежского советника он дважды подает прошение на имя «высокопочтенного совета при воспитательном обществе благородных девиц»,[1] где просит освободить его от службы: «С умножением лет моих умножаются купно мои немощи, со дня на день оскудевают мои силы, — писал В. С. Березайский, — и я сам в себе сознаю, что уже не могу надлежаще и с должной пользой, как в лета прежние, исполнять настоящую мою должность». Он просил дать ему отставку и исходатайствовать пенсию.

Получив отставку, Березайский зажил на положенную ему пенсию в размере 1190 рублей в год ассигнациями. Однако и на покое Березайский не оставлял литературно-педагогических занятий. В 1818 г. вышла его книга «Арифметика, сочиненная для употребления в обществе благородных девиц»; по манере изложения, стилю и языку она близка к книге Н. Г. Курганова, его старшего современника.

Персонажи арифметических задач и примеров в книге В. Березайского чрезвычайно разнообразны. Здесь и «бдительная, высокая особа», расщипывающая на самопрялке корпию для раненых, и гостинодворцы, и ткачи, и 27 жнецов, вырабатывающих за лето 2595 рублей. Но крепостные в числе персонажей отсутствуют. В при-

[1] Гос. Историч. архив Ленингр. обл., фонд Смольного инст. 2, дело 901, связка 302, л. 1—5.

мерной росписи доходов и расходов он не забыл учесть месячную выплату не только учительнице, но и садовнику и дворовым. Герои его задач (например, который, «будучи спрошен гостем: «Сколько, брат, тебе лет?», ответил просто: «Кабы мне было еще столько, да полстолько, да четверть столько, да еще один год, то было бы мне сто лет») — явно сказочного происхождения.

Последней работой В. С. Березайского был «Забавный словарь», служащий присовокуплением к «Анекдотам пошехонцев», в издании 1821 г.[1] На основе «Словаря» можно утверждать, что Березайский был знаком с «Карманным богословским словарем» Гольбаха, «Философским словарем» Вольтера, с трудами Ломоносова и прекрасно знал современную ему русскую художественную литературу.

Березайский был знаком с трудами Новикова; он почтительно упоминает «Опыт исторического словаря». Он переносит в свой словарь афоризмы вроде: «Арифметика — искусство богатому считать свое, а бедному чужое» и др.

Знал он и И. И. Хемницера, басней которого «Домовой» восхищался. В свое время Хемницер написал басню «Лестница»:

«На что бы походило,
Когда б в правлении, каком бы то ни было,
Не с высших степеней, а с нижних начинать
Порядок наблюдать?».

Эта же мысль есть у Березайского, но у последнего она выражена прямее: «лестница — ее надобно месть сверху».

Показательно, что в издании анекдотов 1863 г. объяснение слова «лестница» было снято (как слово «афеист» и другие).

Вообще афоризмы выразительно характеризуют взгляды автора: «богач — часто или сам несправедлив, или наследник несправедливых»; «бухгалтерия — искусство вычислять чужое имущество при своей бедности»; «вор — маленький, как муха в паутине увязнет,

[1] Третье издание вышло в 1863 г.; оно повторяет издание 1821 г.

а большой, как шершень прорывает паутину и улетает цел и невредим»; «господство — власть умничать и глупому».

Березайский не понял и не принял сентиментальных и романтических настроений. Он писал: «Мечтание — припадок стихотворцев. Меланхолия — вывеска душевной болезни».

Березайский не был уверен в том, что к его словарю отнесутся положительно. Этим можно объяснить и его защитительный эпиграф: «Смеяся правду говорить, что нам может воспретить?» (Гораций), и то, что словарь прошел цензуру на несколько дней раньше самих «Анекдотов». Это указывает на попытку автора обойти цензуру, представить словарь как бы безобидным примечанием к еще не увиденной цензором (Ив. Тимковским) книге. На самом же деле словарь никакого отношения к «Анекдотам» не имел.

Умер В. С. Березайский в 1821 г.[1]

* * *

«Анекдоты древних пошехонцев» вышли первым изданием в 1798 г., вторично в 1821 г. Во втором издании книга называлась: «Анекдоты или веселые похождения старинных пошехонцев, издание новое, поправленное, с прибавлением повестей о Щуке и походе на Медведя, с присовокуплением забавного словаря».

В литературе XVIII века термин «анекдот» имел иное значение, нежели сейчас. По определению «Нового словотолкователя» (СПб., 1803) — «анекдот, гр., повесть о тайном случае, достопамятное происшествие любопытное; такие деяния или происшествия, кои не были еще напечатаны. Слово сие — само по себе — значит дела, которые не были еще обнародованы и при произведении которых действующие желали тайности» (ч. 1, стр. 151). Во времена Березайского анекдотами называли и исторические очерки (Анекдоты или достопамятнейшие исторические сокровенные деяния оттоманского двора, 1 и 2 тома, соч. членами Парижской Академии наук, 1787),

[1] С. Адлер в «Руководстве к отысканию жилищ по Санкт-Петербургу» (1822) пишет о нем, как о живом, что можно объяснить задержкой в печатании названной книги.

и приключенческие повести (Анекдоты греческие или приключения Аридея брата Александра Великого, 1789), и, наконец, сборники сказок и анекдотов (в современном значении слова).

В последние десятилетия XVIII века вышло в свет значительное количество сборников «Сказок». Уже давно установлено, что в большинстве эти сборники лишь отдаленно напоминали народное творчество.

К наиболее известным сборникам такого рода можно отнести сборники М. Д. Чулкова, В. А. Левшина и многих других.

Одним из авторов-сказочников был Сергей Васильевич Друковцев, выпустивший подряд два сборника — «Бабушкины сказки» (1778) и «Сава — ночная птица» (1779). Характерен первый сборник «Бабушкины сказки», где персонажи беспрерывно сталкиваются с крепостнической действительностью. В одном из анекдотов дядька подходит к своему барину, молодому помещику, проживающему состояние и разоряющему крестьян: «Я слышал вчера, — говорит он, — что вы изволили в вотчины свои послать указ, на четыре года вперед денежный оброк весь сполна. . . я всегда от слез бедных крестьян свой богатый кафтан мокрым надеваю». Старуха-помещица из другого анекдота боится, что все крестьяне будут убиты ворами: «Что мы тогда будем делать? — говорит она. — Кому хлеб пахать? И я на старости с голоду умру».

Очевидно, эти социальные мотивы вызвали цензурные осложнения. В сборнике «Сава — ночная птица» они были отодвинуты на задний план; в предисловии к сборнику С. В. Друковцев указывал, что предыдущий сборник он «принужден был отослать на бумажную фабрику промыть». Второй сборник сделан в расчете на занимательность, с одной стороны, и на пропаганду отвлеченных идей человечности, с другой.

С. В. Друковцев нередко обращался к подлинно народному творчеству: в тех случаях, когда он излагает нужный ему сказочный сюжет, он делает это весьма точно, хотя метод записи со слов исполнителя был ему чужд. Так передана им сказка о ленивой жене, которая идет в дом к мужу лишь потому, что, по его словам, у него все домашние работы выполняет кот, который «в избе все

варит и жарит, рубашки шьет и моет». Наказанная за леность жена исправляется.

Гораздо дальше стоит от народного творчества неизвестный автор стихотворного «Старичка-Весельчака» (1790), выражавшего идеи противоположного лагеря. У С. В. Друковцева видно сочувствие обездоленному и нищему крестьянству и презрение к дворянам, вроде тех, которые, «как скоро хлеб с поля крестьяне уберут и обмолота положат на житницы, приказывают им всем итти в разные места по селам и городам, деревням, торгам и ярмаркам, для собирания милостыни».

У составителя сборника «Старичок-Весельчак», напротив, проявляется презрение к бедности, подчеркивается ум и находчивость дворянской молодежи.[1] Фольклор в нем фальсифицирован.

Сборником, непосредственно предшествующим «Анекдотам древних пошехонцев» Березайского, была книга «Старая погудка на новый лад» (1795), рассчитанная на самого широкого читателя и до известной степени продолжающая линию «Бабушкиных сказок». В этом сборнике была представлена и новеллистическая сказка о дурне Шарине. По манере изложения эта сказка — свод сюжетов о дураках: дурак убивает мать, обвиняет прохожего и берет с него дань, покупает на эти деньги ложки, горшки, соль и стол, теряет их, плавает по избе в корыте, созывает свадьбу, убивает детей и, когда братья бегут от него, забирается в мешок одного из них.

---

[1] Один из рассказов посвящен дворянину, разоблачающему мнимую немощь нищего тем, что поджигает под ним сено. Другой рассказ говорит о крестьянине, жена которого родила через месяц после свадьбы. Умный дворянин спрашивает глупца, что произошло, и разъясняет, что ребенок не его. Крестьянин отвечает:

«Рассуди-тка ты, когда корову покупал
И когда с теленком, — о том знал.
И ежели она у тебя отелится,
Скажешь: не мой теленок, мне не годится?!
Небось объявишь, что твой. . .
Ну так и сей ребенок мой».

Этот рифмованный рассказ широко распространен в рукописных сборниках «забавных жарт» XVIII века.

Метод соединения сюжетов лежит и в основе «Анекдотов древних пошехонцев» Березайского.

Березайский одним из первых записывал сказки и печатно призывал записывать их от рассказчиков. Говоря о том, что сказки эти «слушают с удовольствием и приятной улыбкой, даже смехом, близким к хохоту», он замечает: «Я то сам не раз видал и записывал карандашами».

В предисловии к «Анекдотам» Березайский ополчается на суеверов. Он перечисляет все виды гаданий на бобах, на воде при помощи решета, на картах, на кофе. Во втором издании (1821), в период повышенного интереса к народности и идеализации ее реакционных черт, он добавляет ироническое рассуждение о том, что значит «чесание ладони, той или другой, лба, переносья. . . умывание кошки лапой».

К списку суеверий он относит и уменье «нянюшек и мамушек» переноситься «быстропарным» умом за «тридесять земель, за тридесять морей, в подземное царство». К суевериям относит Березайский веру в героев бывальщин и волшебных сказок, «прогуливающих в полночь мертвецов, Ягу-костяную ногу, русалок, Буку» и т. п.

Изложение «Анекдотов» Березайский ведет как бы «посылками» от Словохота к Любоведу, из города Галич — в С.-Петербург. Первая «посылка» (т. е. глава) посвящена описанию похода пошехонцев к воеводе Щуке с дарами. Подготовлено приветствие, но в последний момент оратор спотыкается, шлет проклятье, его спутники хором подхватывают ругательства. Вторая «посылка» рассказывает, как пошехонцы, желая увидеть с дерева Москву, рубили под собой сучья. В третьей «посылке» речь идет о том, как, заночевав на постоялом дворе, пошехонцы перепутали свои ноги: «Одних голов сорок пар, а ногам-то уж и сметы нет». Хозяин за некоторую мзду берется их вылечить, берет кнут, и «всякому свои ноги оказались ближе к коленкам. . .». Тут же рассказ о покупке ружья и попытка поймать дробь руками. «Посылка» четвертая содержит повествование о том, как пошехонцы решают наболтать толокно в реке. Обычно в народных сказках толокно болтают в проруби. В. Березайский оговаривает отклонение: «Что герои наши мешают толокно не в про-

руби, а в открытой реке, читатель да благоволит меня в сем извинить, ибо они не зимою, а летом совершают сие путешествие». Затем следует эпизод с привязыванием к бревну и потопление. Шестая «посылка» посвящена лечению зубной боли, седьмая — встрече с арабом, вскочившим на спину пошехонцу, восьмая — чудесному средству от блох, которое надо положить блохе в «глаз, в рот и нос. . .». Девятая, десятая, двенадцатая и четырнадцатая «посылки» содержат сказки о ловких людях. Здесь и мошенник, обещающий высидеть яйца, и суп из камня, и рассказ о хитром «колдуне». В одиннадцатой «посылке» В. С. Березайский пересказывает два сюжета: о пошехонцах, которые на «поминках молока на стол не ставили, а взяв на ложку киселя, прихлебывать оного из столовой ходили в клеть. . . где молоко стаивало», чтобы, зачерпнув ложку, вернуться к столу, и о корове, которую пасут на крыше. В этой же главе пошехонцам приписывается «вынос дыму из избы решетами, обращение оглобель назад, следовательно, и возвращение назад», о серпе, принятом за змею, и о потоплении его вместе с лодкой пошехонцев. «Посылка» тринадцатая посвящена эпизоду с часами, но не найденными на дороге, как обычно в сказках, а стоящими в кабинете знатного лица. В данном случае, как и в эпизоде с прорубью, автор оговорил свое отклонение от распространенной версии. В четырнадцатой «посылке» речь идет о трубочисте, принятом пошехонцами за «нечистого духа», и о приключениях спившегося Микехи. Пятнадцатая «посылка» рассказывает, как пошехонцы, узнав, что лапти ценятся по величине, плетут целую лодку. Здесь же рассказ о том, как один из пошехонцев, желая прослыть знатоком городской жизни, не морщась ест лимон.

На этом кончаются похождения пошехонцев в издании 1798 г.

Во втором издании «Анекдотов» Березайский добавляет шестнадцатую «посылку», где раскрывается, как медведь откусил голову одному из пошехонцев и как жена его долго не может вспомнить, была ли у него голова, и, наконец, припоминает, что в «прошлом году купил он себе шапку малахай с ушами к Петрову дню», и только по этому определяет, что голова действительно была. Традиционный конец повести — «Я там был, мед пиво пил, по усам текло, а в рот

не попало» —устным сказкам о глупцах не свойствен, но широко применяется в концовке ряда волшебных и некоторых бытовых сказок.

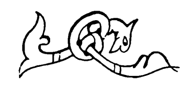
Таким образом, очевидно, что В. С. Березайский записал группу известных ему с детства народных сказок и построил их в виде единого цикла.

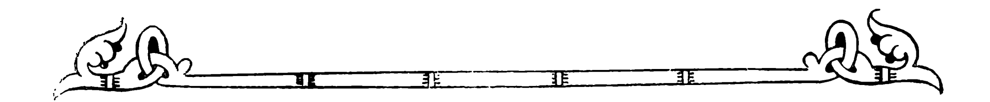
Во второе издание Березайский внес несколько изменений. Превращение свода сказок в повесть — задача, которую он, видимо, поставил перед собой, — диктовало обновление лексики, имен, расширение сюжетной канвы. Теперь «Анекдоты» — уже не сказки о глупцах, а сатира на глупцов, попытка создать на национальном материале национальную сатирическую повесть.

Сатирическая направленность «Анекдотов древних пошехонцев» привлекла к ним внимание М. Е. Салтыкова-Щедрина, и в его «Пошехонских рассказах» и «Пошехонской старине» очевидны следы знакомства автора со сборником В. Березайского.

В «Пошехонских рассказах» (1883—1884) есть образы городничих, не берущих взяток, из которых один «охотник был до рыбы» и брал лишь стерлядью, другой «получал» в просвирках и в рыбе («А однажды так в рыбе четыре золотых нашел — то-то было радости»). В этих же рассказах упоминается каланча, с которой связаны размышления героев о прошлом. В народных сказках о глупцах каланчи нет, так же как нет образа «Щуколюба». Но у Березайского береза из народных сказок заменена колокольней и появляется воевода Щука — образ представителя власти у Щедрина.[1]

[1] Целая серия изданий «Анекдотов (или веселых похождений) старинных пошехонцев», принадлежащих перу некоего Н. Короткова, вышла непосредственно после появления «Пошехонских рассказов» (1883—1884) и «Пошехонской старины» (1887—1889). Эта книжка — несколько сказок, плохо пересказанных и получивших антинародное звучание, — ничего общего с книгой В. Березайского не имела.

КОММЕНТАРИЙ

Тексты сатирических сказок, включенные в данное издание, взяты из записей, сделанных в XIX—начале XX века, причем из нескольких вариантов каждого сюжета отбирался наиболее социально заостренный и художественно разработанный. Собиратели сказок дооктябрьского времени не в одинаковой степени сохраняли особенности языка сказочников, поэтому публикуемые тексты разнятся по языку: в одних он близок к литературному, в других насыщен диалектными словами, пояснение которых дается в приложенном к изданию словаре. В отдельных случаях литературность языка сказок является отражением их литературных источников или грамотности и некоторой начитанности исполнителей.

При сохранении характерной диалектной лексики сказочных текстов, фонетические диалектизмы в издании не воспроизводятся, орфография сближена с современной.

В тех случаях, когда сказочник прибегал к грубо натуралистическим описаниям, его текст заменен кратким пересказом, помещенным в издании в квадратных скобках. Такими же скобками отделены от текста слова, которые сказочник заменял жестом, но отсутствие которых при чтении может привести к неправильному пониманию фразы. В круглые скобки заключены текстовые пояснения сказителя. Вынужденные пропуски обозначены многоточием.

* * *

Горшеня (Афанасьев, № 325), **Царь и черепан** (Ончуков, № 7; записана от А. В. Чупрова), **Елевы шашки** (Садовников, № 37; записана от А. Новопольцева), **Царь и вор** (Ончуков, № 17; записана от Г. И. Чупрова), **Царь, старик и бояра** (Ончуков, № 18; записана от Г. И. Чупрова), **[Загадки]** (Афанасьев, № 323), **Воевода и мужик** (Смирнов, № 288), **Мужик разгадывает загадки** (Соколовы, № 4; записана от А. П. Шарапова), **Беспечальный монастырь** (Смирнов, № 314). Характерной чертой данной группы

сказок является противопоставление в них справедливого царя глупым или предателям боярам. Герой из народа вместе с царем в этих сказках торжествует над боярами. Так в образе царя этих сказок отразилось народное представление о «хорошем царе».

Сказки на данные сюжеты в процессе бытования прикреплялись к биографиям Ивана IV или Петра I. Старшие записи, называющие сказочного царя, который встречается с мужиком-лапотником или шайкой воров, Иваном Грозным, были сделаны в середине XVII века придворным врачом царя Алексея Михайловича Коллинзом (см.: Коллинз. Нынешнее состояние России, гл. X. Чтение в Общ. истор. и древн. при Моск. унив., т. 1, М., 1846, стр. 15 и след.; Русск. вестн., 1841, № 7, стр. 179).

Сюжеты, связанные с именем Ивана Грозного, перешли к следующему популярному в народе царю — Петру I. Спустя двадцать лет после смерти Петра в Тайной канцелярии от ряда обвиняемых были записаны рассказы о Петре I: царь и вор подслушивают заговор бояр; царь и вор Барма, отказывающийся забраться в государеву палату, и др.

Одна из сказок о Петре I связана с именем Бармы:

> В 1730 году в Симбирске колодник говорил товарищам: «Сказать ли вам сказку?» — «Сказывай!».
>
> «В Москве был вор Барма и наш император (но не выговоря который), нарядясь в мужицкое платье и ночью из дворца ходил того Барму искать, и как-де он, государь, того Барму нашел, то-де тогда спросил того Барму, что-де он за человек, и тот Барма государю сказал, что он вор Барма; и государь стал того Барму звать красть из государевых палат денежную казну и тот-де Барма государя ударил в рожу и сказал скверно, для чего ты государеву казну подзываешь красть, лучше-де пойдем боярина покрадем, и государь-де с тем Бармою ходил и боярина покрали, и государь покраденые пожитки все отдал Барме, и дал тому Барме с себя колпак, и велел ему на другой день с тем колпаком придти в собор, и как-де на другой день тот Барма в собор пришел, то-де государь его, Барму, узнал и стал его, Барму, за то что он не захотел государевой казны воровать, при себе держать в милости».
>
> (П. К. Симони. Сказки о Петре Великом в записях 1745—1754 годов. Живая старина, 1903, вып. I и II, стр. 225—227).

В многочисленных следующих записях Петр становился тем самым царем, который то допрашивает настоятеля «беспечального монастыря», то беседует с бежавшим солдатом, то встречает горшеню и советует «общипать гусей» и т. п. Оригинальную сказку «Алексей Добродович», примыкающую к циклу сказок о «мудром ответе», сообщил сказочник И. Д. Богатырев. В сказке рассказывалось о старухе, которая в утренней молитве помянула и сына, и царя Петра Алексеевича. Царь незаметно подслушал молитву, наградил старуху

и отправился во дворец. Здесь он увидел, что сын старухи спит на посту: «Ты что спишь?». — «Никак нет, не сплю!». — «А что ты делаешь?». — «А звезды считаю». — «Много насчитал?». — «А здесь — тьма-тьмой. А здесь — семьдесят со мной, а здесь не успел обсчитать — вы помешали».

Сказы об Иване Грозном и Петре I глубоко историчны в том смысле, в каком об историзме и говорил А. М. Горький: «От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории. У него свое мнение о деятельности Людовика XI, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монарха с феодалами» (М. Горький, Собр. соч., Гослитиздат, 1953, т. 27, стр. 312.

Напомним, что в легендах, пропитанных реакционной идеологией господствующей церкви, Петр I дан отнюдь не как «хороший царь», а как беспощадный и злой мучитель. В работе В. Миллера «Всемирная сказка в культурно-историческом освещении» (Русская мысль, 1894, № 10) приводится псковская легенда о зверской расправе царя с обманувшим его святым старцем.

Как и многие другие сказки, эти сказки в первоначальных вариантах, видимо, были построены на высмеивании ритуальных вопросов и ответов, отразившихся и в сказке фантастической.

Но все имеющиеся в нашем распоряжении варианты сатирических сказок о мудром ответе направлены против классовых врагов русского крестьянина (вместо царя иногда загадку не может отгадать воевода). В варианте Соколовых подчеркивается, что мужик «нуждался хлебом». Черты классового антагонизма характерны для многочисленных вариантов этих сказок, причем в поздних пересказах в характеристике царя усиливаются отрицательные черты — жестокость, злобность. Сказки на эту тему советских сказочников еще более заострены социально. Так, ответ о третьей доле («за грядку бросаю») уже не означает — «дочерей кормлю», а «подати плачу, а за что плачу — сам не знаю, все равно, что за грядку бросаю» (Сказки Магая. Записи Л. Элиасова и М. Азадовского, под ред. М. К. Азадовского. ГИХЛ, Л., 1940, стр. 242).

Сказки о мудром ответе связываются с именем многих замечательных людей. Биограф А. В. Суворова приводит одну из них как действительно бывший эпизод:

> Однажды в трескучий мороз спросил он (Суворов, — *Д. М.*) стоящего на часах солдата: «Сколько на небе звезд?». Тот ответил: «Сейчас перечту». И начал: «Раз, два, три. . .» и т. д. Когда он насчитал до тысячи и более, тогда Александр Васильевич, сильно прозябнув, спросил его имя — и ускакал. На другой день он — унтер. И Суворов сказал: «Нет, он меня перехитрил».
>
> (Е. Фукс. Анекдоты князя италийского графа Суворова-Рымникского. СПб., 1900, стр. 130—131).

Сюжет сказки о мудром ответе положен в основу стихотворения М. Исаковского «Царь, поп и мельник»:

Царь на трон уселся плотно
С грозным скипетром в руках:
— Сколько ж, пастырь беззаботный,
Сколько звезд на небесах?

И, отбросив страх и робость,
Мельник начал:
— Счет мой прост:
Звезд на небе — тьма да пропасть,
Бездна, вир и девять звезд...

Царь смирился, сдался мигом
И ответил тот же час:
— Я уже сверял по книгам,
Вышло столько ж, в самый раз.

Он помедлил деловито,
Глянул на пол, на стену...
— А теперь, отец Никита,
Объяви мою цену!

И ответил мельник честный,
Что расценка на царей
Всем и каждому известна:
Двадцать девять целкашей...

(М. Исаковский, Соч., т. 1, Гослитиздат, М., 1951, стр. 159 и след).

Другим примером использования сатирической сказки данного типа может служить одно из стихотворений А. Суркова. Это стихотворение, написанное поэтом в годы Отечественной войны, рассказывает о героическом поведении советского человека на допросе в штабе врага. Автор использовал в нем образы сказки о мудром ответе:

«Парабеллум» приставили мне к виску,
— Говори, подлец, не крути:
Сколько русских в лесу? — Как в море песку!
— Сколько пушек? — Поди, сочти.

(Ал. Сурков. Разведчик Пашков. Избранные стихи, Изд. «Советский писатель», 1947, стр. 96).

Барин-кузнец (Садовников, № 39). Принадлежит к наиболее острым в социальном отношении сказкам. Барин здесь — воплощение неумелости, неспособности к полезному труду, за который он берется лишь из зависти. Комическое изображение того, как барин трудится, напоминает народные песни о дворянах или торговых людях Фоме и Ереме, которые также безуспешно пробуют заниматься разными работами (см. примечание к сказке о Фоме и Ереме, стр. 249). Социальная острота сатиры усилена концовкой, описывающей расправу с барином-кузнецом, во время которой лакей помогает мужику, делая вид, что в точности выполняет приказ барина. Создание комического эффекта таким приемом нередко у сказочников-сатириков.

Сказка «Барин-кузнец» легла в основу одного из сатирических стихотворений Демьяна Бедного «Горе-кузнец», где в форме сказки рассказывается, как кузнецы забастовали и барину пришлось работать самому:

Вот барин стал ковать,
Да через час-то хвать —
Беда: «Эх-ма! Досадно!
Железа сорт плохой. . .
Сгорело больше половины. . .
К чему голубчик шины?
Слышь? Удружу тебе сохой!».
«Что ж! Ладно!».
Вновь кипит работа.
А пользы нет: «Ведь вот грехи!
Видать не выйдет и сохи!
А сошничек тебе иметь-то неохота?
Ужо спаяю сошничок!».
«Что ж! Ладно!».
Стук да гряк. Железо убывало,
А «кузнецу» и горя мало;
«Скую, — кричит, — кочедычок!».
«Что ж! Ладно!».
Барина заказчик не торопит.
А барин глядь, уж вопит:
«Готово! Просто шик!».
А вышел — пшик!.

(Демьян Бедный, Собр. соч., т. 1, Гослитиздат, стр. 262).

Сказка о Фоме и Ереме (Смирнов, № 299). Бытующая в многочисленных песенных и полупрозаических вариантах сказка о двух братьях Фоме и Ереме, не способных ни к какому труду и потому терпящих неудачи при всех своих попытках пахать, сеять, жать, молотить, строить, торговать, охотиться, рыбу ловить и т. д., примыкает к сатирам на представителей господствующего

класса, не приученных к полезной работе. Именно потому, что эти персонажи воспринимались в народной среде как образы людей, чьи «белые руки чужие труды любят», историческая песня о Щелкане Дудентьевиче, в ее поздних вариантах, называет Фому и Ерему в числе тех, кого «Возвяг Таврульевич» «пожаловал селами, поместьями, городами с пригородками».

В еще более остро преувеличенном виде неспособность представителей господствующих классов к труду изображена в народной песне:

У нас было в селе Поливанове,
Боярин-от дурак в решете пиво варил,
Пойти было молоденьке, поучить дурака!
Возьми, дурак, котел, — больше пива наваришь!
А дворецкий дурак в сарафан пиво сливал.
Возьми, дурак, бочку, — больше пива насливаешь!
А поп-от дурак косарем сено косил.
Возьми, дурак, косу — больше сена накосишь!

(А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. VII. СПб., 1902, стр. 25).

В XVII веке народная песня-сказка о Фоме и Ереме была обработана в книжную повестушку, уточнившую социальное лицо героев: в повести они называются то дворянскими детьми, то торговыми людьми (подробнее см.: В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. Серия «Литературные памятники», Изд. АН СССР, М.—Л., 1954, стр. 241—245). Песенные варианты (Шейн, Соболевский и др.) свидетельствуют иногда о связи не только с текстом устной сказки, но и с повестью XVII века.

Барин и плотник (Ончуков, № 223). Сказка записана собирателем со слов неизвестного, случайно встреченного на постоялом дворе человека. Многое в ней явно восстановлено по памяти. Сказка несомненно принадлежит к позднейшим антибарским сказкам. Названия деревень «Адковая» и «Райковая» принадлежат к характерным для сатирической сказки именам-названиям, определяющим предмет и в силу этого играющим роль в развитии сюжета (см. в ряде сказок: Сумин-град — сумка, Печь-печинский град — печь, и др.).

Сказка эта близка к таким сказкам, как «Барин и кузнец», где высмеивается барское неумение работать, бездарность. Близка она и к интересной сказке «Барин-драчун», записанной собирателем Н. В. Новиковым от Ф. П. Господарева (Сказки Филиппа Павловича Господарева. Запись текста, вступительное слово, примечания Н. В. Новикова. Петрозаводск, 1941, стр. 403).

Сердитая барыня (Соколовы, № 45; записана от Г. Е. Медведева). Сказка построена на противопоставлении жизни богатой барыни и нищей жены озлобленного и грубого деревенского сапожника. Составители хрестоматии «Устное поэтическое творчество русского народа» (Изд. Моск. унив., 1954) С. И. Василенок и В. М. Сидельников относят происхождение сказки к периоду разложе-

ния феодально-крепостнических отношений и развития капиталистических отношений в России.

Набитый дурак (Афанасьев, № 403), **Дурень Ненило и жена его Ненилушка** (Соколовы, № 18; записана от М. И. Медведевой, основной репертуар которой состоял из фантастических сказок), **Лутонюшка** (Афанасьев, № 405), **Сказка о глупых людях** (Смирнов, № 274), **Как один богач хотел своего сына женить** (Смирнов, № 200; записана от Ивана-шорника). Невпопад сказанное героем сказки при виде похорон пожелание «таскать вам — не перетаскать» в живом языке превратилось в поговорку, характеризующую неуместные поступки или слова. Именно в таком смысле применяет, например, это выражение В. И. Ленин (см.: В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 341).

Глупец-недотепа, все делающий невпопад, известен и как герой «скоморошины», записанной уже в XVIII веке в сборнике Кирши Данилова:

А жил был дурень,
А жил был бабин.
Вздумал он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Отшедши дурень
Версту, другу,
Нашел он, дурень,
Две избы пусты,
В третей людей нет.
Заглянет в подполье,
В подполье черти
Востроголовы,
Глаза, что часы,
Усы, что вилы,
Руки, что грабли,
В карты играют. . .
Он им молвил:
«Бог вам в помочь,
Добрым людям!»
А черти не любят,
Схватили дурня,
Зачали бити,
Зачали давити,
Едва его, дурня,
Жива отпустили. . . и т. д.

(Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. Гослитиздат, М., 1938, стр. 264—265).

Отдельные эпизоды сказок о глупцах связаны со значительной группой народных присловий, т. е. с «прозвищами, относящимися не к единичному лицу, а к групе лиц, составляющих собою географическое или этнографическое целое» (Д. Зеленин. Народные присловия и анекдоты о русских жителях Вятской губернии. Вятка, 1901, стр. 3), — о «пошехонцах», «вятичах» и пр. Возможно, что в этих произведениях сохранилась память о каких-то обрядах, исчезнувших и ставших смешными, и представлениях о природе и общественной жизни, приписывавшихся жителям соседних местностей.

Такие сказки могли начать складываться еще в период распада первобытно-общинного строя, когда на первое место стал выходить факт совместного жительства, совместного пользования некоторыми видами земли, угодьями и пр., необходимость коллективного выполнения некоторых работ и т. п. (см. М. О. Косвен. «Очерки истории первобытной культуры». Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 199).

Уже в «Повести временных лет» есть эпизоды, свидетельствующие о связи их с этими сказками. Д. С. Лихачев отмечает, в частности, связь известного рассказа о «белгородском киселе» с устным преданием: «Этот рассказ посвящен той же теме об обмане врагов хитростью, что и рассказы об Олеге, напугавшем греков движением ладей по суху, об Ольге, обманувшей четырежды древлян и один раз византийского императора». Осаждающие поверили, что их недругов кормит сама земля. Д. С. Лихачев справедливо говорит о том, что в данном рассказе речь идет о каких-то представлениях, уже невероятных для одних, но еще вполне реальных для других народов (см.: Повесть временных лет. Часть вторая. Статья и комментарии Д. С. Лихачева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 351).

Видимо, еще в феодальную эпоху сказки о различных соседних племенах, народах, наконец, просто о соседних селениях имели широкое распространение. Уже тогда предметом сатиры являлись не племенные или национальные черты, а черты социальные, как это всегда бывает в устно-поэтическом творчестве. Все эти сказочные «пошехонцы», «вятичи», «псковичи», в действительности, разумеется, ничего общего не имеющие с трудовым народом Ярославщины, Псковщины и проч., прежде всего рисуются людьми, чуждыми труду, не умеющими обращаться ни с серпом, ни с топором, ни с другими орудиями труда, что свойственно представителям господствующих классов.

Господствующие классы немало потрудились, чтобы переадресовать народную сатиру. Отсюда попытки презрительно-иронического толкования присловий в помещичьей, барской среде. Так, еще Н. С. Лесков писал, что у помещиков его времени простые люди делились на «два народа»: «народ орловский» и «народ курский». «Орловский народ» считался «пошельмоватее», а куряне — «ведомые кметы» подразумевались якобы «подурасливее» (Н. С. Лесков. Продукт природы. Полн. собр. соч., т. 22, 1903, стр. 134).

Представители прогрессивной общественной мысли, начиная от забытого просветителя конца XVIII века В. С. Березайского и кончая М. Е. Салтыковым-Щедриным, под «пошехонцами» понимали как раз представителей господствующих классов.

В сказках о пошехонцах высмеивается жизнь праздного и ленивого человека, далекого от всякого труда. Именно этой задачей сатиры объясняется доведенное до гротеска изображение полного неуменья пошехонцев выполнить какую бы то ни было работу, их фантастической недогадливости, непонимания простейших законов природы. Пошехонцы в этих сказках вообще ничего не знают, ничего не понимают. Народ мстил своим угнетателям, беспощадно высмеивая их. И если иногда в облике пошехонского быта проскальзывают крестьянские черты, то это потому, что народ, рассказывая о других классах, зачастую наделял их быт деталями своего собственного (так, царицы иногда варят обед, а царевичи пасут скот).

Образ Лутони введен в литературу В. С. Курочкиным в его пьесе «Принц Лутоня», построенной на материале народной драмы, где дана своеобразная интерпретация этого персонажа, — герой наделен народной мудростью. Не забыл В. С. Курочкин и о других чертах сказочного Лутони — о его простодушии, сметке, стремлении разобраться в происходящем и проч. В известной степени характеристика героя пьесы раскрывает семантику имени Лутоня: Лутоня на некоторых диалектах означает «ободранный». У В. Даля «лутоха» — липа, с которой снята кора, «лутошник» — человек, промышляющий съемкой лык, «лутошковый» — гнутый и т. д. Слово же «лутошливый» означает «не по годам сметливый» (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 4-е, под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ, т. II, СПб.—М., 1914, стр. 711).

Барин и мужик (Садовников, № 41, записана от Абрама Новопольцева). Характерная для А. Новопольцева черта — умелое введение ярких реалистических деталей, помогающих типизации социального образа, — проявилась и здесь. Так, мужик спрашивает проезжего барина, который попросился к нему ночевать: «А не будете ночью озоровать?». И слушателю вспоминаются картины барского произвола, «озорства».

Как и в других сказках, А. Новопольцев здесь откровенно говорит не только о своих классовых симпатиях и антипатиях, но и подчеркивает (концовкой), что он-де и есть тот самый мужик, который провел барина, а сейчас еще рассказывает ему сказки.

Солдат и барин (Смирнов, № 232). Наказание остроумным солдатом скупого барина воспроизводит ту обстановку, в какой приходилось работать у помещиков не только крепостным, но и наемным слугам. Издевательства солдата, превратившегося в барина, над слугой-помещиком в точности повторяют действительные оскорбления, обычные в быту помещичьих дворовых.

Солдат и барин (Смирнов, № 232). Сказка, видимо, принадлежит к позднейшим. Связана с солдатскими присказками и присловиями. Возможно, смягчение социальных мотивов, особенно ощутимое при сравнении с такой солдатской сказкой, как «Вестовой у генерала» (см. комментарий ниже), объясняется средой бытования.

Вестовой у генерала на вестях или солдатское «Отче наш» (запись В. П. Плешкова около 1905 г., в Свердловске); приведена в сборнике В. П. Бирюкова «Дореволюционный фольклор на Урале» (ОГИЗ, Свердловск, 1936, стр. 253—255). Сказка явно позднейшего происхождения. Возникла в солдатской среде. Автор записи сообщает, что рассказчик слышал эту сказку во время учения ополченцев. По свидетельству В. П. Бирюкова сказка широко распространена на уральских заводах. Острая сатирическая интерпретация «Отче наш» имеет богатую традицию в русской и переводной литературе. В. П. Адрианова-Перетц в статье «Образцы общественно-политической пародии XVIII—начала XIX века» приводит целый ряд аналогичных текстов, справедливо показывая, что подобные молитвы были особенно удобны для пародирования или стилизации в силу их общеизвестности. Молитву «Отче наш» использовал в одной из своих сатир М. В. Ломоносов:

Солдат скоро как в дом вступает, хозяина того призывает О т ч е!
Имение и весь твой дом теперь стал не твой уж, он н а ш.
Молчит крестьянин, размышляет и внутренно его ругает, и ж е е с и
Щастливой век наш перервался, помощник нам один остался н а н е б е с и.
Число злодеев есть безмерно, и нет достойного в них верно. Д а с в я т и т с я,
Что все народы почитают, оне, о боже, раздражают и м я т в о е.
Лишенным щастия, покою, спасение твоей рукою д а п р и и д е т,
Когда тобой не защитится, разграбится и разорится ц а р с т в и е т в о е,
Когда злодеев смерть постигнет, избавленный народ воскликнет: «Д а б у д е т в о л я т в о я».
Напастей, бед совсем лишася, все будем жить веселяся, я к о н а н е б е с и.
Отколь животныя взялися, не с неба ль сшедши развелися и н а з е м л и? . .

(В. П. А д р и а н о в а - П е р е т ц. Образцы общественно-политической пародии XVIII—начала XIX века. Тр. отд. древне-русск. литер. Инст. литер., т. III, Изд. АН СССР, М.-Л., 1936, стр. 335—366).

В ответе солдата нашли отражение сатирические мотивы из «листков, которые возбуждали настроения» в начале XIX века.

В одном из исследований приводится полный текст такого «листка»:

Грех — умер,
Право — сожжено.
Доброта — сжита со света.
Искренность — спряталась.
. . . .
Правосудие погребено под развалинами права.
Кредит — обанкротился.
Совесть — сошла с ума и сидит на весах правосудия.
. . . .
Честность — вышла в отставку.
Кротость — заперта за ссору на съезжей.
Закон — висит на пуговицах у сенаторов.
И терпенье — скоро лопнет.

(Т. Шиман. Александр Первый. История России. Перевод с нем. 1908, стр. 37).

В приведенной В. П. Бирюковым сказке концовка явно смягчена. Сам составитель приводит и другой ее вариант, более характерный для образа генерала: «В шею выгнал» (стр. 255).

Скряга (Афанасьев, № 452). Одна из наиболее ярких сказок, разоблачающих жадность и скупость классовых врагов. Марко-Богатой — постоянное имя сказочных богачей. Выше, в статье «Русская сатирическая сказка», говорилось о том, что сюжетно «Скряга» имеет немало общего с одной из «бывальщин» (термин, применяемый А. Н. Афанасьевым к рассказам о мертвецах). В приведенной А. Н. Афанасьевым бывальщине разбойники принуждают учителя открыть крышку гроба и снять кольца с пальцев покойницы, он «шесть легко снял, а седьмого не может. Сказал он про то разбойникам, они кинули ему нож и приказывают: „Отруби-ка ей палец!“. Учитель поднял нож и как только отрубил палец — в ту же минуту покойница словно ото сна пробудилась, закричала громким голосом: „Сестрицы и братцы! Вставайте на помощь скорей, не знала я покоя при жизни, не дают мне его и при смерти!“. На ее голос растворились гробницы, и начали выходит мертвецы» (Афанасьев, № 362).

Как указывалось в статье, перед нами не просто внешнее совпадение элементов сюжета; нет сомнения, что сатирическая сказка о скряге возникла как сатира и на представителя господствующего класса, и на уходящие, отмирающие представления и поверия.

Как поп работников морил (Соколовы, № 53; записано от Парамона Богданова), **Поп и работник** (Зеленин, Вятск. сб., № 63; записано от А. Х. Селезнева, сказочника-сатирика), **Я, Никого, Караул** (Ончуков, № 251), **Суд о коровах, Похороны кобеля, Жадный поп.** Три последние сказки взяты из рукописи «Народные русские сказки не для печати. Собраны, приведены в порядок

и сличены по многим разным спискам А. Афанасьевым» (Архив Института русской литературы АН СССР, № Р1, опись № 1, № 112), перепечатанной в приложениях к «Народным русским сказкам» А. Н. Афанасьева (т. III, Гослитиздат, Л., 1940, под рубрикой «Из русских заветных сказок», №№ 4, 2, 5). В печатном варианте снята вся концовка сказки № 4; несмотря на ряд натуралистических деталей представляет несомненный интерес для понимания социальной направленности произведения.

Поп и работник (Худяков, № 27). В сборнике демократа-фольклориста И. А. Худякова эта сказка называется, вопреки устной традиции, просто «Работник». Всюду слово «поп» заменено в ней неопределенным «хозяин»; лишь в примечаниях к третьему выпуску под рубрикой «Погрешности 1-го выпуска» сказано: «Стр. 107, строка 20, напечатано: хозяин; следует читать: поп». Мы восстанавливаем первоначальный текст. Вероятно по тем же цензурным обстоятельствам, которые, как писал в предисловии А. И. Худяков, «не позволяют. . . печатать многие интересные сказки», смягчены и заключительные строки сказки. Сказка близка по сюжету к оригиналу «Сказки о попе и работнике его Балде» А. С. Пушкина.

Поп теленка родил (Ончуков, № 142), **Хитрая баба** (Афанасьев, Заветн., № 66, рукопись; см. также: Афанасьев, Прилож., № 6). Сказки о скупом, жадном, глупом и похотливом попе — один из значительных видов русской народной сатиры. Эти сказки являются подтверждением той характеристики отношения народа к духовенству и религии, какую дали В. Г. Белинский в письме к Н. В. Гоголю и А. И. Герцен в статье «Россия». В. Г. Белинский писал: «Неужели же в самом деле вы не знаете, что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа. Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочку и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, брюхаты жеребцы? Попов. . . Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства?» (В. Г. Белинский. Избранные философские произведения. Госполитиздат, т. II, М., 1948, стр. 516).

Глубокое равнодушие народа к религии, атеистические элементы в его мировоззрении отмечал А. И. Герцен: «Русский крестьянин суеверен, но безразличен в смысле религии, которая ему вообще недоступна. Он в точности исполняет все обряды, всю внешнюю сторону культа, чтобы в этом отношении совесть была чиста. . . Священников своих он презирает, как лентяев и жадных людей, которые живут на его счет. Во всех непристойных народных рассказах и уличных песнях предметом насмешки и презрения служат всегда поп и дьякон или их жены» (А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. V, Пгр., 1916, стр. 352).

По цензурным условиям значительная часть сказок, высмеивающих духовенство, не могла быть опубликована, повидимому и записано их было немного. Некоторое количество записей сделано и издано было после 1905 г. После 1917 г.

число записей сказок о попах значительно возросло, причем в этих поздних вариантах заметно усилены антирелигиозные мотивы. Так, в сказке М. М. Коргуева «Как поп, псаломщик и дьякон сидели под бурлаком» муж не просто наказывает неудачливых любовников, но и отучает жену от хождения в церковь, и т. п. (Сказки М. М. Коргуева. Запись и комментарии А. Н. Нечаева. В кн.: Сказки Карельского Беломорья, т. 1. Под общей ред. проф. М. К. Азадовского, проф. Б. А. Ларина, акад. И. И. Мещанинова, А. А. Прокофьева и А. П. Чапыгина, М., 1947, стр. 628).

Одна из характерных сказок, связанная с сюжетом «чудесной» иконы, приводится В. И. Чернышевым:

> Поп сам ел хорошо, а своего работника кормил плохо. В праздник работник забрался пораньше в церковь, залез под престол и сидит там. Поп пришел, начал служить; стал читать: «Господи, очисти меня грешного и помилуй!». А работник тихонько из-под престола говорит: «Не помилую». Поп услыхал, изумился. Опять говорит: «Господи, очисти меня грешного и помилуй!». Работник опять: «Не помилую!». Поп в третий раз говорит так же, и работник ему в третий раз отвечает то же. Поп осмелился, говорит: «За что же, господи?». Работник отвечает: «Работника плохо кормишь!». Поп пришел домой, говорит попадье: «Мать, какое мне было преставление: я слышал глас». И рассказывает, что было. Пришел и работник. Его — за стол, стали кормить, угощать.
>
> (В. И. Чернышев. Сказки и легенды пушкинских мест. Изд. АН СССР, Л.—М., 1950, стр. 147).

Интересна завязка сказки «Поп теленка родил» в варианте, записанном И. В. Карнауховой от советского сказочника Петра Яковлевича Белкова, крестьянина из деревни Нефедово (Заонежский край), мастера сценического исполнения сказки (Сказки и предания Северного края, Изд. «Academia», 1924, стр. 377).

В сказке Белкова не только подчеркнута жадность попа-обжоры, но и разоблачается его полное равнодушие к выполняемому им церковному обряду, когда богослужебные возгласы он перемежает вопросами о предстоящем угощении:

> — Бла-а-гослови бог! (А хорош ли пирог?).
>
> — Православные, живите дружно! (А к киселю молока нужно).
>
> — Во имя отца и сына и святого духа! (А в рыбнике запеклась муха).
>
> — Бойтесь греха и ада-а! (Покормить попа надо).
>
> Да и насядет. Только скулы потрескивают. Рыбник, дак с костями с блюда слизом. Нажрется, дак пузо вздует. Ряса торчком стоит.
>
> — Мир дому сему, отныне и до века-а-а! (Накормили человека).
>
> Да в нову избу.

Вряд ли в этой сказке можно найти черты кулацкой идеологии, как об этом писал Ю. М. Соколов. В предисловии он указывал, что сказки Белкова типичны для «зажиточной или, вернее, *кулацкой* [курсив проф. Ю. М. Соколова] части деревни, тех лиц, которые тяготеют к торговле, купеческому бытовому укладу и к явно буржуазному миросозерцанию. . .» (Сказки и предания Северного края, Предисловие, стр. XI).

[Одна баба...] (Афанасьев, № 524), **Старухина молитва** (Ончуков, № 263; записано от И. Н. Макарова, старообрядца, «большого вольнодумца»; по словам собирателя, Макаров «с большим сарказмом относится. . . не только к православному духовенству, но и к раскольничьим учителям, наставникам и начальникам, а также к самим старообрядцам»), **Церковная служба** (Ончуков, № 262; записана от того же И. Н. Макарова, как и предыдущая сказка), **Поп Пахом** (Соколовы, № 136; записана от Г. Д. Якуничева), **Безграмотная деревня** (Ончуков, № 63; записана от Натальи Михайловны Дементьевой. Для правильного понимания текста важно примечание собирателя: «Слова попа и дьякона поются протяжно, на церковный лад; слова дьячка на мотив веселой плясовой песни» — Ончуков, стр. 168). Все эти сказки относятся к области тех многочисленных народных юморесок, которые вторгались и в древнерусскую повесть, и в XVIII веке в ученый труд Н. Курганова, автора «Письмовника», и дожили в устном бытовании до наших дней. Для всех этих сказок характерно пренебрежение к религиозному ритуалу, насмешка над церковной службой, над жадностью и невежественностью духовенства.

Под сильным влиянием антипоповских сказок такого типа складывались произведения XVII века — «Повесть о попе Савве», «Повесть о крестьянском сыне» и др. В центре «Повести о попе Савве» — образ самого попа, который не без гордости говорит о себе: «Я-де суть поп Савва, да немалая про меня слава. Аз вашу братию в попы ставлю, что и рубашки на вас не оставлю». Заснув пьяный, он видит во сне двух ангелов, которые берут у него деньги; проснувшись, он обнаруживает себя в патриаршей хлебне на цепи и уже без денег. Изображение попа Саввы вполне совпадает с «гласом народа о духовенстве» (В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 233).

В дореволюционном фольклоре сатира антирелигиозная и антипоповская была зачастую связана со старообрядчеством и сектантством. В наши дни широко бытует сатира на религию как таковую. Интересно присловие колхозника из Красных Мытищ (Псковская область) Михаила Евдокимовича Евдокимова, который говорил: «Есть три обмана в религии. Первый в православной — покойник в церкви, все плачут, а поп поет. Разве это хорошо? Второй в католической — поп других венчает, а сам не может жениться. А третьим обманом все грешны: есть художники церковные, которые рисуют иконы — бога, а сами его не видели никогда» (Вл. Гельман-Бахтин. Фольклор Псковской области. В сб.: На берегах Великой, Псков, 1947, стр. 137).

Старуха отгадчица (Ончуков, № 94), **Поп и дьякон** (Садовников, № 43). Победителями в этих социально заостренных сатирических сказках являются нищий, обездоленный, голодный. Характерно, что в сказке «Поп и дьякон», пока оба героя бедны, «колдовство» им удается; как только они разбогатели, сказочник представляет их в виде двух наглых и неумелых жуликов.

Конфликт между героем сказки о знахаре и окружающей средой — конфликт двух мировоззрений: окружающие еще верят в чудо; для него чудо — обман, отгадка уже не послание свыше, а дело рук самого колдуна или дело случая.

Каша из топора (Афанасьев, № 503), **Кузька-вор** (Садовников, № 31), **Дорогая кожа** (Афанасьев, № 447), **Барма** (Ончуков, № 160). Выше (стр. 185) говорилось о социальном значении образов этих сказок и подобных им. Приведенные варианты наиболее остры социально. В многочисленных сказках такого типа обращает на себя внимание одна общая черта. В сказке А. П. Шарапова «Вор-Яшка — менная пряжка» (Соколовы, № 3) герой выдает себя за чорта («замарал свою рожу сажей. . . и забрался в печку»); в сказке «Мотросилко», записанной в Вятской губернии (Смирнов, № 117), герой выдает себя за духа, посланного с неба («подделал себе большие лубочные крылья. . . и ночью прилез к окошку»); в сказке И. Д. Богатырева герой ворует ксендза, заявив, что он — ангел. В сборнике А. Н. Афанасьева сказки такого типа представлены №№ 383—390. В сказке № 383 вор идет воровать по совету барина — уносит у него же сапоги, прячет за глыбой земли общипанного петуха и ворует у растерявшихся при виде невиданного зрелища плугарей быка, одевшись барином, ворует жеребенка, наконец, назвавшись ангелом, уносит «керженского наставника». В сказке № 384 — вор ворует штаны у своего учителя, прикинувшись удавленником, похищает барина, всовывает в окно козла (его все принимают за чорта), одевшись барином, уводит лошадь. В сказке № 385 — прикинувшись удавленником, угоняет целый обоз. В сказке № 386 — все похищения свершает, завернувшись в солому или одевшись чортом. В сказке № 387 — подкидывает мертвеца, притворяется удавленником, вместо него топят боярина. В сказке № 388 — завертывается в солому, под видом сказочника приходит к барину. В сказке № 389 — срезает подошву у дядьки, под видом пьяного уводит жеребца. В сказке № 390 — срезает подметки, подбрасывая сапоги, ворует быка; баба, по совету вора, плачет не над телом убитого, а над разбитым кувшином, и т. д. и т. п.

Таким образом, герой этих сказок побеждает своего врага (барина, попа и т. п.) тем, что выдает себя за чорта, за удавленника, за ангела, за подводного воеводу, завертывается в солому, «творит чудеса» (подсовывает общипанного петуха, козла, мертвеца). Все это позволяет предполагать, что с самого своего появления все эти сказки были направлены против всевозможных религиозных верований.

Шут Балакирев (Соколовы, № 40; записана от Григория Ефимовича Медведева). В этой сказке образ шута, известный по многочисленным сказкам, связывается с именем Балакирева.

Иван Александрович Балакирев (1699—1763) был дворянином Костромской губернии. 16 лет был представлен Петру I, служил в Преображенском полку. Придворным стал лишь при Анне Ивановне. Видимо, этот период его жизни и был отправным для привлечения к его образу давно известных сказок о шуте, посрамляющем своего хозяина. В лубочной и книжной литературе Балакирев — герой многочисленных проказ, шуток, например в кн. К. А. Полевого «Собрание анекдотов Балакирева», вышедшей в 1830 г. В народно-поэтическом истолковании он — друг народа, смело разговаривающий об его нуждах с царем и при случае посрамляющий самого царя. У советского сказочника Ф. П. Господарева сказка «Шут Балакирев» — повесть, включающая в себя многочисленные эпизоды сказок о шуте. Особый интерес представляет вводный рассказ о царе Давиде, весьма далекий от библейского и доказывающий право мужика убить царя «с ружья», как волка (Новиков, № 29).

Чорт-заимодавец (Зеленин, Пермск. сб., № 97), **Солдат и чорт** (Садовников, № 80). Обе сказки примыкают к обширной группе сказок, где посрамляется чорт. Еще А. Н. Афанасьев писал: «Вообще следует заметить, что в большей части народных русских сказок, в которых выводится на сцену нечистый дух, преобладает шутливо-сатирический тон. Чорт здесь не столько страшный губитель христианских душ, сколько жалкая жертва обманов и лукавых сказочных героев: то больно достается ему от злой жены, то бьет его солдат прикладом, то попадает он под кузнечные молоты, то обмеривает его мужик на целые груды золота» (А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды. Казань, 1914, стр. 139).

Эти сказки, как и ряд других, «свидетельствуют, что народ всегда был великим жизнелюбом, и в то же самое время они лишний раз доказывают, что сказочная фантастика основана на трезвом понимании жизни, что она имеет реалистический характер и лишена мистики» (В. Базанов. К мотиву борьбы жизни со смертью в сказках Карелии. Народная словесность Карелии. Госиздат Карело-Финской ССР, Петрозаводск, 1947, стр. 263—265).

В этих сказках отчетливо сказалась направленность народной сатиры. На первый план выступает и здесь осуждение реальных классовых врагов. В сказке «Чорт и солдат» подчеркнуто, что «тот (генерал, — *Д. М.*) его в зубы, а после — порку. И пороли чорта каждый день».

Во многом напоминает эту сказку «Сказка о попе и чорте», дошедшая до нас лишь в стихотворной переделке. В таком виде она печаталась на страницах подпольных изданий. В ней рассказывается, как чорт услыхал, что поп пугает прихожан ужасами ада, и, явившись к нему, доказал, что для рабочего человека и жизнь земная — тот же ад.

Чорт говорит о трудящихся:

Что им ад? . . Они и в жизни
Терпят тот же ад. . . Пойдем! . .

Он принес попа к заводу.
В дымных, мрачных мастерских
Печи яркие горели;
Адский жар стоял от них.

И куда наш поп ни взглянет,
Всюду жар, огонь и смрад:
Сталь шипит, валятся искры,
Духота . . — Уж чем не ад?!

У попа дыханье сперло,
Жмется, мнется, — сам не свой.
Слезно к чорту он взмолился:
— Отпусти меня домой!

Песня эта была известна и в устном бытовании. Пелась она на мотив: «Из-за острова на стрежень» (см. сб.: Революционная поэзия. Вступительная статья, подготовка текстов и примечания А. Л. Дымшица. Изд. «Советский писатель», Л., 1954, стр. 449).

Это же положение использовано В. В. Маяковским в его «Мистерии-Буфф». Центральный эпизод сцены в аду — это сравнение реальной жизни рабочих и крестьян при капитализме с выдуманными муками ада, которые кажутся просто детской забавой. Когда черти окружают пришельцев, батрак говорит:

«Да что ты кичишься какими-то вилами!
Твой глупый ад — все равно, что мед нам.
Бывало,
в атаке,
три четверти выломит
в одно дуновенье огнем пулеметным».

(В. В. Маяковский, Полн, собр. соч., т. 3, Гослитиздат, М., 1939, стр. 177).

Видимо, сказка «Солдат и чорт» принадлежит к группе сравнительно новых сказок, возникших в солдатской среде не позднее середины XVIII века.

Эта сказка «симбирского мещанина» П. С. Полуехтова, как и другие в его репертуаре, отличается остротой социальной направленности.

Иного рода сказка «Солдат учит чертей» (Зеленин, Пермск. сб., № 33), всей манерой изложения свидетельствующая о стремлении сказочника — бывшего солдата Е. С. Савруллина перенести все действие в условно-фантастический план. Посрамленный барин, напуганные черти — все это подано в плане бывальщины. Барин не высмеивается в этой сказке, а представлен как помощник солдата, помогающий изгнанию чертей:

> Солдат с большой палкой и закричал на чертенят: «Становись во фрунт!». — Чертенята с голодухи. Хлоп солдат их по уху: «Что ты не встаешь? Исполнять службу не хочешь?». Чертенята умоляют солдата своего: «Отпусти, солдат, домой!».—«Где у вас, чертей, дом?». — «Да хоть на волю нас пусти!». Барин сидит у двери, глядит в щелку небольшую, чтобы чертенок не пролез. Солдат командует: «Шагом марш!». Он их долго тут учил; бьет их палкой по затылку: «Вы, равняйтесь хорошенько!». Приказал солдат играть музыке; бальная музыка играет, а чертенята шагом марш! Не похвалил их за это солдат: шли шеренгой неверно.

Сказки об обманутом чорте связаны со сказками о шуте, ловком пройдохе, мнимом знахаре, иногда они даже соединяются в одном развернутом повествовании (см. сказку «Кузька-вор»).

Иванушка-дурачок (Афанасьев, № 400). В центре сказок такого типа — образ Иванушки-дурачка, «иронического удачника», как называл его А. М. Горький. Центральный персонаж, несмотря на свою определенно подчеркнутую глупость, тем не менее, оказывается победителем своих противников. Представители власть имущих классов неизменно терпят поражение при столкновении с ним. Несомненно, именно эта преувеличенная глупость главного персонажа еще более оттеняет факт поражения, казалось бы, умных противников.

О ранней стадии развития образа см.: В. Я. Пропп. Мотив чудесного рождения. Ученые записки ЛГУ, серия филологических наук, 1941. вып. 12, стр. 67.

О царе и портном (записана в Сенно-Губском посаде в Заонежье; напечатана как приложение к статье В. Максимова «Заметки по поводу издания народных сказок» — Живая старина, вып. 1, 1897, стр. 112). Обман ловким рассказчиком скучающего царя с помощью развлечения его сказкой-небылицей сближает данную разновидность сказок со сказками, в которых герой рассказывает небылицы «лесному духу», чтобы получить от него огонь (см. сказки: «О старике» — В. Н. Добровольский, Смоленск. этнограф. сб., ч. 1, СПб., 1891, № 11; «Небылица — сорок братьев ездили отца крестить» — Ончуков, № 19, и др.). К числу наиболее полных сказок-небылиц относится сказка С. И. Богатырева, которую мы приводим:

НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ

Было три брата. Один безногий удался — наперегон с зайцами гонялся. Второй — косолапый, больно прыток удался. А третий одно и знал, что ворон считал.

Вот собрались три брата в лес дрова резать. Пока безногий за зайцами гонялся, косолапый ноги расправлял, третий всех ворон пересчитал, глядь — и вечер настал. Надо ужин варить. А огня-то нет!

Вот срубили три брата большую со́сну. Сложили костер. Вот и полез смотреть один из братьев — нет ли где огоньку. И увидели впрямь огонек. Ну, вот и пошел безногий. Он видит, около огонька сидит старичек. Он и просит:

— Дедушка, дай огоньку!

Тот говорит:

— А ты меня, старика, потешь чем-нибудь. Хоть песню спой!

Тот говорит:

— Не умею!

— Ну так спляши!

— Тоже не учился.

— Сказку скажи!

— Тоже не знаю.

— Ну и убирайся с чем пришел!

Так и второй брат пошел и тоже ни с чем. Такие же ответы были.

Тогда пошел третий:

— Здорово, дед!

— Здорово, свет!

— Дедушка, дай огоньку!

— А ты старика меня потешь, — говорит. — Песню спой!

— Не умею.

— Ну, так, — говорит, — спляши!

— Тоже не горазд.

— Ну, так сказку скажи!

— Ну, — говорит, — это мое дело. Только — уговор. Не любо — не слушай, а врать не мешай. А если перебьешь — сто рублей с тебя.

Ну вот, он согласился, старик этот. А он начал говорить сказку:

— Когда начался свет, мне было семь лет. Батька мой не родился, дед не был женат.

Вот тогда-то жили мы богато. От наготы да босоты ломились шесты. Было медной посуды — крест да пуговица. А рогатой скотины — таракан да жужжелица. А в упряжь — две кошки лысы да один кот—иноход.

Изба была большая: на земле порог и тут же потолок. Хоть сидеть нельзя, да зато посмотреть хорошо. А земли было — и глазом не окинешь! Пол да лавки — сами засевали, а печь да полати — в наймы сдавали. Вот засеяли мы на полу ячмень, а на лавку семян не хватило.

Ну, и вырос наш ячмень высок да густ. Да завязалась в нем крыса. Как пошла наша кошка лыса ловить крысу — и заблудилась. И теперь там бродит. Ну, а ячмень мы сжали, а сложить-то и некуда.

А я хоть меньшой, да разумом большой. Склал скирду на печном столбе.

А бабушка моя — куда была ре́зва — на печь три года лезла. Лезла, лезла, скирду нашу в лохань уронила, сама на двое переломилась. Дед завыл.

Я заголосил. Бабушку мы лы́чком сшили, так она еще десять лет так ходила. Ну, а ячмень мы из лохани вытащили, высушили и обмолотили. Сварили два пива — одное жидкое, другое, как вода. Выпьешь любого бурак — станешь совсем дурак. Ну, а как гостю поднесешь, да за волосы потрясешь, да сверху поленом оплетешь — и с ног долой!

Да была у нас еще кобыла сива. Поехал я в лес дрова рубить. Еду трусцой — трюх-трюх, а топор у меня за поясом сзади: тюх-тюх. . . И отрубил лошади весь зад! Так на передке я три года катался. Вот еду раз лесом, глядь — на опушке задок моей лошади пасется. Вот я его поймал, оборотал, березовым прутком и сшил.

Ну, и стала березка вверх расти. Росла, росла и выросла под самые облака. Надумал я по ней влезть. Влез на облака, походил, посмотрел — нет ничего!

Надумал я назад спускаться, глядь, а кобылу-то мою дедушка увел поить. И не по чему спускаться. Стал я на облаках проживать, голодом голодовать.

Завелися с той худобы у меня блохи не малые. Стал я блох ловить, да шкуры с них сдирать, да веревку вить.

Свил веревку длинную! Привязал одним концом к облакам и стал спускаться. На ту беду мне веревки не хватило. Ну, я сверху отрежу, на низ наставлю. И все-таки веревки не хватает! Я сижу — не тужу, по сторонам гляжу. Смотрю — мужик овес веет, а полова вверх летит.

Вот я [стал] полову ловить да веревку вить. Вил, вил. . . и мертвую крысу завил. А она ни с того, ни с другого ожила, веревку перегрызла. Ну, и полетел я в болото, по самый рот ушел.

Хотел воды напиться — шеи не нагнуть. Прибежала лисица, на моей голове гнездо свила, семерых лисенят принесла. Шел мимо волк, лисеняток уволок. Да я ему тут за хвост вцепился. Вцепился да и крикнул:

— Утю-лю-лю! . .

Волк меня и вытащил из болота. Вышел я из болота голодный-переголодный.

Смотрю — в дупле жареные перепелята сидят. Хотел руку просунуть — не лезет! Влез сам, наелся, растолстел, оттуда никак не вылезти! Сбегал домой за топором, прорубил дупло пошире — выкарабкался! . .

Пошел за сине море, где скот нипочем. За муху с мушонком — дают корову с теленком, за больших оводов — больших быков. Вот я наловил мух да мушат три куля. Наменял быков да коров три табуна. Пригнал к синему морю и давай горевать. Как стадо домой гнать?

Вплавь пускать? Половина перетонет. Корабли нанять? Дорого возьмут. Вот я схватил одну корову за хвост да на ту сторону и швырнул; раза два налету перевернулась! Так на ту сторону носом уткнулась. Так перешвырял я все три табуна. Остался один бык бурый, большущий. Вот окрутил я хвост вокруг руки, собрался с силой, развернулся — да как пустил! На ту сторону вместе с быком перелетел.

Ну вот, так ненароком попал я в самую преисподнюю, где черти живут. И три года у них все навоз возил. . . И все на твоем дедушке. . .

А старик и говорит:

— Не может быть, чтоб на моем дедушке!

— Может не может, а плати сто рублей. Не любо — не слушай, а врать не мешай!

Получил он сто рублей, получил огонек. Пришел к братьям. Сварили они ужин. Спать легли. И теперь еще спят. . .

Сатирическая сказка использовала, повидимому, очень древнюю схему сказок, которые Д. К. Зеленин относит к сказкам-оберегам, сохранившим элементы представления о религиозно-магической функции определенных видов сказки (Д. К. Зеленин. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок. В сб.: Сергею Федоровичу Ольденбургу, Изд. АН СССР, Л., 1938, стр. 223—228).

Хорошо, да худо (Афанасьев, № 414). Характерной чертой сказок этого типа является то, что они состоят целиком из диалога. И тема — издевательский разговор крестьянина или слуги с барином, — и форма диалога сближают эти сказки с народным театром, где сцены подобного рода были распространены («Барин и Афонька», «Барин и староста», «Голый барин» и др.).

Поэт И. Мятлев в стихотворении «Разговор барина с Афонькой» использовал подобную сказку (возможно, даже обработал). В диалоге есть, между прочим, и такие реплики. Барин говорит: «Ты жил в моей деревне. Как мужики живут?». Афонька отвечает: «Да очень зажиточно. . . А так зажиточно, что в семи дворах один топор; поутру дрова рубят, а вечером в кулак трубят». В. Г. Белинский объяснял успех этого стихотворения И. Мятлева именно тем, что оно списано им «со слов какого-нибудь Афоньки, — почему и отличается тем особенным юмором, который так свойственен людям этого сословия, когда они рассуждают о барах. . .» (В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. IX, стр. 512).

Вещий дуб (Афанасьев, № 446). Сказка на тему о семейно-бытовых отношениях. В настоящем варианте, несколько подправленном составителем «Народных русских сказок», сила сатиры направлена главным образом на обличение глупой неверной жены, однако попутно высмеиваются суеверия: в говорящее дерево верит жена, и этим пользуется для ее наказания старик-муж, уже свободный от такого суеверия.

Лгало и Подлыгало (Козырев, рукопись; публикуется впервые), **[Скупой старик]** (Афанасьев, № 520), **Петухан Куриханыч** (Смирнов, № 277), **Ленивая жена** (Худяков, № 31), **[Неумелая жена]** (Афанасьев, № 511), **Упрямая жена** (Худяков, № 32), **Болтунья** (Худяков, № 75), **Вавило и Арина** (Садовников, № 36), **[Мужик и заяц]** (Афанасьев, № 510), **Фома и Хавронья** (Ончуков, № 183). Едко высмеивая в сатирической сказке своих классовых противников, народ иронически изображает в ней отрицательные явления и в своем быту, противоречащие его общественной и бытовой морали. Так создаются сказки, в которых намеренно преувеличенно представлены ложь обманщиков и легковерие их собеседников, скупость и жадность, лень и неуважение к чужому труду, упрямство и болтливость, пустая мечтательность и другие недостатки, не менее остро осуждаемые и сатирическими народными пословицами.

Сказки на подобные темы входили в репертуар новгородской сказочницы М. О. Доничевой, который сложился, несомненно, в дооктябрьский период. Однако М. Серова, опубликовавшая записанные ею от М. О. Доничевой сказки, очевидно, подправляла тексты, исказив таким образом подлинный их облик. Для примера приведем две сказки М. О. Доничевой по изданию М. Серовой («Новгородские сказки», Л.—М., 1924), сюжеты которых не известны по другим записям XIX и XX веков.

НАГОВОРНАЯ ВОДИЦА

А что, желанны вы мои, в городу-то у вас на водицу-то шепчут? Слыхали про то али нет? Наговорной та водица прозывается, и во кака целебна та вода-матушка! Ото всего помогает. Да вот, постой-ка, погоди— не далеко ходить, про себя скажу, как мне-то этака-то водица помогла. . . Да ведь как помогла-то. . . Лучше не надобно. Да вот послушайте-ко, как дело-то было. . .

Это я со стариком-то со своим смолоду-то жизнь куда как ладно прожила. . . А вот под старость-ту и приключись с ним что-то неладное: такой поперешной старичишка стал — не приведи господи. . . Ты ему так, а он те этак. . . Ты ему слово, а он те — два. . . Ну, да уж и я-то, родны вы мои, удала была: он два, а я пять. . . он пять, а я десять. . . Так и такой-то вихорь у нас, бывало, завьется — хоть святых вон выноси. . . А разбираться начнем — виноватого нет! — «Да с чего бы это у нас, старуха? А?!». — «Да ведь все ты, неладной, поперешной. . . все ты!». . — «Да полно-ко! Я ли?!! Не ты ли?!. . С долгим-то языком. . .» — «Не я, да ты. . .». — «Ты, да не я». — Да и опять пошло-завилось, по всем углам шарахает. И до того дошодчи было, желанны вы мои, как это утречком старик с печи ноги-то спущает, и пошло. . . и пошло. . . хоть из избы вон беги.

Да спасибо — одна старушоночка надоумила. . . Так бобылочка, этак изобочки через три от нас жила. . . Слухала это она, слухала, да и говорит: «Маремьянушка, что это у тебя со стариком-то все нелады да нелады? Да сходила бы ты, матушка, к старцу-то на гору. — На водицу старец шопчет. . . людям-то помогает. . . Бывает, и тебе поможет». «А и впрямь, думаю, — пойду-ко схожу, никто, как господь». . .

Пошла это я к старцу-то. Гляжу — стоит келейка однооконнenька. . . Я это в оконышко-то постукотала, и вышел старец-то. Низенький этакой. . . щупленькой, седа бородушка клинушком. . .

— Что, — говорит, — раба, надобно?

— Да вот, говорю, батюшко, помоги. . . Этаки-то у нас нелады со стариком. . .

— А пожди, говорит, маленько. . .

И вынес он, матушки вы мои, водицы в ковшичке, да при мне на эту водицу-то и пошептал. . . Вот с места не сойтить, не лгу. . . Крест наложил, вылил водицу в стклянницу, да и говорит:

— Вот, раба, как домой-то придешь, да зашебаршит у тя старик-то, а ты водицы-то и хлебни, да не плюнь, не глотни, а с Иисусовой-то молитвой и держи в роту-то, покеды он не угомонится. . . Все ладно и будет. . .

Поклонилась я старцу, стклянницу-то взяла, да домой. Только эту ноженьку-то за порог занесла, а старик мой и себя не помнит. . . А он у меня, покойник, куды как охоч до чаю был. . . Уж не пропусти с самоваром ни минуточки. . . а я у старца-то и позапозднилась. . . Вот это он с печи-то. . .

— Уж эти мне бабы, стрекотухи проклятущие!. . Пойдут, да и провалятся. . .

А я, матушки вы мои, водицы-то и хлебнула, да как старец-то сказывал — не плюну, не глотну, с молитвой-то Иисусовой и держу ее в роту-то. . . Гляжу — замолчал мой старик-то! Это, слава тебе господи, — водица-то кака целебная. Это я стклянницу-то за божницу, а сама за самовар, да и загреми трубой. . . А у старика-то глазы на лоб полезли. . . , себя не помнит:

— Эко неладная-то. . . не тыим концом руки-то воткнуты. . .

А я опять за водицу. . . хлебнула. . . держу. . . замолчал ведь старик-то мой. . .

Да что ты скажешь, родимые вы мои, и пошла у нас тишь да гладь, да божья благодать!. . Он за ругань, а я за водицу. . . Да и слава те господи! Все пошло, как по писанному.

Так эво, желанные вы мои, что водица-то делает. . . А старик-то мой, покойник, коса сажень в плечах, росту страшенного. . . Вот эту притолочину лбом-то вышиб бы. . . И этаконький-то глоточек таку-то

махинишу сдерживал. . . Вон оно, сила-то кака в водице-то энтой самой, наговорной. . .

ГОРШОК

Вот ты говоришь, у вас народ леной [ленивой]. . . А послухай-ка, что в нашей стороне деется. Этаких леных-то поискать, да и поискать. Так и норовят дело-то на чужи плечи столкнуть — самому бы только не делать. . . Уж таки лены. . . таки лены были изо всей округи. . . И дверь-то в избу николи на крюк не закладали: «Да притка его возьми! Утром-то вставай, да руки и протягивай, да опять его скидавай. . . Да и так живе. . .».

Вот этака-то баба и свари каши. А уж и каша задалась! Румяна да рассыпчата, крупина от крупины так и отвалилася. Выняла это баба кашу из печи, на стол поставила, маслицем сдобрила, съели кашу облизаючись. Глядь, а в горшке-то эдак сбочку да на донышке и приварись каша-то, мыть горшок-то надобно.

Вот баба и говорит мужику:

— Ну, мужик, я свое дело сделала — кашу сварила, а горшок тебе мыть!

— Да полно-ка! Мужиково ли дело горшки-то мыть? И сама вымоешь.

— А и не подумаю!

— А и я не стану.

— А не станешь — дак и так стоит!

Сказала баба, сов горшок-то на шесток, а сама на лавку. Стоит горшок не мытой.

— Баба, а баба! А ведь горшок-то не мытой стоит.

— А чья череда — тот мой, а я не стану.

Достоял горшок до ночи. Ладит мужик спать ложиться, лезет на печь-то, а горшок все тутотка.

— Баба, а баба! Надобно горшок-то вымыть.

— Взвилась баба вихорем:

— Сказано — твое дело, ты и мой!

— Ну вот что, баба! Уговор дороже денег: кто завтра первой встанет, да перво слово скажет, — тому и горшок мыть.

— Ладно, лезь на печь-ту, там видно буде.

Улеглися. Мужик-то на печи, баба на лавке. Прошла темна ноченька.

Утром-то никто и не встае. Ни тот, ни друга и не шелохнутся — не хотят горшка-то мыть. Бабе-то надоть коровушку поить, доить да в стадо гнать, а она с лавки-то и не крятается. Это соседки коровушек-то прогнали.

— Господи помилуй! Что это Маланьи-то не видать? Уж все ли по-здорову?

— Да бывает, позапозднилась. Обратно пойдем, не встретим ли.

И обратно идут — нет Маланьи.

— Да нет уж! Видно что приключилося!

Ближняя-то соседка и сунься в избу. Хвать! И дверь не заложена. Неладно что-то. Вошла, перекрестилась.

— Маланья, матушка!

Ан баба-то и лежит на лавке, во все глаза глядит, сама не шелохнется.

— Почто коровушку-то не прогоняла? Ай понездоровилось?

Молчит баба.

— Да что-то с тобой приключивши-то? Почто молчишь-то?

Молчит баба, что зарезана.

— Господи помилуй! Да где у тя мужик-то? Василий, а Василий!

Глянула на печь-то, а Василий тамотко лежит, глазы открыты, а не ворохнется.

— Что у тя с женкой-то? Ай попритчилось?

Молчит мужик, что воды в рот набрал. А это, вишь ты, никому горшка мыть неохота, не хотят перво словечушко молвить. Всполошилась соседка:

Оборони, господь, не напущено ли? Пойти сказать бабам-то.

Побежала по деревне-то.

— Ой, бабоньки! Неладно ведь у Маланьи-то с Василием. Пойдитко, погляди — лежат пластом, одна на лавке, другой на печи. Глазыньками глядят, а словечушка не молвят. Уж не порча ли напущена?

Прибежали бабы, почитай все собралися, лоскочут около Маланьи да Василия:

— Матушки! Да что это с вами подеялось-то? Маланьюшка! Васильюшка! Васильюшка! Маланьюшка! Да почто молчите-то? Что приключивши-то?

Молчат, молчат обое, что убитые.

— Да беги-тко, бабы, за попом! Отчитывать надобно. Дело-то оно совсем неладно выходит.

Сбегали. Пришел батюшка-то.

— Что тако, православные?

— Да вот, батюшко, что-то попритчивши. Лежат обое — не шелохнутся, глазыньки открыты, а словечушка не молвят. Уж не попорчено ли? Не отчитывать ли?

Батюшко бороду расправил да к печке.

— Василий, раб божий! Что приключивши-то?

Молчит мужик. Поп-то к лавке.

— Раба божия! Что с мужем-то?

Молчит баба.

— Да уж не отходну ли читать? Не за гробом ли спосылать?

Молчат, что убитые. Бабы-то это полоскотали, полоскотали, да и вон из избы-то. Дело-то оно не стоит — кому печку топить, кому ребят кормить, у кого цыплятка, у кого поросятка.

А батюшка-то:

— Не, православные, уж этак-то оставить их и боязно. Уж посидите кто-нибудь.

Той некогда, другой некогда, этой времячка нет.

— Да вот, — говорят, — бабка-то Степанида пущай и посидит, не ребята и плачут, одна и живе.

А эта-ка бабка Степанида рученкой подперлась, поклонилась:

— Да не уж, батюшка, ноне даром-то никто работать не стане, а положь жалованье, так посижу.

— Да како же те жалованье-то положить? — спрашивает батюшка, да повел этак глазами-то по избе. А у двери-то и висит на стенке рваная Маланьина кацавейка, вата клоками болтается.

— Да вот, — говорит батюшка, — возьми кацавейку-то. Плоха, плоха, — а все годится хоть ноги прикрыть.

Только это, желанны вы мои, батюшка-то проговорил, а баба-то, что ошпарена, скок с лавки-то, середь избы встала, руки в боки:

— Да это что же такое, — говорит, — мое-то добро, да не помираю еще! Сама поношу, да из теплыих-то рученек кому хочу, тому отдам.

Ошалели все. А мужик-то этак тихонько ноги-то с печи спустил, склонился да и говорит:

— Ну вот, баба, ты перво слово молвила, тебе-ка и горшок мыть.

Так батюшко-то плюнул, да и вон пошел.

Так вот, матушки вы мои, какой народ на белом свете бывает. А нигде как у нас под Устюжной.

[Шемякин суд] (Афанасьев, № 320), **Сколько я горя перелез** (Смирнов, № 187; записана от Ивана Багрова, как и другие сказки, записанные на Смоленщине, несет в себе элементы белорусского языка). Обе сказки принадлежат к той группе русских сказок о богатом и бедном братьях, которая сближается с литературной повестью XVII века «Шемякин суд». А. Н. Афанасьев отметил, что, «перейдя на лубки, повесть о Шемякином суде сделалась вполне народным достоянием; из уст поселян можно услышать ее с теми различными видоизменениями, образцы которых сообщены в нашем сборнике. Овладела ли народная фантазия книжным рассказом и стала его варьировать по-своему, или самая книжная редакция есть только обработка устного народного рассказа, принадлежащая перу старинного грамотника?» (А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. II. Изд. 3-е, М., 1897, стр. 278). Малое количество устных записей сказки, совпа-

дающей в описании преступлений бедняка и суда над ним с повестью, не позволяет в настоящее время окончательно ответить на вопрос, поставленный А. Н. Афанасьевым. Исследование повести «Шемякин суд» приводит, однако, к предположению, что «более вероятным представляется переделка книжником сказочного сюжета. В противном случае трудно объяснить полное исчезновение в устных пересказах всяких следов того, что в повести связано с судебной практикой XVII века, всяких элементов книжного языка, весьма ощутительных в повести» (В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. Серия «Литературные памятники», М.—Л., 1954, стр. 226).

В сохранившихся устных вариантах судит бедняка «судья праведный», тема взяточничества отсутствует, сатира направлена против жадного, «немилостивого» богатого брата и других истцов, которые на суде пытаются изобразить несчастные случайности как преступления. «Праведный судья» своим приговором создает типичный для народной сказки благополучный исход дела для бедняка.

Приводим для сопоставления со сказкой лубочный текст повести «Шемякин суд», который неоднократно издавался начиная с первой половины XVIII века до 1830-х годов (см.: Д. Ровинский. Русские народные картинки, кн. 1. СПб., 1881, стр. 189—191):

> В некоторых полестинах два брата живяше, един богатый, а други убоги. Прииде убоги брат к богатому лошади просити, на чем бы ему в лес по дрова съездить. Богаты же даде ему лошадь. Убоги же нача и хомута прошать. Богаты же вознегодова на брата, не даде хомута.
>
> Убоги же брат умысли себе, что дровни привезать лошади за хвост. И поехал в лес по дрова, и насек воз велик, елико сила может лошади вести. И приехал ко двору своему и отворил ворота, а подворотню забыл выставить. Лошадь же бросилась через подворотню и оторвала у себя хвост.
>
> Брат же убоги к богатому приведе лошадь без хвоста. Богаты же виде лошадь без хвоста, не принял у него лошади. И поиде на убогого бити челом к Шемяке судье. Убоги, ведая, что пришла беда его, будет по него посылка, у голого давно смечена, что хоженова дать будет нечего, пойде вслед брата своего.
>
> И приидоша оба брата к богатому мужику на наслег. Мужик же нача с богатым братом пити и ясти и веселиться. Убогого пригласить не хотяху к себе. Убоги же вниде на полати, поглядывая на них, и внезапу упал с полатей и задавил ребенка в люльке до смерти. Мужик же поиде к Шемяке судье на убогого бити челом.
>
> Идущим же им ко граду купно, богаты брат и оной мужик, убоги же за ними идяше. Прилучися им ити высоким мостом. Убоги же иде с ними и разуме, что не быть ему живому от судьи Шемяки, и бросился

с мосту, хотел ушибиться до смерти. Ажно под мостом сын отца везет хворого в баню. И он попал к нему в сани и задавил его до смерти. Сын поиде бить челом, что отца его ушиб.

Богаты брат прииде к Шемяке-судье бить челом на брата, како у лошади хвост выдернул. Убоги же подня камень и завяза в плат, и кажет позади брата, и то помышляет: аще судья не по мне станет судить, и я его ушибу до смерти. Судья же, чая — сто рублев дает от дела, и приказал богатому отдать убогому лошадь, пока у ней хвост вырастет.

Потом приде мужик, подаде челобитную в убивстве младенца и нача бить челом. Убогий же, выняв тот же камень и показа судье позади мужика. Судья же, чая — другое сто рублев дает от другого дела, и приказал мужику отдать убогому жену по тех мест, пока у ней робенка сделает:

— И ты в те поры возьми к себе жену и с ребенком назад.

Прииде сын об отце бить челом, како задавил отца его до смерти, и подаде челобитну на убогого. Убоги же, вынув тот же камень, и кажет судье. Судья же чая — сто рублев дает от дела, и приказал сыну стать на мосту:

— А ты, убоги, стань под мостом, и ты, сын, таковже скочи с мосту на убогого и задави его до смерти.

Прииде убоги брат к богатому по судейскому приказу лошадь прошать без хвоста, пока у ней вырастет хвост. Богаты же не восхоте лошади дати, даде ему денег пять рублев, да три четверти хлеба, да козу дойную, и помирися с ним вечно.

Прииде убоги брат к мужику и нача по судейскому приказу жену прошати и хотяще из нея ребенка такого же сделать. Мужик же нача с убогим миритися и даде убогому пятьдесят рублев, да корову с теленком, да кобылу с жеребенком, да четыре четверти хлеба, и помирися с ним вечно.

Прииде убогий к сыну за отцово убийство и нача ему говорить, что по судейскому приказу тебе стать на мосту а мне под мостом, и ты мне бросайся на меня и задави меня до смерти. Сын же нача помышляти себе:

— Как скочу с мосту, его не задавишь, а сам ушибуся до смерти!

И нача с убогим миритися, даде ему денег двести рублев, да лошадь, да пять четвертей хлеба.

Судья же Шемяка выслал слугу к убогому прошать денег триста рублев. Убоги же показа камень и рече:

— Аще бы судья не по мне судил, и я хотел его ушибить до смерти.

Слуга же приде к судье и сказа про убогого:

— Аще бы ты не по нем судил, и он хотел тебя этим камнем ушибить до смерти.

Судья же нача креститися:
— Слава же богу, что я по нем судил!.

Вариант, приведенный Н. А. Иваницким в его «Материалах по этнографии Вологодской губернии. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России» (Изв. Общ. любителей естествозн., антрополог. и этнограф., М., 1890, стр. 214), и некоторые другие представляют собой пересказ этой лубочной повести.

На суде (Смирнов, № 164). Сказка высмеивает судейского чиновника, в расчете на взятку научившего мошенника, как прикинуться на суде глупым, и обманутого им тем же способом, какой он подсказал ему для обмана судьи. Сюжет этой сказки встречается в прозаических и рифмованных жартах XVIII века.

Сказка о ерше (Смирнов, № 107), **Байка о щуке зубастой** (Афанасьев, № 81). Сказка о Ерше Ершовиче представляет собой устный пересказ одной из переделок повести о Ерше Ершовиче, в которой первоначальная стройность композиции уже утрачена, многие подробности судебного «дела» забыты, однако элементы сатиры сохраняются в изображении ловкого насильника Ерша, взяточников-посыльщиков, судебной волокиты (см.: В. П. Адрианова-Перетц. Русская демократическая сатира XVII века. Серия «Литературные памятники», М.—Л., 1954, стр. 218—223).

В устном пересказе ерш — насильник, захватчик, но тема суда снята, Сом-большие усы назван «праведным судьей», а наказание ерша изображено словами рифмованной прибаутки.

Вариант повести о Ерше Ершовиче, наиболее близкий к устной сказке, изданный А. Н. Афанасьевым по неизвестной рукописи (№ 77), представляет собой четвертую редакцию повести, встречающуюся в рукописях с XVIII века (см.: В. П. Адрианова-Перетц, указ. соч., стр. 189). Приводим этот вариант.

СКАЗКА О ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ

Ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко склался на дровнишки со своим маленьким ребятишкам, пошел он в Кам-реку, из Кам-реки в Трос-реку, из Трос-реки в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Ростовское озеро, и в этом озере выпросился остаться одну ночку, от одной ночки две ночки, от двух ночек две недели, от двух недель два месяца, от двух месяцев два года, а от двух годов жил тридцать лет. Стал он по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбу под добало подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собрались во един круг, и стали выбирать себе судью праведную, рыбу-сом с большим усом:

— Будь ты, — говорят, — нашим судьей!

Сом послал за ершом — добрым человеком и говорит:

— Ерш, добрый человек! Почему ты нашим озером завладел?

— Потому, — говорит, — я вашим озером завладел, что ваше озеро Ростовское горело с низу и до верху, с Петрова дня и до Ильина дня, выгорело оно с низу и до верху и запустело.

— Не во век, — говорит рыба-сом, — наше озеро не гарывало! Есть ли у тебя в том свидетели, московские крепости, письменные граматы?

— Есть у меня в том свидетели и московские крепости, письменные граматы: сорога-рыба на пожаре была, глаза запалила, и понынче у нее красны.

И посылает сом-рыба за сорогой-рыбой. Стрелец-боец, карась палач, две горсти мелких молей, туды же понятых, зовут сорогу-рыбу:

— Сорога-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество.

Сорога-рыба, не дошедчи рыбы-сом, кланялась. И говорит ей сом:

— Здравствуй, сорога-рыба, вдова честная! Гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?

— Не во век-то, — говорит сорога-рыба, — не гарывало наше озеро!

Говорит сом-рыба:

— Слышишь, ерш, добрый человек! Сорога-рыба в глаза обвинила.

А сорога-рыба тут же примолвила:

— Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!

Ерш не унывает, на бога уповает:

— Есть же у меня, — говорит, — в том свидетели и московские крепости, письменные граматы: окунь-рыба на пожаре был, головешки носил, и понынче у него крылья красны.

Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туды же понятых (это государские посыльщики), приходят и говорят:

— Окунь-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество.

И приходит окунь-рыба. Говорит ему сом-рыба:

— Скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?

— Не во век-то, — говорит, — наше озеро не гарывало! Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!

Ерш не унывает, на бога уповает, говорит сом-рыбе:

— Есть же у меня в том свидетели и московские крепости, письменные граматы: щука-рыба, вдова честная, притом не мотыга, скажет истинную правду. Она на пожаре была, головешки носила и понынче черна.

Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туда же понятых (это государские посыльщики), приходят и говорят:

— Щука-рыба! Зовет рыба-сом с большим усом пред свое величество.

Щука-рыба, не дошедчи рыбы-сом, кланялась:

— Здравствуй, ваше величество!

— Здравствуй, щука-рыба, вдова честная, притом же ты и не мотыга! — говорит сом, — гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?

Щука-рыба отвечает:

— Не во век-то не гарывало наше озеро Ростовское! Кто ерша знает да ведает, тот всегда без хлеба обедает!

Ерш не унывает, а на бога уповает:

— Есть же, — говорит, — у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: налим-рыба на пожаре был, головешки носил, и понынче он черен.

Стрелец-боец, карась-палач, две горстки мелких молей, туды же понятых (это государские посыльщики), приходят к налим-рыбе и говорят:

— Налим-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество.

— Ах, братцы! Нате вам гривну на труды и на волокиту; у меня губы толстые, брюхо большое, в городе не бывал, пред судьям не стаивал, говорить не умею, кланяться право не могу!

Эти государские посыльщики пошли домой; тут поймали ерша и посадили его в петлю.

По ершовым-то молитвам бог дал дождь да слякоть. Ерш из петли-то да и выскочил; пошел он в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Трос-реку, из Трос-реки в Кам-реку. В Кам-реке идут щука да осетр.

— Куда вас чорт понес? — говорит им ерш.

Услыхали рыбаки ершов голос тонкой и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко! Пришел Бродька — бросил ерша в лодку, пришел Петрушка — бросил ерша в плетушку:

— Наварю, — говорит, — ухи, да и скушаю.

Тут и смерть ершова!

В приведенном устном варианте пересказ этой старинной повести слит с известным с XVII века рифмованным прибауточным рассказом о том, как ловили в реке ерша, как готовили из него уху и делили его. Весь этот рассказ построен на игре рифмами к собственным именам, поэтому в вариантах он то разрастается, то сокращается, в зависимости от уменья рассказчика нанизы-

вать такие рифмованные сочетания. Приводим для образца один из таких вариантов по лубочному тексту конца XVIII века:

Послали миром Першу, велели заложить вершу.
Пришел Богдан, ерша бог дал.
Пришел Устин, ерша упустил.
Пришел Иван, опять ерша поймал.
Пришел Потап, стал ерша топтать.
Пришел Давыд, стал ерша давить.
Пришел сусед, бросил ерша в сусек.
Пришел Антроп, повесил ерша во строп.
Пришел Лазарь, по ерша слазил.
Пришел Назар, понес ерша на базар: ныне дороги.
Пришел Костентин, дает за ерша шесть алтын: уступи, Назар!
Пришел Мартын, дает Костентину барыша алтын.
Пришел Анос и даром ерша унес.
Пришел Конон, сустиг на коне.
Пришел Павел, котел наставил.
Пришел Ерема, принес дров беремя.
Пришел Селиван, воды в котел наливал.
Пришел Обросим, ерша в котел бросил: пусть попреет, к ужину поспеет.
Пришел Перша, посыпал перцу.
Пришел Лука, покрошил луку.
Пришел Сава, положил полтора пуда коровьего сала.
Пришел Глеб, принес хлеб.
Пришел Пахом, хлеба напахал.
Пришел Логин, принес ложек.
Пришел Вавила, поднял ерша на вилы.
Пришел Филип, стал ерша пилить.
Пришел Демид, стал ерша делить.
Пришел Мина, мякнул Демида в рыло.
Пришел Тит, только ходя . . .
Пришел Андрей, Тита по плеши огрел.
Пришел Яков, один ерша смякал, а сам убежал, только ножки показал.
Пришел Елизар, только котла полизал, а ерша в глаза не видал, только коленки ознобил.
Пришел Данила да сестра его Ненила, только по ерше голосом повыли, конец ершу сотворили.

(Д. Ровинский. Русские народные картинки. кн. 1. СПб., 1881, стр. 404—405).

В известной степени образ Ерша Ершовича отражен и в литературе — в сказках М. Е. Салтыкова-Щедрина и Д. Н. Мамина-Сибиряка («Аленушкины сказки»).

В «Байке о щуке зубастой» ерш снова появляется уже как советник, обещающий спасти рыб от щуки зубастой, главного их врага. Однако и здесь он сохраняет некоторые черты обманщика-героя «Сказки о ерше»: он уводит рыб в мелкие речки, где они попадаются рыбаку в уху.

Дележ гуся (Афанасьев, № 499). Сюжет этой сказки давно был обработан в древнерусской литературе в повестушке «О разделившем по писанию куря», а в XVIII веке он встречается в жартах. Сметливый бедняк оказывается умнее в этой сказке и богатого мужика, и барина, который вынужден наградить его.

Новый богатырь Берденик (Зеленин, Вятск. сб., № 43; записана от Андрея Ивановича Бледных), **Сказка об Алеше Голопузом** (Азадовский, № 4; записана Е. Барсовым). Обе сказки, дающие сатирический портрет самонадеянного хвастуна, лже-героя, который тем не менее легко одерживает победы, представляют своеобразные пародии на лубочные тексты повестей о воинских подвигах сказочных витязей, по преимуществу взятых из переводных романов.

Сказка о лисе и волке (Смирнов, № 293), **Лиса и кувшин** (А. А. Эрленвейн. Народные сказки, собранные сельскими учителями. М., 1863, № 34), **Лиса и журавль** (Афанасьев, № 33), **Лиса и тетерев** (Смирнов, № 67), **Кот и лиса** (Афанасьев, № 40), **Напуганные медведь и волк** (Афанасьев, № 44), **Журавль и цапля** (Афанасьев, № 72). Сказки о животных (немногие образы которых мы включили в сборник), частично сложенные еще в доклассовый период, продолжали развиваться в период феодализма, причем и старшие их образцы и вновь возникавшие включали элементы сатиры. В образах сказочных животных запечатлевались определенные черты характера людей, их поведения, взаимоотношений людей разного социального положения. В сказках о животных складывались типичные образы, которым уподоблялись люди в пословицах и поговорках, а позднее — в баснях, где сатирические элементы сказок о животных получили особо широкое развитие.

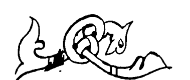
Русская басенная традиция теснейшим образом связана со сказками о животных. В баснях постоянные черты героев сказок (лисы, волка, медведя и проч.) окончательно закрепились. Напомним хотя бы такие басни И. А. Крылова, как «Лиса», «Лиса-строитель», «Лисица и виноград», «Лисица и осел» и многие другие, где каждое животное — выражение определенной черты: лиса — хитра, волк — жаден, глуп, медведь — добродушен, неповоротлив, и т. п.

В творчестве советских писателей-сатириков сказки о животных также отразились главным образом в баснях. Общеизвестны басни Сергея Михалкова,

где давно знакомые образы сказок о животных приобрели новые черты, хотя и связанные с их основными, сказочными. В басни поэта вошли образы лисы («Лиса-проныра», «Лиса и бобер» и др.), волка («Волк-травоед»), медведя и проч.

Ворона (Зеленин, Вятск. сб., № 71; записано от Кузьмы Михеева), **Ворона-Карабута** (Зеленин, Пермск. сб., № 89). Оба варианта сказки — сатира на царя, его чиновников, суд и пр. В ткань первого варианта вплетена этиологическая легенда.

Лиса-исповедница (Афанасьев, № 15). Сказочный образ лисы — хитрой, лукавой, лицемерной — был в XVII веке использован в русской демократической сатире для разоблачения лицемерия и своекорыстия духовенства. Автор «Сказания о куре и лисице» представил в образе лисицы, приглашающей исповедаться у нее петуха и упрекающей его в нарушении правил христианской морали, на самом же деле замыслившей съесть «кура», формальное благочестие духовенства, за которым скрываются его жадность и лицемерие. Эта повесть через рукописные сборники, лубочные тексты и сборник конца XVIII века «Старичок-Весельчак» была усвоена сказочниками. Записанные устные тексты сказки «Лиса-исповедница», как показывает их исследование, представляют пересказ прозаической редакции «Сказания о куре и лисице», причем сказочники пропускали из своего оригинала то, что относится в нем к обличению формального благочестия: «. . . убеждения лисы в необходимости покаяния, церковные доказательства греховности петуха, его оправдания. Зато прочно привились в сказке бытовые моменты повести, особенно рассказ о посещении лисой курятника» (В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.—Л., 1937, стр. 187—190).

ОСНОВНЫЕ СОБРАНИЯ СКАЗОК, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ КНИГИ

М. К. Азадовский. Русские сказки в Карелии (старые записи). Петрозаводск, 1947.

А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки. Под редакцией М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. Academia — Гослитиздат, М.—Л., 1936—1940.

А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки не для печати. Рукопись, в Институте русской литературы Академии Наук СССР. Архив, № Р-1, опись 1, № 112.

В. П. Бирюков. Дореволюционный фольклор на Урале. Свердловск, 1936.

В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник, ч. I, СПб., 1891.

Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. Пгр., 1915.

Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. Пгр., 1914.

Н. Г. Козырев. Сказки Островского уезда Псковской губернии, 1912—1913. Рукопись. Архив Географического общества СССР. Разряд 32, опись 2, № 42.

Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908.

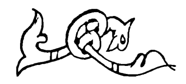
Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884.

А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского Географического общества. Вып. I—III, Пгр., 1917.

Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

И. А. Худяков. Великорусские сказки. Вып. I—III, М., 1860—1862.

А. А. Эрленвейн. Народные сказки, собранные сельскими учителями. М., 1863.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Азадовский — М. К. Азадовский. Русские сказки в Карелии (старые записи). Петрозаводск, 1917.

Афанасьев — А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки. Под редакцией М. К. Азадовского, Н. П. Андреева, Ю. М. Соколова. Academia — Гослитиздат, М.—Л., 1936—1940.

Афанасьев, Рукопись. — А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки не для печати. Рукопись, в Институте русской литературы Академии Наук СССР, Архив, № Р-1, опись № 1, № 112.

Афанасьев, Прилож. — А. Н. Афанасьев. Из «Заветных сказок». Народные русские сказки, т. III, М.—Л., 1940, стр. 362—467. (Приложение III).

Зеленин, Вятск. сб. — Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губернии. Пгр., 1915.

Зеленин, Пермск. сб. — Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. Пгр., 1914.

Новиков — Н. В. Новиков. Сказки Филиппа Павловича Господарева. Петрозаводск, 1914.

Ончуков — Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908.

Садовников — Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. СПб., 1884.

Смирнов — А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского Географического общества. Вып. I—III, Пгр., 1917.

Соколовы — Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

Худяков — И. А. Худяков. Великорусские сказки. Вып. I—III, М., 1860—1862.

СЛОВАРЬ ОБЛАСТНЫХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В СКАЗКАХ[1]

Азям — кафтан, шуба, армяк.

Баско — хорошо, красиво.

Батог (бато) — дубина.

Беремя — тяжесть, ноша, груз.

Бурка — медведь (объяснение И. Худякова).

Бучить — вымачивать.

Вершки — пакля (объяснение И. Худякова).

Взаболь — действительно, в самом деле.

Взголцыл (взголчил) — заговорил, закричал.

Виловатый — развилистый.

Вызнять — поднять.

Выть — обед, еда.

Вязка — веревка.

Головицы — льняные головки.

Горшеня — гончар.

Жадать — нетерпеливо ждать, желать.

Забрякать — застучать.

Завидливый — завистливый.

Заганул — загадал.

Загнет — яма для золы в предпечьи.

Затипать — задавить.

Затухать — задыхаться.

Зоблиться — хлопотать, заботиться.

Казак — работник.

Калякать — говорить.

Канун — пиво, брага.

Косица — висок.

Коты — башмаки.

Кочедык — шило для плетения лаптей.

Коченок — кочерыжка.

Кроя — горбушка, ломоть хлеба.

Кутничек — уголок.

Лафа — удача.

Ледвеи — ляжки.

Лесина — бревно.

Лоскотать — прочищать.

Лукнуть — бросить.

Ляда (лядина) — поросшее кустарником болото, холм, сухое место на болоте.

Меженная — летняя.

Мовчашком — молча.

Мозголов — смекалистый человек.

Мотовило — инструмент для перемотки ниток.

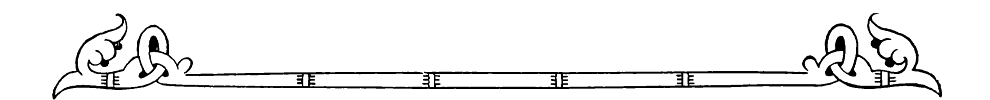
Мялица — мялка для льна.

Надыть — надо.

---

[1] Все слова даны в том значении, в котором они встречаются в тексте.

Назюзгаться — наесться.
Налетьем — летом.
Одинова — однажды, один раз.
Ожуравить — ударить.
Опружить — опрокинуть.
Оснимать — освежевать.
Отгонуть — отгадать.
Отрез — нож.
Пазгать — ударить.
Палтух(с) — рыба вида камбалы.
Паужин — еда до ужина.
Пелевня — сарай.
Пехтус — комок пахтанного масла.
Повыдздунуть — вытащить.
Погомонить — поговорить.
Поддоброхотиться — войти в доверие.
Подраздоривал — подзадоривал.
По(д)скотина — выгон, пастбище.
Пожня — луг.
Покарпать — поесть.
Попелушка — место для золы, пепла.
Попутье — попутно, заодно.
Посоиваться — соваться.
Приталить — приволочь, привести.
Притка — порча, болезнь от наговора.
Пролыга — лгун.
Прямо — против.
Рассоха — часть сохи.
Разболоть — раздеть, снять.
Раменье — лес.
Растобаривать — разговаривать.
Рахманьше — лучше.
Ржавица — ржавое болото.
Ряда — уговор, договор.
Саламат — мучная каша.
Сваркосить — выкрутиться, соврать.
Сверстаться — поравняться.
Святые — иконы, образы.
Сельдянка — бочка для сельдей.
Ска — говорит.
Со свету отделять — светать.
Сокрутиться — нарядиться, одеться.
Спай — шов, стык.
Спружить — опрокинуть.
Сронились — наклонились.
Стебенить — торопиться.
Суленый — обещанный.
Сумерилось — смеркалось.
Суслон — копна.
Тепать — есть, пичкать.
Ти — то ли.
Торица — мякина.
Торовастая — щедрая, бойкая.
Туганить — понуждать.
Угибать — окрутить.
Уколоть — уязвить.
Укоп — сметана и сливки на масло.
Устрахаться — устраниться.
Утирка — полотенце.
Утрях — утром.
Хлуп — птичье туловище.
Храпы — когти.
Чаша — череп.
Черепан — гончар.
Чехаус — цейхгауз, вещевой склад.
Шабер — сосед.
Шалапуга — дубина.
Шаньга — ватрушка.
Шашки — шишки.
Шинок — шина.

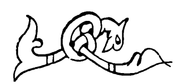

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТЫ

Стр.

ПРИЛОЖЕНИЯ

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *А. И. Соболева*
Технич. редактор *А. А. Кирнарская*
Корректоры *О. Б. Билинкис* и *Л. А. Ратнер*

*

РИСО АН СССР № 5—105В. М-41682.
Подписано к печати 23/VIII 1955 г.
Бумага 70×92 1/16. Бум. л. 9.
Печ. л. 21,06. Уч.-изд. л. 14,4.
Тираж 20000. Заказ № 179.
Цена 10 р. 15 к.

1-я тип. Изд-ва АН СССР. Ленинград.
В. О., 9 линия, д. 12.

ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
181	1 снизу	(1950,	(1953,
280	5 »	Вып. I — III,	Вып. I — II,
281	5 »	Вып. I — III,	Вып. I — II,

Русская сатирическая сказка.